

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТИЯ

ВОЛГОГРАДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

ПРОБЛЕМЫ

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Выпуск 7

№ 7 (67)

Межвузовский сборник научных статей
Издается с января 2004 г.

2010

Волгоград
2010

Учредитель: ГОУ высшего профессионального образования
"Волгоградский государственный технический университет"

Сборник зарегистрирован в Управлении регистрации и лицензионной работы в сфере массовых коммуникаций Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия ПИ № ФС77–25660 от 13 сентября 2006 г.

Главный редактор сборника "Известия ВолгГТУ"

д-р хим. наук проф. член-корр. РАН *И. А. Новаков*

Редакционная
коллегия серии:

д-р пед. наук, проректор по учебной работе ВолгГТУ *Р. М. Петрунева*
(ответственный редактор);

д-р филос. наук профессор факультета социальных и гуманитарных наук МГТУ
им. Н. Э. Баумана *Н. Г. Багдасарьян*;

д-р филос. наук, декан факультета философии и культуры РГУ *Г. В. Драч*;

д-р социол. наук проф. ВГМУ *В. В. Деларю*;

д-р социол. наук, зав. каф. истории, культуры, социологии ВолгГТУ *Н. В. Дулина*;

д-р ист. наук проф. Российского государственного гуманитарного университета
В. Д. Зимина;

д-р филос. наук, зав. каф. философии ВолгГТУ *Е. Ю. Леонтьева*;

д-р пед. наук, зав. каф. иностранных языков ВолгГТУ *А. М. Митина*;

канд. социол. наук доцент ВолгГТУ *Н. А. Овчар* (ответственный секретарь)

д-р ист. наук, зав. каф. истории ВГАСУ *Г. В. Орлов*;

д-р филос. наук профессор ВолГУ *Н. В. Омельченко*;

д-р юр. наук проф. ВолГУ *Н. В. Ростовщиков*;

член-корр. РАО, д-р пед. наук, зав. каф. ВГПУ *В. В. Сериков*

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Волгоградского государственного технического университета

Известия Волгоградского государственного технического университета: межвуз. сб. науч.
ст. № 7(67) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2010. – 156 с. (Сер. Проблемы социально-гуманитарного
знания. Вып. 7).

ISSN 1990–5297

Содержит статьи, раскрывающие методологические и некоторые методические аспекты гуманитар-
ных наук.

Ил. 4. Табл. 7. Библиогр.: 281 назв.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

<i>Виноградова Н. Л., Пашкевич И. Л.</i> Онтология современного терроризма.....	5
<i>Леонтьева Е. Ю., Мунтян Г. М.</i> Формы понимания справедливости.....	8
<i>Стручалина А. П.</i> Физика и метафизика денег.....	12
<i>Храмов И. В.</i> Формирование цивилизационной парадигмы в русской философской мысли...	17
<i>Сергеева Н. В., Костенко О. В.</i> Биоэтика как философская рефлексия медицинской культуры.....	20

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Ефимов Е. Г., Аронова О. В.</i> Проблема генезиса капитализма в социологии В. Зомбарта (методологические аспекты).....	25
<i>Абрамова С. Б.</i> Деньги и колонизация жизненного мира современных россиян.....	28
<i>Костылева Л. В.</i> Неравенство населения региона: социологический аспект.....	33
<i>Седова Н. Н., Варгина С. А.</i> Социальные риски распространения «медицинского империализма» в постсоветской России.....	38
<i>Каргаполова Е. В.</i> Концепция социального прогресса в стратегии социального развития.....	43
<i>Дулина Н. В., Овчар Н. А.</i> Прикладное социологическое исследование как социальная технология.....	47
<i>Селезнева И. Г.</i> Стабильность и государственная политика в России: взаимосвязь, проблемы и перспективы.....	51
<i>Шурбе В. З.</i> Диалог поколений: цели одни, а задачи разные?.....	55
<i>Филимончик С. Н.</i> Учительство Карелии в 1920–30-е гг.....	59
<i>Пьянов А. И.</i> Ценностные ориентации и их роль в функционировании семьи.....	63
<i>Прошечкин С. Е.</i> Влияние неонароднической пропаганды на подъем крестьянского движения в Саратовской губернии на рубеже XIX–XX вв.	68

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Баландина Э. Г.</i> Метросексуал в городе: явление, стиль, альтернативы.....	74
<i>Ляпина И. Ю., Лебедева С. О.</i> Детерминанты политической культуры населения среднего российского города в современных условиях.....	83
<i>Кирбаба Ю. В.</i> Основные характеристики полиморфизма культуры.....	87
<i>Романенкова Ю. В.</i> Русская культура в поле постсоветского пространства.....	90

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Любимова О. В.</i>	Компетентностный подход как методологическая основа современного образования.....	94
<i>Клушина Н. П.</i>	Функционально-содержательная характеристика социальных компетенций будущих инженеров.....	98
<i>Сазонова З. С., Сидякина Н. Ю.</i>	Междисциплинарная подготовка специалистов для автотранспортного комплекса.....	102
<i>Васильева В. Д., Петрунева Р. М.</i>	Проектная деятельность и проектная культура будущего инженера.....	106
<i>Тимохович А. С., Кольга В. В.</i>	Организация военно-профессиональной подготовки и переподготовки офицеров в техническом вузе в период реализации военной реформы в России.....	113
<i>Федотова Л. А.</i>	Рейтинговый контроль знаний обучающихся на факультете довузовской подготовки.....	117
<i>Староверкина Л. А.</i>	Непрерывное образование в национальном регионе.....	121
<i>Топоркова О. В.</i>	Современные модели обучения взрослых в Великобритании.....	124
<i>Сафина Л. А.</i>	Психолого-педагогические условия формирования творческого стиля деятельности дизайнеров в условиях дополнительного профессионального образования.....	128
<i>Митина А. М., Васильева Е. А.</i>	Профильные лагеря для детей в США.....	131
<i>Тухбатуллина Л. М.</i>	Состав и структура творческого компонента профессиональной компетенции дизайнера.....	134
<i>Ситникова О. В.</i>	Формирование готовности педагога к развитию творческих умений и навыков у дошкольников средствами музыки в системе постдипломного образования.....	140
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: ХРОНИКА, СОБЫТИЯ, КОММЕНТАРИИ		
<i>Леонтьев А. Н.</i>	Николай Иванович Першин.....	144
<i>Сухова А. С., Селезнева И. Г.</i>	Девiantное поведение и стабилизация общественных отношений.....	146
<i>Дулина Н. В., Овчар Н. А.</i>	Социально-экономические факторы инновационного развития России в XXI веке.....	148
<i>Овчар Н. А.</i>	Честное управление. Борьба с коррупцией как общая проблема (по результатам пребывания в Центрально-Европейском университете, г. Будапешт, Венгрия).....	149
РЕЦЕНЗИИ		
<i>Дулина Н. В., Овчар Н. А.</i>	Рецензия на монографию Н. И. Першина «Коррупция в России».....	152
	К сведению авторов.....	154

УДК 101.1
ББК 86.7

Н. Л. Виноградова*, И. Л. Пашкевич **

ОНТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА

*Волгоградский государственный технический университет
**Волжский политехнический институт (филиал)
Волгоградского государственного технического университета
E-mail: NVinogradova@yandex.ru, igor_leo@mail.ru

Выявлены причины возникновения и функционирования терроризма в современном обществе. Проведен анализ онтологических оснований современного терроризма. Рассмотрены варианты решения проблемы терроризма путем формирования знака ненасилия.

Ключевые слова: глобализация, интегральное общество, феномен современного терроризма, насилие, страх, средства массовой информации, ненасилие.

N. L. Vinogradova*, I. L. Pashkevich **

ONTOLOGY OF MODERN TERRORISM

*Volograd State Technical University
**Volzhsky Polytechnical institute (branch) of VSTU

The reasons of occurrence and terrorism functioning in a modern society are established. The analysis of the ontological bases of modern terrorism is carried out. Variants of the decision of a terrorism problem by formation of a sign on a nonviolence are considered.

Keywords: globalisation, an integrated society, a phenomenon of modern terrorism, violence, fear, mass media, a nonviolence.

Вопрос об онтологических основаниях терроризма никогда не бывает полностью исчерпан, поскольку терроризм видоизменяется в зависимости от исторических, социальных, экономических и даже технических условий. Насилие и страх выявляются как его онтологические основания, как характерные и отличительные черты, которые в то же время имеют особенности, свойственные современному терроризму, порождаемому глобализацией, цивилизационным противостоянием, конфессиональной нетерпимостью и экономическим расслоением.

Существует множество концепций и подходов при исследовании терроризма и субъектов террористической деятельности. Несмотря на широкий спектр мнений, в качестве основных можно выделить четыре теории. Первая теория характеризует терроризм как политическое явление, в основе которого лежат конкретные цели в рамках взаимодействия субъектов политической деятельности. В соответствии с психологической концепцией (вторая теория) исследуются личностные цели и мотивы терро-

ристов, выделяются и рассматриваются их социальные типы. Третья теория объясняет терроризм, исходя из конфликта цивилизаций. Согласно данной концепции, именно в рамках существующего разрыва между Западом и Востоком терроризм приобрел статус международного. Наконец, в социальной концепции (четвертая теория) терроризм исследуется как феномен, порождаемый острыми социальными конфликтами, в основу которых зачастую положено разделение общества на своих и чужих. Террористы в данном случае представляют группу лиц, противостоящих современной глобализации и модернизации общества.

Наиболее ярко изменения в онтологических основаниях современного терроризма можно проследить с позиций социального и цивилизационного подходов.

Современная глобализация порождает проблему формирования новой мировой культуры, в рамках которой происходит противопоставление мировоззренческих доктрин западной и восточной цивилизаций. В этой связи большой интерес вызывают труды П. А. Сорокина, кото-

рый выявил три наиболее важные тенденции-закономерности XX–XXI вв.: «Во-первых, перемещение творческого лидерства человечества из Европы и Европейского Запада, где оно было сосредоточено в течение последних пяти столетий, в более обширный район Тихого океана и Атлантики, особенно в Америку, Азию и Африку; во-вторых, продолжающаяся дезинтеграция до сих пор преобладающего чувственного типа человека, культуры, общества и системы ценностей; в-третьих, возникновение и постепенный рост первых компонентов нового – интегрального социокультурного порядка, его системы ценностей и типа личности» [2, с. 327]. Раскрывая положения двух последних тенденций, П. А. Сорокин отмечал, что борьба между деструктивными силами умиряющего чувственного и созидательными силами возникающего интегрального социокультурного порядка пронизывает все сферы социальной и культурной жизни и ведет к формированию нового специфического типа интегрального общества. Согласно П. А. Сорокину, мировое сообщество и культура неизбежно пройдут через стадии кризиса, катарсиса, харизмы и воскресения, а состояние, в котором находится сейчас западное общество и его культура, представляет собой трагическое зрелище начавшегося распада их чувственной суперсистемы.

Однако сегодня, благодаря высокому уровню экономического развития, становится возможным позиционирование западного типа культуры как доминирующего. В силу этого фактора, а также факта неизбежного взаимодействия со стороны представителей другой цивилизации в мировом масштабе формируется субкультурное сообщество, способное сохранить собственные ценности, традиции, индивидуальность и культурную идентичность в сложившейся ситуации, что в свою очередь является основной причиной существующего разрыва между восточным миром и странами Запада. Терроризм в данном контексте выступает одним из многих следствий, причина которых кроется в переходе от одной социальной и культурной ситуации – изоляции и закрытого общества к другой – глобализирующемуся обществу и общемировому пространству.

Необходимо отметить, что сам по себе подобный разрыв не способен привести к формированию и распространению терроризма. Напомним, что одно из онтологических основа-

ний терроризма – насилие и без него осуществление террористической деятельности становится невозможным. Насилие – общепризнанный и эффективный способ борьбы за власть, ресурсы, собственное «Я». Доктрина насилия способна формировать террористическое самосознание уже на ранней стадии социализации индивида, ценностные ориентиры которого искажаются под влиянием чувства несправедливости, психологического напряжения, постоянного стресса и страха. В этом случае религиозные и идеологические разногласия, бедность, напряжения модернизации, слабость правительства, отсутствие доверия режиму, глубокие разногласия среди элит и тому подобное являются лишь дополнительным катализатором, побуждающим к террористическому действию. Разрушив внутренний мир индивида, насилие становится направленным во вне. Подобное внешнее социальное действие субъекты терроризма направляют в сторону врага, образ которого наиболее полно отражает понятие чужого, другого. Собственное «Я» стремится в данном случае к уничтожению любого «не Я».

Упомянутый выше разрыв между восточным миром и странами Запада задает направленность террористического насилия. Здесь уместно вспомнить представителей современного международного терроризма исламского толка, идеологические установки и мировоззренческие доктрины которых достаточно четко определяют образ врага и формы борьбы с ним. При этом не всякое насилие возможно назвать терроризмом, но любое проявление террористической деятельности однозначно связано с применением насилия.

Отличительной чертой насилия при осуществлении террористических действий выступают его явный и латентный элементы. Явный элемент насилия связан с осуществлением непосредственных террористических актов. Латентный элемент насилия направлен на создание в обществе атмосферы страха и безысходности, что способствует главной цели субъектов террористической деятельности – манипуляции социумом.

Террористическую деятельность можно определить как социальный феномен, целью которой является манипуляция социальными субъектами в локальной или глобальной ситуации посредством создания и нагнетания атмосферы личного и социального страха через использование насилия или угрозы насилия. Он-

тологическим основанием терроризма является насилие физическое и психологическое. Особенностью насилия, порождаемого терроризмом, является безоговорочное игнорирование всех социальных, этических, культурных и прочих норм поведения со стороны террористов, безмерное, часто фанатичное желание путем насильственных манипуляций добиться некой цели.

На современном этапе наибольшую остроту имеет вопрос, о латентном элементе насилия в террористическом действии. Латентный элемент насилия связан с тем, что террористический акт запускает механизм, заставляющий людей делать так, как это планируют террористы, создает в обществе атмосферу страха и безысходности. Т. Гоббс писал о таких последствиях насилия: «...хуже всего, есть вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти, и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна» [1, с. 127].

Страх представляет собой тягостное, мучительное душевное состояние, вызываемое грозящей человеку опасностью и чувством собственного бессилия перед ней. Страх может быть вызван внешними обстоятельствами, представляющими угрозу для жизни, что есть вполне конкретный страх; другой вид страха – метафизический страх, предмет которого не может быть явно определен. Страх может быть субъективно-личностный, то есть вызванный конкретной личностной ситуацией, переживаниями или социальный, вызванный ситуацией в обществе или нагнетанием атмосферы массовой угрозы. Насильственная форма действия со стороны террористической организации по отношению к мировому сообществу обусловлена, с одной стороны, страхом перед внешним воздействием других, с другой – желанием управлять этими другими.

Для современного терроризма характерно, что осуществление акции покушения, нападения, уничтожения не исчерпывает смысл террористической деятельности. Их главное назначение не просто в совершении массовых убийств, устранении отдельных лиц, нанесении материального ущерба и т. д., но в достижении социального резонанса, в устрашении народов и правительств. Осуществляется латентный терроризм. Террористы действуют, используя для запугивания широких слоев населения СМИ, в том числе Интернет, что в свою очередь сформирует в общественном сознании знак терроризма, выраженный словом «терроризм».

Многим известна фраза Л. Витгенштейна о том, что «язык не выражает того, что он выражает». Информационная среда социума наполняется не только рациональными составляющими, но и интуитивными постижениями, различными образными реалиями. Это означает, что информационная среда, коммуникативный дискурс представляют весь спектр социальных отношений, определяющих, с какой вероятностью в обществе будут реализованы те или иные социальные действия, как они связаны друг с другом, каким образом они могут быть адекватно проинтерпретированы другими субъектами социальных отношений.

Благодаря современным средствам коммуникации, знак терроризма стал тождественен знаку насилия с соответствующим мировоззрением, системой взаимодействия и смыслом. Однако если борьбе с терроризмом на информационном уровне сегодня уделяется повышенное внимание, то насилие как неотъемлемая часть вещания ведущих телеканалов, радио, газет и интернета процветает в полной мере. Достаточно включить телевизор или раскрыть газету, чтобы осознать то направление, в котором они формируют массовое сознание. Стремление властных структур манипулировать социумом путем формирования среднестатистического человека толпы, с одной стороны, запуганного явными и мнимыми угрозами, а с другой – стремящегося не выделяться на фоне общества потребления, весьма сходно со стремлением террористов влиять на психологию и поступки чужого общества, которое не в силах противостоять своим же изъянам. Когда сцены насилия и крови на телевидении, в интернете, боевиках и фильмах ужасов воспринимаются как обыденная составляющая человеческой жизни, становится вполне возможным проявление деструктивного потенциала как индивида в частности, так и общества в целом. Немецкий исследователь терроризма М. Штайгер в своей статье «Картины террора в кино Голливуда» отмечает, что в сценариях американских фильмов сотни раз обыгрывались вымышленные сюжеты масштабных террористических актов [4]. Грань между вымыслом и реальностью была стерта 11 сентября 2001 г., когда, по мнению автора, для человечества только и начался XXI век.

Онтологические основания потому и онтологические, что лежат в основе, фундаменте и без них явление теряет свою сущность. Терро-

ризм порожден насилием, а оно в свою очередь, к сожалению, неустранимо из жизни человеческого общества. Однако есть реальная возможность значительно уменьшить пропаганду насилия. Выход из сложившейся ситуации настолько же прост и очевиден, насколько сложен в реализации. Суть его состоит в пропаганде ненасилия, восприятию не своей культуры не как чужой, а как другой – самобытной, достойной внимания и уважения. Провоцировать в обществе интерес к созиданию, творчеству, познанию и взаимоуважению – вот те общечеловеческие истины, которые должны быть реализованы в общественном сознании посредством современных СМИ, интернета и т. д. Сломить психологию терроризма, основанную на насилии как на единственно верном способе дости-

жения цели, возможно через альтернативу в виде знака ненасилия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс // Сочинения. В 2 т. – М., 1991. – Т. 1. – 231 с.
2. Сорокин, П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / П. Сорокин; пер. с англ., комм. и ст. В. В. Сапова. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. – 1056 с.
3. Слипенченко, В. И. Бесконтактные войны / В. И. Слипенченко. – М., 2001. – 300 с.
4. Staiger, M. Bilder des Terrors im Hollywood-Kino. [Электронный ресурс] / M. Staiger // Das Portal zur Medienbildung «Medienpädagogik und Medienkultur». – Freiburg, 2002. – Режим доступа: <http://www.mediaculture-online.de/Autoren-A-Z.253+M55e328a4657.0.html>

УДК 101.1:316
ББК С 027.7

Е. Ю. Леонтьева *, *Г. М. Мунтян* **

ФОРМЫ ПОНИМАНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ

*Волгоградский государственный технический университет

**Тираспольский юридический институт МВД
Приднестровской Молдавской республики

E-mail: leont@avtlg.ru, genadyi0308@mail.ru

В данной статье предложено выделять различные формы понимания справедливости, которые были неотъемлемыми в разные исторические и культурные эпохи. Авторы обозначают метафизическую, социально-правовую, нравственно-психологическую и межкультурную формы понимания.

Ключевые слова: справедливость, формы понимания, должное, сущее.

E. Leonteva *, *G. Muntyan* **

JUSTICE UNDERSTANDING FORMS

*Volograd State Technical University

**Tiraspol Law Institute

In this article, propose to allocate various forms of understanding of justice, which were not identical in different historical and cultural epochs. The author describes the metaphysical, socio-legal, moral-psychological and cross-cultural forms of understanding.

Keywords: justice, forms of understanding, granted, implicit.

Справедливость – одна из тех вечных тем философии, к которым обращаются поколения мыслителей, начиная с эпохи античности и заканчивая XXI веком – веком высоких технологий, глобализирующегося социума, общества «поздней современности». Каждый человек, как и каждое поколение людей, вновь и вновь решает эту проблему для себя, пытаясь ее переосмыслить и понять. Понимание это приобретает различные формы выражения: от предельно абстрактных до конкретных и специфических. А феномен, им отражаемый, имеет далеко

не единственные формы проявления, представленные в различных культурах и на различных этапах развития социума. Такая вечность темы во многом и оправдывает ее непреходящую актуальность.

На протяжении многих столетий проблема справедливости остается центральной темой обсуждения в трудах философов, историков, экономистов, политологов, юристов. Каждый исторический этап предлагает собственную интерпретацию справедливости, воплощая ее в особую форму понимания, отражающую преж-

де всего мировоззренческие установки ученых эпохи в целом. Цель предлагаемой статьи – выявить формы понимания справедливости и обосновать их самостоятельную сущность. Однако следует помнить, что, несмотря на разницу в понимании феномена справедливости, его широкий смысл, богатое содержание и многомерную структуру, существуют определенные сущностные характеристики, те инвариантные черты, которые в любом случае позволяют говорить именно о справедливости, а не о каком-либо другом феномене. Уникальность понятия «справедливость» в том, что оно объединяет в себе несколько различных денотатов. Справедливость можно определить и как *чувство*, связанное с восприятием человеком самого себя в сообществе других, и как определенную *способность* индивида к оценке людей и социальных отношений, и как *идею и идеал*, к которому уже многие века стремится человечество, и как *принцип*, в соответствии с которым человек живет, действует, а иногда и умирает. Во всех случаях общей выступает процедура соотнесения, соизмерения должного и сущего, а значит, именно эта процедура оставалась неизменной при многочисленных попытках осмыслить и понять феномен справедливости. Специфику в исторически различное понимание справедливости вносило различие в понимании самого должного, а также процедуры соотнесения.

В качестве исторически первой можно выделить *метафизическую* форму понимания справедливости, в которой последняя выступает и осознается как следование закону бытия, высшей силе, обеспечивающей гармонию и порядок. Здесь существующее, сущее соотносится с высшими законами, законами устройства космоса, мировым порядком и гармонией. Такое понимание справедливости зарождается в древних, дофилософских цивилизациях и отражается уже в мифологии. Это своеобразный принцип мироустройства, позволяющий человеку разрешать возникающие противоречия, тем самым сохраняя самого себя и существующий миропорядок. Такое понимание присутствует как в античных, так и в средневековых умопостроениях. В первом случае справедливость выступает как соответствие космическому закону, во втором – как закону божественному, христианскому.

Уже Платон в своем раннем диалоге «О справедливости» [1] берет последнюю в качестве специального предмета исследования. Здесь

еще нет глубоких метафизических умозаключений, и можно лишь констатировать, что Платон устами Сократа отождествляет справедливый (несправедливый) поступок и нрав человека, позволяющий ему быть «справедливым (несправедливым)» [1, с. 365]. Хотя в ряде случаев Платон и называет справедливость божественной, тем не менее, она для него лишена обязательной религиозности. В своей знаменитой работе «Государство» [2] Платон достаточно много внимания уделяет идее справедливости, и ответственность за нее теперь уже принимает на себя сам человек. Однако это не любой человек, а «духовный аристократ», имеющий высокую теоретическую и морально-практическую компетенцию, тот, кто сам способен «быть справедливым». А быть таковым человек может, если в его душе кроме трех основных сил – вождения, действующей силы и разума присутствует еще и четвертая добродетель – справедливость. Именно она устанавливает в душе правильный порядок и становится одной из основных добродетелей наряду с умеренностью (при вождении), мужеством (при действующей силе) и мудростью (при разуме).

Аристотель заложил основы дальнейших теоретических построений в отношении справедливости. Определение собственно справедливости как таковой, «что она такое, в чем проявляется и к чему относится» находится в «Большой этике». Согласно Аристотелю, справедливое может быть двух видов. Во-первых, это соответствие закону, то есть справедливым называют то, что приказывает закон. Уже у Аристотеля четко звучит идея соответствия – того, что есть – закону, сущего – должному. «Ведь если справедливое – это то, что велит делать закон, а закон приказывает исполнять все добродетели, то поступающий справедливо в соответствии с требованиями закона достигнет совершенного достоинства. Так что справедливый и справедливость – это некая совершенная добродетель» [3, 193b7,9]. И именно такую справедливость Аристотель выделяет как один из родов. Можно добавить, что для подробного рассмотрения того, что такое справедливость в этом первом роде, следует уразуметь сущность добродетели как таковой, и совершенной добродетели, которая для Аристотеля является одной из важнейших категорий, рассматриваемых в его этических работах.

Однако наша реальная повседневная жизнь чаще сталкивает нас с иным видом (или ро-

дом – по Аристотелю) справедливости: справедливое по отношению к другому человеку. «В вещах справедливых по отношению к другому человеку нельзя быть справедливым только для самого себя. Справедливое по отношению к другому есть, собственно говоря, равенство» [3, 193b20]. Таким образом, Аристотель выходит на соотношение понятий равенство и справедливость, причем последняя имеется в виду не как высшая добродетель, высший моральный принцип, а как справедливость по отношению к другому человеку. Поэтому справедливость – это некая середина между излишеством и нехваткой, между многим и малым, и, следовательно, тот, кто совершает несправедливость, имеет больше, а над кем она совершается – меньше. «Середина между ними – справедливое, среднее же – это равное. Так что равное между большим и меньшим справедливо, а справедливый – это человек, стремящийся иметь равное» [3, 193b27,29].

Именно Стагирит предложил такой двойственный подход при рассмотрении справедливости, и удивительным образом он сохраняет свое значение и по сей день. Так, в настоящее время выделяют общую (широкое значение) и частную (узкое значение) справедливость. В первом случае это некий «общий нравственный знаменатель» отношений между людьми, высшая нравственно-правовая инстанция в социальном бытии. Во втором случае это нравственно допустимая соразмерность в распределении существующих благ. В некоторых других случаях находится указание на справедливость как идеал, что вполне соответствует аристотелевской справедливости «как высшей добродетели», или ее широкому значению, и справедливость как принцип деятельности, что может соответствовать второму роду, выделенному Аристотелем.

Исторически второй формой понимания выступает справедливость как равенство. В отличие от метафизической формы она трактуется и осознается как неукоснительное следование равному праву всех, обусловленному естественным правом и закрепленному общественным договором. Именно поэтому такую форму можно обозначить как *социально-правовая*. Век зарождающегося капитализма требовал анализа реально происходящих событий и процессов без апелляции к высшим силам, будь то космический разум или христианский бог. В период Нового времени и Просвещения справедли-

вость становится неотъемлемой составной частью новой утверждающейся системы ценностей, распространявшейся на свободу личности, ее неприкосновенность, собственность. Справедливость выступает как возможное, признанное всеми средство урегулирования отношений, а не всеобщий, данный свыше закон. При этом такое средство отражает соответствие между реально происходящим и должным, закрепленным в общественном договоре, предполагающем прежде всего равенство возможностей и прав [4]. Кроме того, если воплощением общественного договора выступает государство, то, очевидно, именно оно и его институты могут и должны являться носителями справедливости. Возникает ассоциация между справедливостью и равенством, которая, возникая еще у Аристотеля, начинает утверждаться со времен Томаса Мора, находит свое воплощение в трудах просветителей, а также в контексте работ основателей марксизма и продолжателей их идей.

Равенство и справедливость действительно иногда пересекаются, но при этом они отнюдь не совпадают. Еще Ф. Энгельс писал о том, что «выдавать положение равенства-справедливости» за высший принцип и последнюю истину нелепо. Равенство существует лишь в рамках противоположности к неравенству, справедливость – лишь в рамках противоположности к несправедливости... понятия равенства и справедливости не могут выражать вечную справедливость и истину» [7, с. 637]. Говоря о справедливом равенстве, марксисты имели в виду прежде всего равенство возможностей – равные исходные позиции для каждого индивида; равенство результатов – одинаковость доступа к источникам общественного богатства в условиях утверждения принципа «каждому по потребностям»; отсутствие привилегий, неосновательных предпочтений, отказ от пожизненного закрепления любых форм иерархического статуса. В работах отечественных авторов не раз подчеркивалось преобладание идеального момента в таком представлении равенства, а также его исторически преходящий характер [8].

Особо следует сказать о концепции Джона Роулза, которую можно выделить в особую форму понимания справедливости и которая в 70-е годы прошлого века вызвала бурную реакцию мировой общественности, нашла критиков, последователей, комментаторов. Эту теорию можно отнести к *нравственно-психологи-*

ческой форме понимания справедливости, так как в ней впервые особое внимание обращено на психологические и нравственные внутренние механизмы возникновения и формирования справедливости. Для Дж. Роулза справедливость выступает как честность, как некое имманентное правило, регулирующее поведение человека, соотнесение с которым сущего и позволяет делать о нем вывод как о справедливом или несправедливом.

Согласно Дж. Роулзу, общественный договор – это не реально имеющее место в истории событие, а гипотетическая модель для последующих теоретических построений. Она играет эвристическую роль теста на желательность и достижимость принципов. Дж. Роулз предлагает теорию «справедливости как честности», где последняя понимается в контексте «завесы невежества» (the veil of ignorance), то есть люди должны быть лишены знания о своем конкретном будущем социальном положении в конструируемом обществе. Более того, они должны быть лишены также информации о своем происхождении, образовании, профессии, национальной принадлежности, поле, возрасте, физических и умственных способностях, природных талантах и т. д. Только в этом случае на их выбор не будет влиять эгоистический мотив сделать выбор, исходя из собственных предпочтений. «Одна из существенных особенностей этой ситуации в том, что никто не знает своего места в обществе, своего классового положения, или социального статуса, а также того, что предназначено ему при распределении природных дарований, умственных способностей, силы и т. д. Я даже предположу, что стороны не знают своих концепций блага или своих психологических склонностей» [9, с. 26]. Таким образом, лицо не должно догадываться о будущих преимуществах и недостатках своего нынешнего положения вследствие действия принятых принципов договора. Если человек догадывается об этом, он нечестен с собой и с другими и может поступить несправедливо или принять несправедливое (как правило, в отношении других) решение. В этом случае то самое невежество в отношении преимуществ его положения отсутствует. Главным врагом справедливости, по Дж. Роулзу, выступает нечестность исходной позиции, поэтому только абсолютная честность, обусловленная наличием «завесы невежества» может быть основанием справедливо-го принятия решений и принципов договора.

Теория Дж. Роулза остается наиболее разработанной теорией справедливости, по-прежнему сохраняет свою актуальность и постоянно находит новых интерпретаторов.

В последнее время в контексте рассмотрения вопросов о ценностях глобального мира проблема справедливости поднимается на научных форумах различного уровня и тематической направленности. Происходит это вследствие того, что она объединяет в себе, с одной стороны, осмысление (или переосмысление) классических проблем морали, нравственности, этических, эстетических норм и принципов. С другой стороны, она ставит проблемы, касающиеся процессов глобализации – новых и еще недостаточно изученных в рамках науки и философии, хотя много и часто обсуждаемых и дискутируемых.

Так, анализ выступлений участников XXII Всемирного философского конгресса в Сеуле [10], показал, что в последние годы сформировалось принципиально иное, по сравнению с уже существовавшими, понимание справедливости, которое все чаще рассматривается в широком межкультурном контексте и понимается как толерантность. Это стало следствием общечеловеческой и общецивилизационной значимости справедливости, основанной на следовании должному воздаянию как позитивному, так и негативному, на принципах беспристрастности и равенства, которые признаются как ценность и на различных культурно-исторических этапах, и в различных культурных традициях. Именно поэтому в современном мире складывается новая *межкультурная* форма понимания справедливости.

В современном мире проблема справедливости стала актуальной в контексте межкультурных отношений и взаимодействий, в рамках которых важнейшей ценностью в настоящее время выступает толерантность. Последнюю называют единственной добродетелью современного общества, но при этом смысл толерантности меняется и в настоящее время она становится *modus vivendi* – образом жизни [10, с. 14]. Толерантность проявляется в умении понять позицию других, соотнести между собой не во всем совпадающие интересы, при этом пойти на уступки и компромиссы. Справедливость как толерантность в межкультурном понимании предполагает не только умение соотнести должное и сущее, но и способность соотносить между собой миры должного, сформи-

рованные различными культурными традициями. Следование толерантности понимают как следование справедливым общепризнанным, общечеловеческим принципам и правилам, то есть справедливость исследуется как толерантность в рамках межкультурной формы ее понимания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Платон. Диалоги / Платон. – М.: Мысль, 1986. – 607 с.
2. Платон. Государство [Электронный ресурс] / Платон. – [2009]. – Режим доступа: www.philosophy.ru/library/plato/01/0.html - 1к
3. Аристотель. Сочинения в 4 т. / Аристотель. – М., 1983. – Т. 4. – 830 с.

4. Локк, Дж. Сочинения в 3 т. / Дж. Локк. – М., 1985. – Т. 1–2.

5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М., 1959. – 2-е изд. – Т. 13. – 771 с.

6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М., 1961. – 2-е изд. – Т. 19. – 670 с.

7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М., 1961. – 2-е изд. – Т. 20. – 827 с.

8. Давидович, В. Е. Социальная справедливость: идеал и принцип деятельности / В. Е. Давидович. – М., 1989. – 355 с.

9. Роулз, Дж. Теория справедливости / Дж. Роулз; пер. и науч. ред. В. В. Целищева. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 535 с.

10. XXII World Congress of Philosophy «Rethinking philosophy today», July 30 – August 5, 2008 г.: Abstracts / Seoul National University. – Seoul, Korea, 2008. – 581 с.

ББК Ю21

А. П. Стручалина

ФИЗИКА И МЕТАФИЗИКА ДЕНЕГ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: astruchalina@yandex.ru

В статье анализируются экономические функции денег в метафизическом и социальном контексте. Философский (метафизический) подход позволяет выявить соотношение материального, вещественного и идеального, смыслового в их функционировании. Показано, что историческая эволюция денег ведет к возрастанию их символического, знакового выражения, они все активнее освобождаются от посреднической роли. Деньги становятся самостоятельной субстанцией, экономика превращается в финансомику, что деформирует структуру хозяйства, мотивы социальной активности, ценностные ориентации людей. Из экономики вытесняется принцип справедливости, что разрушает социальное согласие и социальный порядок.

Ключевые слова: деньги, физика, метафизика, экономика, хрематистика, бытие, ничто, субстанция, потребность, функция, порядок, хаос, присвоение, отчуждение, качество, количество.

A. Struchalina

PHYSICS AND METAPHYSICS OF MONEY

Volgograd State Technical University

The article contents analysis of money's economic function in metaphysic and social context. Philosophic (metaphysic) approach lets to reveal a correlation between material and ideal in money functioning. Historic evaluation leads to increase of money's symbolic significance. Money becomes free from mediatory role. Money becomes independent substation, economy converts into chrematistic. It deforms economic structure, social motivation, people's valuable orientation. It forces out principle of justice from economy, destroys social agreement and social order.

Keywords: money, physic, metaphysic, economy, chrematistic, being, nothing, substation, need, function, order, chaos, appropriation, alienation, quality, quantity.

*Тут золота довольно для того,
Чтоб сделать все чернейшее – белейшим,
Все гнусное – прекрасным, всякий грех –
Правдивостью, все низкое – высоким,
Трусливого – отважным храбрецом,
А старика – и молодым, и свежим ...*

У. Шекспир

Деньги сопровождают всю цивилизационную историю человечества: без них невозможно построить равноправные экономические отношения, привести к взаимодействию разде-

ленные временем и пространством частные интересы и потребности, определить общественную полезность того или иного вида труда, социальный статус личности и т. д. Со всеми этими функциями деньги более или менее успешно справляются и по праву могут считаться одним из наиболее полезных изобретений человечества. Вместе с тем во все времена деньги находятся под подозрением: общественное мнение либо мистифицирует их, создавая образы «золотого тельца», «изобретения дьявола»,

либо снимает ореол таинственности, наделяет ироничными определениями «зелень», «капуста», «бабки» (что свойственно нашему времени).

Осмысливая назначение человека и человечества, властители дум (философы, литераторы, художники, кинодеятели) пытаются проникнуть еще в одну тайну – власти денег над людьми, их породившими. Многие персонажи и сюжетные конструкции мировой литературы и искусства воплотили сложность и неоднозначность отношения – деньги и человек. Эта тема воплотилась в творчестве У. Шекспира («Венецианский купец»), Мольера («Скупой»), О. де Бальзака, создавшего образ «великого скупца» Гобсека; к ней причастны трагические герои Т. Драйзера («Американская трагедия»), Л. Фейхтвангера, Н. Гоголя («Мертвые души»), А. Пушкина («Скупой рыцарь») и Ф. Достоевского («Игрок», «Преступление и наказание»). На противоречии между стремлением человека реализовать себя как личность и властью денег над этим стремлением во многом построена мировая литература. По наблюдению И. Ескевич, половина мировой литературы посвящена любви, а вторая – деньгам [5]. На взгляд автора, допустимо уточнение: вторая – тоже любви – любви к деньгам.

Наличие в философском наследии серьезных исследований природы и социальной роли денег (Аристотель, Г. В. Ф. Гегель, К. Маркс, Г. Зиммель, Э. Фромм и др.) не освобождает от подобных вопросов сегодня. Хотя работ, в которых авторы осмысливают современную культурную модификацию денег, немного, можно сказать, что общими усилиями формируется новое исследовательское направление: современная философия денег, которая ставит задачу – дать целостный анализ денег как социального явления, выявить их влияние на мир вещей, мир людей и внутренний мир личности. Особенно трудно поддаются философскому анализу методологические вопросы: возможно ли рациональное осмысление иррациональных превращений денег; как и почему материальные знаки, созданные для решения утилитарных задач, обретают собственную, независимую от их создателей жизнь, более того руководят поступками, жизненными целями людей, мотивируют, стимулируют их практические действия или порабащают их волю? Поэтому и данное исследование названо «Физика и метафизика денег», памятуя о том смысле, который имели эти термины в аристотелевские времена. *Физи-*

ка от греч. *фюзис* – природа; *мета* – над, сверх, после; *метафизика* – знание о сверхприродном, сверхчувственном. В этом значении физика денег – это указание на их вещественную субстанциальность, их способность выражать материальную полезность предметов, ставших товаром и реализующих свою товарность с помощью денег. Изучением этих свойств денег занимается в первую очередь экономическая теория. Метафизика денег – это проникновение в суть их социальности, способов связи с человеком, осознание способности денег влиять на всю систему жизненных ценностей человека, формировать их структуру и доминанту.

Различение денег как *средства* и как *цели* разделяет предметы экономической теории и философии. Первая изучает функциональные роли денег в мире товаров-вещей; вторая – их вмешательство в целостное бытие человека. Если опираться на базовый моральный принцип И. Канта: «человек никем (даже богом) не может быть использован как средство, а только как цель сама по себе», то превращение денег в цель индивидуальных устремлений делает человека и всю сформированную им систему отношений лишь средством достижения этой цели, дегуманизирует человека и общество. Но всякое теоретическое деление условно, в реальном жизненном процессе деньги выступают в этих ролях (средства и цели) одновременно, противоположности взаимодействуют и вскрыть эту диалектику может совместный философско-экономический анализ.

Экономика и хрематистика

Уже Аристотель указал на возможность расхождения функции денег как *средства регуляции* экономических отношений (как эквивалента в обмене товаров) и как *цели* самой по себе. В первом случае они являются лишь участником ведения хозяйственного дела (экономики), обеспечивают взаимовыгодную и поэтому справедливую связь между производителями и потребителями; во втором – обслуживают сами себя, замкнуты на внутренние цели накопления денежного богатства (представляют хрематистику – финансовое дело), которое во времена Аристотеля считалось малопочетным занятием. Аристотель подчеркивал, что первая роль денег полезна и согласна с природой, а вторая – неестественна и лишена всяких самоограничений. «Люди направляют все их способности на получение денег, как если бы

это было окончательной целью, и не жалеют сил для достижения этой цели» [1, с. 50].

Первичное разделение товаропроизводящей экономики и финансово-посреднической деятельности было вызвано к жизни объективными процессами экономического развития: расширением потребностей и переходом от натурального хозяйства к товарному; имущественным обособлением производителей товаров – собственников изготавливаемой продукции; специализацией производителей и связанным с этим повышением производительности труда и появлением излишних продуктов, выставляемых на продажу и т. д. В результате специализаций возрастало количество продукции со все более *ограниченными полезными свойствами* и установить потребительскую ценность товара становилось все более сложно, а, следовательно, и организовать прямой товарообмен. Пространство экономических связей все более расширялось, они становились все более опосредованными, разделенными в пространстве и времени, а произведенный частным лицом продукт проходил длинную цепочку купли-продажи, прежде чем вернуться к производителю новой ценностью с другими потребительскими свойствами. В этой цепочке отношений возник спрос на специалистов универсального профиля, которые продавали не потребительские свойства, а меновые стоимости. Такими универсалами-экспертами и посредниками стали купцы и финансисты, обладатели универсального товара – денег.

У производителя, потерявшего прямой, непосредственный контакт с потребителем, возникает соблазн снижения ответственности за качество товара, так как он перестал быть его лицом. Из хозяйственных отношений уходит связь «Я» и «Другой», разрушается *«человеческое взаимодействие»*, каждый производитель выступает для другого лишь *средством*, производящим нужный другому продукт, способный удовлетворить его потребительскую нужду. Отношения трудового взаимодействия заменяются зависимостью от продукта и каждый ведет себя как «властелин чужой потребности». Как пишет К. Маркс в «Конспекте книги Джеймса Милля «Основы политической экономики»: «Иными словами, наше производство не есть производство для человека как человека... Как люди мы не существуем друг для друга в продуктах, производимых каждым из нас; ... не человеческая сущность образует связь

наших производств друг для друга...» [7, с. 33]. Да и в своем собственном труде, в произведенном продукте экономический субъект опредмечивает *«не собственную человеческую сущность»*, а собственную корысть, ценит возможность обмена своего труда на удовлетворение других потребностей больше, чем сам труд. И, соответственно, видит в труде другого тоже только его корысть. Производство становится источником дохода, трудом ради заработка. Главной целью экономической деятельности становится прибыль в ее денежном выражении, потому что именно деньги дают возможность «купить все». С этой их способностью связано возрастание влияния финансов на производящий сектор экономики, расхождение интересов экономики (аристотелевского домохозяйства), производящей жизнеобеспечивающие продукты, и финансовой сферы, ориентированной не на полезность и качество вещей, а на их рыночный спрос и связанную с этим цену товара. Финансовая система, вышедшая из посреднической роли, присваивает функцию управления экономикой: через перераспределение финансовых потоков, стимулирование в первую очередь тех отраслей и тех видов труда, которые обеспечивают потребительский спрос данного этапа. При этом она не очень заботится о гармоничном развитии экономической системы в целом и о гарантиях ее развития в будущем. Деньги, которые классиками экономической теории сравнивались с кровеносной системой экономики, становятся инородным пузырем, высасывающим эту систему под прикрытием анонимности и непрозрачности своего собственного существования. Примером подобного разрыва финансов и реальной экономики стали финансовые пирамиды в постсоветской России, а также деятельность многих посреднических банковских структур, создаваемых специально на короткий срок для перекачки денег в нужном для них направлении. Группа экспертов под руководством доктора экономических наук М. Мусина выявила, что за пять лет (2000–2005 гг.) с помощью банковских схем из 9 трлн. рублей российского бюджета в теневой сектор экономики было выведено около 3 трлн. рублей; ежегодно внутри России «отмывается» до 27 % ВВП [8]. Процессы имеют и более глобальные следствия. По оценкам некоторых специалистов, мировая экономика превратилась в *финансомику*. Разрыв между денежной и товарной массой в мировой экономике достиг семидеся-

ти раз и стал стержневым элементом всей системы факторов, конструирующих современный финансово-экономический кризис.

Этому превращению способствовало влиятельное положение монетаризма в экономической теории конца XX века. Иллюзорная идея о саморегуляции финансового рынка как фактора создания устойчивой экономики стала руководящей доктриной многих правительств (включая Россию), произошла *виртуализация экономического сознания* в целом. Высокие финансовые показатели докризисных пяти лет, связанные с ростом цен на нефть, скрывали технологическое отставание российской экономики, что сказалось на особой остроте кризисного процесса в России и сложности путей нахождения выхода из него.

Экономические функции денег в метафизическом контексте. Порядок и Хаос

Современная экономическая теория определяет деньги прежде всего как средство для осуществления товарообмена. «Деньги – это все, что люди используют для платы за товары и услуги, для *измерения ценности* вещей и для *накопления ценности* для будущего использования» [4, с. 6]. «Деньги – особый вид *универсального товара*, используемого в качестве всеобщего эквивалента, посредством которого выражается стоимость всех других товаров. Деньги представляют собой товар, выполняющий функции *средства обмена, платежа, измерения стоимости, накопления богатства*» [2, с. 76]. В определениях указаны четыре важнейшие функции денег: меры стоимости, средства накопления, средства обращения, средства платежа. Как самостоятельную выделяют функцию *мировых денег*, обслуживающих мировой товарооборот. В совокупности функций деньги не только обслуживают товарообмен, но и отражают реальную *онтологию* жизни: структуру потребностей, степень их удовлетворения, временные связи (ориентация на сегодняшнее потребление или на накопление для потребления в будущем), общественную оценку разных видов труда, влиятельность разных социальных групп и т. д. В нормально развивающейся экономике эти функции сбалансированы: уравновешены спрос и предложение, развитие и накопление, цены и платежеспособность, внутренний рынок и внешнее заимствование. Но такая гармония трудно достижима, в реальном экономическом процессе происхо-

дит периодическое перераспределение функциональной доминанты. Во времена резкого товарного дефицита возрастает *«вынужденное накопление»* (деньги выпадают из товарного оборота, теряют свою привлекательность, так как «на них ничего нельзя купить»). В периоды высокой инфляции, ценовой нестабильности возникает дефицит денег *как средства платежа*, теряют ценность накопления, обесценивается вложенный в них труд, разрушается социальная стабильность, становится затруднительным и малонадежным прогнозирование, возрастает случайность в поведении людей. Использование одной *мировой валюты* нарушает равноправие участников мировой торговли, создает преимущества отдельным национальным экономикам, подрывает международное доверие и так далее. Таким образом деньги, выполняя свои экономические функции, затрагивают массу общежизненных проблем, обнаруживают свою *онтологическую противоречивость*: то упорядочивают складывающиеся вокруг них отношения, то разрушают их. Деньги задают определенный ритм жизни, если даже он укладывается в формулу «от зарплаты до зарплаты»; определяют ценностные параметры жизненного пространства; влияют на динамику и структуру труда (смена периодов напряженного труда и отдыха), определяют образ и качество жизни (трудоголик – бездельник), соотношение стимулов и мотивов труда (деятельное зарабатывание и активная реализация запросов или перевод жизненных желаний в сферу воображаемого).

Деньги как мера стоимости

Рассмотрим с онтологической точки зрения перечисленные функции денег в отдельности. Деньги как *мера стоимости*. В рыночных отношениях *стоимость* находит выражение в *цене* товара. Но нельзя говорить о прямой, однозначной связи стоимости и цены; в эти взаимоотношения вмешивается множество внеэкономических факторов. В цене продукта, ставшего товаром, заложены не только стоимость использованных ресурсов, затраченного труда, издержки посредников и так далее, то есть то, что может быть определено в количественных, экономических показателях. Не меньшее влияние оказывают экономическая политика, культурные и региональные предпочтения; такие феномены, как мода, реклама, брендинг – они вмешиваются в стоимостные отношения

через динамику спроса, соотношение спроса и предложения. Не случайно Г. В. Ф. Гегель определял цену как внешнюю оболочку стоимости. Деньги как мера стоимости способны выполнять функцию *социальной коммуникации*. Они *уравнивают* столь *разнокачественные* предметы (то есть обладающие разными потребительскими свойствами), приводят к *согласованному взаимодействию* столь разобщенные в своих интересах социальные группы (продавца, покупателя, посредника), обеспечивают *обмен* столь *разнообразными видами труда* (пекаря, учителя, врача, военнослужащего и т. д.), что становятся не только универсальным *рыночным эквивалентом*, но и универсальным *инструментом*, обеспечивающим *социальное взаимодействие*. Через них реализуется всеобщая взаимообусловленность индивидов, формируется целостный общественный организм, составные части которого (индивиды, социальные группы, профессиональные общности) взаимно обеспечивают жизнедеятельность друг друга при наличии *согласия по поводу условий этого взаимодействия*. Главным условием согласия является *стоимостная оценка* предложенного на рынок продукта труда, адекватная его потребительскому качеству. Это требование носит не только экономический характер, но выполняет *социально-организующую* функцию (я согласен продать – ты согласен купить). Оно вносит порядок в правила коллективной игры под названием «рынок», устанавливает равные правила для всех участников, создает условия их согласованного взаимодействия. Рассогласование возникает, если эти правила нарушаются, а вслед за этим разрушается вся структура общественных отношений. Не может быть социального согласия между производителями сельскохозяйственной продукции и продающими им свои продукты и услуги нефтяниками, энергетиками, транспортниками, если цены на эти товары не сбалансированы; между учеными, обеспечивающими интеллектуальный потенциал экономики, и чиновниками разного уровня, получающими в десятки раз большие зарплаты и т. д. Подобный дисбаланс в *стоимостной оценке* труда нарушает принцип социальной справедливости, искажает социальный облик государства. Введение в стоимостные отношения морального критерия (справедливая – несправедливая цена, зарплата, рыночный обмен и далее... государство, жизнь) оказывается возможным благодаря тому, что принцип

справедливости связан с принципом равенства, которое может быть определено количественными показателями. В этом случае справедливость может быть рассмотрена как реализация «возможного равенства» в отношениях сторон, как достигнутое согласие по поводу стоимости товаров, услуг, труда. К сожалению, современная российская действительность все меньше согласуется с этим принципом: «Россия сегодня – самое социально несправедливое государство из всех развитых стран», – считает известный экономист, академик РАН Н. Шмелёв. А. Дементьев, известный отечественный поэт и публицист, так видит современную российскую действительность:

Отныне в России есть два государства.
Одно – для народа,
Другое – для барства.
В одном государстве
Шалют от денег.
В другом – до зарплаты
Копеечки делят. [3, с. 3]

Деньги как мера стоимости, имеющая количественное выражение, создают лишь *возможность адекватного сравнения* разных видов труда и товаров, но не реализуют эту адекватность сами по себе. Как механизм, как явление они нейтральны к индивидам, социальным группам, к их интересам, но проявляют свою заинтересованность в контексте социальных условий. И вот в этом контексте возникает возможность манипулирования стоимостями: появляются выгодные контракты, выгодные сферы приложения труда, выгодные (или, как говорят, престижные) профессии и т. д. С одной стороны, выводя обезличенный труд на рыночную площадь, деньги обеспечивают «согласованные действия несогласованных индивидов», то есть создают определенный *общественный порядок*. С другой стороны, попадая в зависимость от социальных манипуляций (политических, властных и других структур), они выступают завесой финансового правдоподобия экономических сделок. Как в случае с залоговыми аукционами 1990-х годов. Тогда большие суммы бюджетных денег выдавались частным лицам якобы в долг для участия в аукционах по распродаже ранее общественной собственности. Деньги в казну возвращены не были, а собственность осталась в частных руках. «Эти манипуляции повлекли за собой глубочайшие социальные и политические последствия. Единый народ оказался разделенным на массу обед-

невшего населения и узкий круг богатых. Но не просто богатых, а невообразимо и бессовестно богатых: люди, не имевшие сколько-нибудь заметных накоплений, по богатству вышли на уровень богатейших семейств мира – тех, чьи состояния формировались десятилетиями и даже веками», – объясняет ситуацию известный публицист В. Костиков [6]. Подобные операции с участием денег разрушают общественное доверие, причинно-следственный порядок, что может привести к возмущению в социальной системе в целом. В условиях возрастания социальной нестабильности любой частный конфликт может стать причиной социального взрыва. Показателен пример забастовки рабочих в Пикалёво, вызванной остановкой предприятий, невыплатами зарплаты вследствие несогласования интересов собственников.

УДК 1(091)
ББК ЮЗ(2)50

И. В. Храмов

ФОРМИРОВАНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Общевойсковая академия Вооруженных сил Российской Федерации (г. Москва)

E-mail: igor_khramov@mail.ru

В статье показано, что зарождение и развитие цивилизационной концепции впервые находит свое воплощение в ряде работ отечественных мыслителей, в идеологическом противостоянии западников и славянофилов. Свое логическое и теоретическое завершение получает в работах Н. Я. Данилевского.

Ключевые слова: славянофильство, славянство, западники, цивилизационная концепция, национальная культура.

I. Khramov

FORMATION OF THE CIVILIZATIONAL PARADIGM IN RUSSIAN PHILOSOPHICAL THOUGHT

Combined Arms Academy of the armed forces of the Russian Federation, Moscow

The article shows that the birth and development of civilization concept for the first time is embodied in a number of works of native thinkers in ideological opposition of the Westerners to the Slavofils. In the works of Danilevskii N.YA. it obtains its logical and theoretical conclusion.

Keywords: slavophilism, Slavs, Westerners, the civilization concept, national culture.

Сущностным основанием историософских размышлений русских мыслителей является постановка проблемы самобытности, неповторимой специфичности России, русского социума, русского народа. Процесс выявления этого национально специфического, выпавший на конец XVIII – начало XIX века, объективно стал одним из факторов формирования теории локальных цивилизаций. Даже беглое перечисление некоторых названий известных трудов

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Аристотель*. Афинская политика /Аристотель. – М.: Мысль, 1997. – С. 50.
2. *Брю, С. Л.* Экономика: принципы, проблемы и политика / С. Л. Брю, К. Р. Макконелл; пер. с англ. – 11-е изд. – М.: Республика, 1992. – С. 264–275.
3. *Дементьев, А.* Воры стали властителями дум? / А. Дементьев // *АиФ*. – 2009. – № 36. – С. 3.
4. *Долан, Э.* Деньги, банки и монетарная политика / Э. Долан, Р. Кемпбелл. – Драйден пресс, 1988. – С. 6.
5. *Ескевич, И.* Метафизика денег / И. Ескевич. – М.: ЭКСМО, 2006. – 272 с.
6. *Костиков, В.* И кто шакалит? Российский кризис углубляет разрыв между людьми / В. Костиков // *АиФ*. – 2009. – № 36.
7. *Маркс, К.* Конспект книги Дж. Милля «Основы политической экономии» / К. Маркс, Ф. Энгельс // *Сочинения*. – 2-е изд. – Т. 42. – С. 32–37.
8. *Мусин, М.* В плену у спрута / М. Мусин // *АиФ*. – 2007. – № 50 – С. 16.
9. *Шмелев, Н.* Интервью газете «Аргументы недели» / Н. Шмелев // *Аргументы недели*. – 2010. – 14 января. – С. 3.

русских мыслителей показывает, насколько интенсивно разрабатывалась тогда эта тема. Кроме «Философических писем» П. Я. Чаадаева, можно назвать еще ряд работ: «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» И. В. Киреевского, «Избранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя, «О любви к Отечеству и народной гордости» и «О древней и новой России» Н. М. Карамзина, «Мнение русских об иностранцах»

А. С. Хомякова, «Русские ночи» В. Ф. Одоевского, «Россия и Германия» и «Россия и революция» Ф. И. Тютчева, «Россия и Европа» и «Московский панславизм и русский европеизм» А. И. Герцена. Удивляет разница представленных идеологических позиций – и западники, и славянофилы, и те, кто не принадлежит к этим лагерям.

Особенной чертой формирования цивилизационной парадигмы в русской социально-философской мысли стало то, что термин «славянская» выступил маркировкой своеобразия русского исторического пути и русской культуры и одновременно как обозначение более широкой родственной общности. С момента формирования русского социума в идентификационной иерархии его менталитета неизменно присутствует славянская идентичность, что имеет объективные основания. Во-первых, единый язык в момент формирования – церковнославянский. Во-вторых, византийская культурная традиция, пришедшая вместе с этим языком. В-третьих, отдельные общеславянские мифологические элементы (как вошедшие в православную систему ценностей и ритуалов, так и не вошедшие). И последнее, устойчивые связи в ходе развития истории (хотя история не только соединяла славянские народы, но и разъединяла их).

«Первое философическое письмо» П. Я. Чаадаева обычно читается как чисто политический документ, полемически и в черных красках рисующий тогдашнюю русскую действительность. В то же время в нем присутствует и более глубокое, чисто философское измерение, что звучит в таких известных словах: «Раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию, мы бы должны сочетать в себе две великие основы духовной природы – воображение и разум и объединить в своем просвещении исторические судьбы всего земного шара» [1, с. 24–25]. «Мы так удивительно шествуем во времени, что, по мере движения вперед, пережитое пропадает для нас безвозвратно...» [1, с. 25].

В. Ф. Одоевский и возглавляемое им общество любомудрия стали разработчиками новой парадигмы философско-исторической мысли – о своеобразии исторического пути России, о ее особом призвании служить звеном между Западом и Востоком, между веком минувшим и настоящим. Как христианство внесло новые силы

в дряхлеющий античный мир, так ныне спасение Европы возможно лишь в случае, если на смену истории вступит народ со свежими силами, не отягощенный традициями прошлого. Таким «свежим» народом, по мнению любомудров, является русский народ и более широко славянский Восток. В беллетризованном виде эта идея была представлена в философском романе В. Ф. Одоевского «Русские ночи». Говоря о русском народе в частности и о славянстве в целом как особом субъекте исторического процесса, автор отмечает: «Мы поставлены на рубеже двух миров: протекшего и будущего; мы новы и свежи; мы непричастны преступлениями старой Европы; перед нами разыгрывается ее странная таинственная драма, которой разгадка, может быть, таится в глубине русского духа» [2, с. 148]. И далее: «Не бойтесь, братья по человечеству! Нет разрушительных стихий в славянском Востоке – узнайте его, и вы в том убедитесь; вы найдете и наши собственные силы, вам неизвестные, и которые не оскудевают от раздела с вами» [2, с. 182].

Само возникновение термина «славянофильство» связано с деятельностью А. С. Хомякова и И. В. Киреевского. «Славянофильские проблемы – единственные оригинальные проблемы русской философии, как бы ни решались они» [3]. Представляются весьма интересными их попытки расшифровать своеобразие славянской цивилизации. Главу «Славянский мир и его значение» А. С. Хомяков начинает словами: «Одна только семья человеческая мало и весьма мало обращала на себя их [германских] ученых, а это семья, кажется, не за морями, не утаилась в каком-нибудь темном уголке земли, а пограничная с германцами, даже чересполосная с ними, сильная числом, населяющая пространство почти беспредельное, семья славянская» [4, с. 56].

А. С. Хомяков приходит к трактовке специфики славянского мира на основе выделения двух антиномичных стихий. Начало, связанное со стихией земледельческой, он именует иранством, а противоположное ему «завоевательное начало» – кушитством. Легко прочитывается отнесение славянства к иранскому типу. Духовная история человечества предстает как многовариантная борьба иранства и кушитства. Символ веры в стихии иранства – божество в виде свободно творящей личности. Кушитство противопоставляет этому символу свободы стихию необходимости. В основе иранства –

провозглашение свободы веры, бытующей внутри каждого человека. В основе кушитских верований – поклонение «религиозному материализму» и «фетишом» веры. Иранство особенно ярко проявляется в литературе и музыке; кушитство – в материальных искусствах (живописи и зодчестве). Стихия иранства – в синтетическом, нерасчлененном восприятии мира; кушитству свойствен анализ и рационализм. Появление христианства представляло героическую попытку «противостояния мировому «кушитству».

Н. А. Бердяев назвал антиномию «иранство – кушитство» самой замечательной, приближающейся к гениальности идеей А. С. Хомякова, а Н. Рязановский считал, что конфликт между иранством и кушитством, между религией свободы и религией необходимости является ключом к славянофильской идеологии.

Антагонистами славянофилов, казалось бы, выступали западники. Но тем не менее и само «западничество возникло у нас на той же теме о России», о ее путях и ее отношении к Европе... Для русских людей Запад был идеалом, мечтой. Западники были такие же русские люди, как и славянофилы, любили Россию и хотели для нее блага» [5, с. 91]. Здесь нельзя даже сказать, что «они делали одно дело, не осознавая этого», они это осознавали. Один из ведущих западников А. И. Герцен, который «очень хорошо понимал значение возведенной постройки славянофилов», говорил: «Наша европейская западническая партия тогда только получит место и значение общественной силы, когда овладеет темами и вопросами, пущенными в обращение славянофилами» [6, с. 293].

Следует особо отметить, что как только речь заходит о национальном, в сознании как западников, так и славянофилов возникают какие-то глубокие архетипические представления их объединяющие. Но все же славянофилы ближе стоят со своими теориями и взглядами к архетипическим, этническим глубинам, к ценностным структурам, сформировавшимся в народе на протяжении тысячелетий. В этом смысле славянофилы и западники не альтернативны, они дополняют друг друга. Различие между этими направлениями только в том, что западники уверены: если перенести в Россию все внешние формы столь уважаемой ими западной цивилизации с ее техническими достижениями, наукой, законодательством и государственными формами, то все это нисколько не помешает, а только будет способствовать

проявлению и реализации наших коренных ценностных идеалов. Некоторые из западников, по-видимому, полагали, что эти коренные ценностные структуры универсальны и лежат в основании европейской цивилизации точно так же, как и в основании нашей, а потому проблемы их объединения друг с другом не существует. Для славянофилов же этот архетипический строй нельзя ввести в европейский образ жизни, а нужно для него создавать собственную цивилизацию. Но и они, разумеется, не отвергали полностью заимствований с Запада, просто в полемике часто вынуждены были занимать крайнюю позицию и критиковать Европу, что называется, через край.

Первые попытки придать несколько более универсальный смысл выделению национальной культуры были осуществлены Н. Я. Данилевским («Россия и Европа») и отчасти К. Н. Леонтьевым («Восток, Россия и славянство»). Н. Я. Данилевскому принадлежит заслуга не только первой классификации цивилизаций, называемых им культурно-историческими типами, но оригинального раскрытия этнических особенностей славянства.

Последнюю задачу ученый решает в главе «Славянский культурно-исторический тип». Для этого он привлекает специфический метод выделения разрядов (сегодня мы бы сказали видов) культурной деятельности. Таких разрядов культурной деятельности, по его мнению, насчитывается не менее четырех, а именно: во-первых, деятельность религиозная, объемлющая собою отношения человека к Богу, – понятие человека о судьбах своих как нравственно-го неделимого в отношении к общим судьбам человечества и Вселенной; во-вторых, деятельность культурная, в тесном значении этого слова, объемлющая отношения человека к внешнему миру (теоретическое – научное, эстетическое – художественное техническое – промышленное); в-третьих, деятельность политическая, объемлющая собою людей между собой как членов одного народного целого; в-четвертых, деятельность общественно-экономическая, объемлющая собою отношения людей между собой не непосредственно как нравственных и политических личностей, а опосредованно – применительно к условиям пользования предметами внешнего мира, следовательно, и добывания и обработки их.

Затем Н. Я. Данилевский характеризует культуры, предшествовавшие славянской. Еврейс-

кая культура была религиозна, эллинский тип – художественно-культурным, римская культура – политической. Эти культурно-исторические типы ученый называет одноосновными. Германо-романский культурно-исторический тип получает у него название двуосновного политико-культурного типа с преимущественно научным и промышленным характерами культуры [7, с. 508]. Общий вывод автора сводится к тому, что «можем мы питать основательную надежду, что славянский культурно-исторический тип в первый раз представит синтезис всех сторон культурной деятельности в обширном значении этого слова, сторон, которые разрабатывались его предшественниками на историческом поприще в отдельности или весьма в неполном соединении. Мы можем надеяться, что славянский тип будет первым полным четырехосновным культурно-историческим типом» [7, с. 238].

Таким образом, ставшая уже хрестоматийной цивилизационная концепция историческо-

го процесса, отраженная в трудах О. Шпенглера и А. Дж. Тойнби, впервые звучала в ряде работ российских мыслителей, причем даже независимо от их принадлежности к западническому или славянофильскому лагерю. И во многом именно благодаря этому нашла свое яркое воплощение и теоретическое обоснование в работах великого русского философа Николая Яковлевича Данилевского.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Чаадаев, П. Я. Сочинения / П. Я. Чаадаев. – М.: Правда, 1989. – 656 с.
2. Одоевский, В. Ф. Русские ночи / В. Ф. Одоевский. – Л.: Наука, 1975.
3. Очерки истории русской философии. – Свердловск, 1991. – 592 с.
4. Хомяков, А. С. Сочинения в 2 т. – М., 1994. – Т. 1. – 593 с.
5. О России и русской философской культуре. – М.: Наука, 1990. – 527 с.
6. Анненков, П. В. Литературные воспоминания / П. В. Анненков. – М., 1960. – 436 с.
7. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991. – 574 с.

УДК 614.253:1
ББК 5:87.7

Н. В. Сергеева, О. В. Костенко

БИОЭТИКА КАК ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ МЕДИЦИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Волгоградский государственный медицинский университет

E-mail: sergeeva_nadiya@list.ru

Биоэтика является новой дисциплиной. Она появилась как ответ на социальный заказ. В настоящее время идут дискуссии о ее научном статусе. Авторы рассматривают биоэтику в качестве философской рефлексии медицины как культурного комплекса и обосновывают эту позицию в статье.

Ключевые слова: биоэтика, медицина, аксиологическая рефлексия, ценности, человек, культура, культурный комплекс.

N. Sergeeva, O. Kostenko

BIOETHICS AS A PHILOSOPHICAL REFLECTION OF MEDICAL CULTURE

Volgograd State Medical University

The bioethics is new discipline. It has appeared as the answer to the social order. There are discussions about its title now. Authors consider bioethics as a philosophical reflection of medical cultural complex and prove this position in article.

Keywords: bioethics, medicine, axiological reflection, values, person/, culture cultural complex.

Во всех культурах традиционно приоритетным правом на человека как на предмет исследования и деятельности обладала медицина. Именно в недрах медицины зародились первые нравственные принципы отношения к жизни, здоровью, смерти. Поэтому медицина всегда была не просто отраслью человеческого познания и деятельности, а структурированным культурным комплексом, системообразующим на-

чалом которого был уникальный артефакт – человек. Однако переход к постиндустриальному социуму резко расширил наши представления о живом, но, самое главное, увеличил возможности манипуляций с ним.

Гуманистический потенциал медицины как культурного комплекса подвергся агрессивному влиянию коммерциализации и технизации. Человечество почувствовало реальную угрозу

от собственного могущества и стало разрабатывать механизмы защиты жизни от нерегулируемой экспансии интеллекта. На основе старой доброй медицинской этики стала создаваться новая наука – биоэтика (термин предложил В. Р. Поттер, 1970). Предметом биоэтики стало являться нравственное отношение ко всему живому. Очевидно, что для человека, чье отношение, собственно, и имеется в виду, среди всего живого самым ценным является он сам. Следовательно, отношение к человеку как живому существу и ценности культуры является приоритетным для биоэтики. Это, собственно, и объясняет причины ее возникновения именно в последней трети XX века.

В это время уже четко ощущаются изменения, которые происходят с человеком как животным видом. Ему досаждают проблемы с экологией, появляются новые болезни, а давно известные начинают протекать атипично; меняется характер пищи, а новые средства информации, связи, передвижения требуют от человека качеств, которые не были развиты в нем предыдущей эволюцией. Поневоле возникает ощущение угрозы, нависшей над жизнью. Попытки определить характер этой угрозы первыми предприняли экологи. В конце XX века алармистские настроения возникли по поводу новейших биотехнологий. Было высказано вполне обоснованное мнение, что человечество переживает антропологический кризис.

Вообще, если занять позицию разумного пессимизма, каждое новое достижение человечества можно рассматривать как угрозу его существованию. Если же исходить из оптимистических стандартов, то, наоборот, каждый новый этап развития должен приносить благо. Скоррелировать эти крайности и найти золотую середину и призвана биоэтика.

Предлагая шкалу оценок «добро – зло» в современной модификации и соотнося ее с более популярной сейчас шкалой «польза – вред», биоэтика стремится регулировать отношение к жизни и определить его место в системе всех других человеческих отношений – экономических, политических, производственных, интеллектуальных и т. п. Поэтому применение ее принципов к конкретной области культуры не только регламентирует деятельность в этой области, но и позволяет представить ее последствия для других сфер человеческого бытия. В первую очередь это касается медицины.

Дело в том, что в рамках привычной медицинской этики уже не возможно описать нормы

деятельности в новых научных и социальных ситуациях. Это происходит не только в результате неравномерного развития самой медицины, когда теоретические ее достижения опережают развитие своего морального оправдания. Скорее, причина кроется в тенденции глобализации, которая предполагает интеграцию научного знания в вопросах экологии, питания, компьютеризации, терроризма, рыночных отношений, этнических проблем и т. д. Необходимо присутствует медицинская компонента, но ее уже нельзя выделить в чистом виде, не потревожив всю систему социальных институтов. Поэтому биоэтика – это нравственная парадигма глобального общества, хотя в разных его структурах она имеет разное значение.

Биоэтика формируется в ответ на сугубо практические потребности общества, но первоначальный этап ее становления связан с разработкой аксиологического сценария развития наук о человеке как артефакте. Современный антропологический кризис вообще являлся первоначально предметом аксиологической рефлексии. Ценностное восприятие происшедших перемен фиксировалось как опасения за жизнь. А поскольку жизнь занимает всегда главное место в иерархии ценностей, то отношение к ней определяет в той или иной степени все иные человеческие отношения. При этом из всех многочисленных трактовок понятия «жизнь» для человека в первую очередь актуализируется его нравственный смысл. Но если в естественно-научном и философском определениях жизни нет существенных противоречий, то *ценность жизни в культуре* понимается по-разному.

Во-первых, можно приписывать одинаковую ценность жизни отдельного индивида, жизни вида и жизни вообще, во всех ее проявлениях. Такой подход можно считать нравственной максимой поведения. В реальной жизни его пытаются реализовать в различных экологических движениях.

Во-вторых, можно придавать разную ценность разным формам жизни. Здесь обычно существует следующая зависимость: важнейшей признается жизнь в целом (самосохранение и самовоспроизводство всех живых форм на Земле); далее следует жизнь человека как живого вида, на последнем месте по значимости оказывается жизнь отдельного индивида. Такой подход обусловлен объективной необходимостью ведь человеческий вид существует

благодаря тому, что люди рождаются и умирают. Человек вообще осознает ценность жизни только через понятие смерти. В принципе, оно должно обладать той же ценностью, что и понятие «жизнь», ведь одно без другого не существует. Почему же смерть по шкале «добро – зло» находится в прямой противоположности жизни? Очевидно, потому, что до сих пор люди умирают гораздо раньше, чем исчерпали свои биологические ресурсы. Естественно, они воспринимают смерть как зло.

Но тогда напрашивается вывод, что нравственным идеалом в данном случае является бессмертие. На самом деле бессмертие не может считаться нравственным идеалом, потому что оно отрицает видовую ценность жизни. Вид существует только потому, что отдельные индивиды умирают.

Но умирать страшно. Еще страшней, когда умирает близкий человек. Нравственный выход из этой ситуации пыталась найти религия. В религиозной этике (независимо от конфессии) существует постулат о жизни земной как подготовке к жизни вечной, к жизни души, обычно именуемой загробной. Психологическое обоснование этой теории очевидно примирить человека с мыслью о неизбежности смерти, утешить его. Здесь меняется и само понятие смерти, оно оказывается применимо лишь к телу, но не к духовной сущности человека. Поскольку ни доказать, ни опровергнуть концепцию загробной жизни не представляется возможным, в нее можно только верить или не верить. В соответствии с одним из основных принципов общечеловеческой морали принципом свободы совести позволим решать этот вопрос каждому так, как он считает нужным.

Следует отметить только, что, исходя из концепции загробной жизни, объективная ценность индивидуального бытия понижается. Поэтому в религиозной морали существует целая система принципов, особо оговаривающих ценность «жизни тела», если можно так сказать. Например, согласно этим принципам, убийство, равно как и самоубийство, являются грехом. Более того, в современных религиозных концепциях эвтаназия рассматривается как разновидность убийства, что позволяет совместить теологическую и светскую трактовку биоэтики. Деторождение поощряется, а отсутствие детей расценивается как наказание Божье и т. д.

Не удивительно, что религиозное направление в биоэтике развито очень сильно. В доку-

ментах русской православной церкви есть специальный раздел, посвященный биоэтике. Очень активно участвуют в разработке вопросов эвтаназии, клонирования, зачатия и деторождения представители католической и протестантской церквей. Своеобразно развивается биоэтика в исламе.

Но с какой бы стороны люди не подошли к рассмотрению вопроса о ценности жизни, о жизни и смерти, они неизменно оказываются в поле действия принципов биоэтики, поскольку биоэтика – это нравственная рефлексия отношения к жизни.

Биоэтика – уникальное явление. С одной стороны, она базируется на достоверном объективном знании (науки о живом), а с другой стороны – она является нормативным регулятором, то есть практической установкой, во многом субъективизирующей это самое достоверное знание. Так, например, естественно-научная составляющая биоэтических представлений о геномной инженерии включает новое знание, полученное в результате расшифровки генома человека. Но это знание может быть использовано как во благо, так и во зло. Следовательно, прогностическая модель применения данного знания, представленная в биоэтике, должна охватывать все возможные последствия. Затем начинается собственно нормативная стадия развития этих представлений – что нужно сделать, чтобы не причинить вред человеку при помощи этих новых знаний. Современный ответ биоэтики – запретить опыты по клонированию человека.

Здесь очевидно противоречие между теоретической и практической составляющими конкретной биоэтической модели. Развитие знания запретить нельзя, это закон. Теоретическое знание не может развиваться без эмпирического подтверждения/опровержения своих выводов. Это тоже закон. Следовательно, нормативная часть, которая, собственно, и служит основанием для юридических, политических и всяких прочих социальных вариантов использования данного знания, на практике соблюдаться не будет.

Ключ к решению данного противоречия, по мнению авторов, дал К. Поппер в своей работе «Логика и рост научного знания». Он полагает, что в ситуации дуализма фактов и норм и предложения, фиксирующие факты, и предположения, предлагающие линии поведения, включая принципы и нормы, могут быть открыты для рациональной дискуссии. «Можно сказать, –

пишет К. Поппер, – что нормативное предположение о некоторой линии поведения или норме с целью принятия ее после последующей дискуссии и решение о принятии этой нормы или линии поведения, создают эту норму или линию поведения» [1, с. 399].

Таким образом, биоэтику можно трактовать как аксиологический дискурс, в результате которого формируется культура отношения к живому вообще и живым объектам в частности. Н. Н. Седова выделяет три уровня в том интегративном единстве знаний и оценок, которое называют биоэтикой [2, с. 71]. Первый уровень – теоретический. Он связан с фактами и истинами. При их осмыслении часто прибегают к методам философской рефлексии, поскольку междисциплинарный характер биоэтики требует присутствия не просто истинных знаний, но целостного образа науки. На теоретическом уровне осуществляется анализ новейших научных достижений и возможных рисков, решаются принципиальные вопросы соотношения истин и ценностей, свободы и ответственности, добра и зла. Субъект теоретизирования в данном случае не определен – это могут быть как индивиды, так и научные сообщества, как специалисты-медики, так и представители других наук, прежде всего философии, социологии, психологии, юриспруденции и этики.

Второй уровень связан с установлением определенных норм и правил поведения, с контролем за их выполнением и оценкой результатов выполнения/невыполнения норм. На этом уровне субъект оценки и контроля должен иметь институализированный статус, поскольку речь идет непосредственно о социальных последствиях принимаемых решений. Таким специально организованным субъектом практической биоэтики выступают, по мнению авторов, этические комитеты.

Третий уровень связан с индивидуальной культурой поведения, сформированной на основе соответствующих и регулирующих их применение норм. Здесь возможны как типовые модификации, так и варьирующие их индивидуальные поступки. Этот уровень мы называем прикладным, поскольку любая попытка его описания будет выглядеть как интерпретация конкретного случая. Кстати, этот метод широко применяется в современных западных пособиях по биоэтике – законы и принципы не формулируются, приводятся конкретные случаи и дается частный комментарий к ним.

Поскольку большинство подходов связывают биоэтику преимущественно с медициной и, более того, первоначальное поттеровское определение подвергается ревизии и берется лишь прагматическое его суждение о границах биоэтической активности, все три уровня биоэтики наиболее ярко представлены в медицине. Причем здесь предмет теоретической биоэтики дефрагментируется и представлен более отчетливо, чем в общем определении. Предметом теоретической биомедицинской этики является ценностное отношение к жизни, смерти и здоровью.

Ранее уже упоминалось, что существуют различные подходы к определению ценности жизни, поэтому существуют и моральные требования, отражающие различное отношение к ней. Так, христианская биоэтика достаточно сильно отличается от сциентистской концепции. Многие теории, выступавшие раньше как самостоятельные, стали включаться целиком и частично в биоэтику, не теряя своей самостоятельности. К ним относится прежде всего медицинская этика. Это не удивительно, поскольку последняя имеет историю с догиппократовских времен, а первая, как ответ на антропологический кризис, родилась вместе с ним. Авторы полагают, что медицинская этика является такой же составной частью биоэтики, как, например, этика экологическая. Но, в отличие от экологической этики, медицинская отличается жесткой деонтологической составляющей.

Понять сущность современной биоэтики легче всего именно в контексте медицины как культурного комплекса, поскольку здесь и жизнь, и смерть, и здоровье приобретают вполне конкретные формы и, следовательно, теоретические позиции могут получать непосредственное эмпирическое подтверждение или опровержение. Да и сами центральные вопросы биоэтики непосредственно относятся к жизни и здоровью отдельного человеческого индивида. Ведь ответственность за жизнь и здоровье человека несет прежде всего он сам. Именно потому, что человек способен сознательно воздействовать на свою биологическую сущность, он является не только природным существом, а артефактом, ценностью культуры.

Но эта мысль оказывается недоступной для морального сознания многих. Забота о собственном здоровье и инстинкт самосохранения – это одно, а ответственность перед другими за свою жизнь и здоровье – это другое. Это та

норма морали, которая до сих пор не приобрела императивного характера. Иждивенческая позиция в вопросе о собственном здоровье приводит фактически к новым болезням. И в этом смысле проблема ответственности каждого человека за свою жизнь и здоровье является одной из центральных в биоэтике. Аксиологическая рефлексия ответственности человека за свою жизнь и здоровье формулируется в биоэтике в виде моральных требований или принципов:

1) ответственность перед прошлым (сохранение генофонда, переданного родителями);

2) ответственность перед будущим (обеспечение здорового потомства – передача генофонда детям);

3) ответственность перед настоящим (обеспечение сохранности биофункций для участия в создании культуры);

4) право на достойную жизнь;

5) право на охрану здоровья;

6) право на естественную смерть. (Этот принцип чрезвычайно сложен с точки зрения реализации и вызывает много споров, вряд ли здесь есть общезначимые решения).

Каждый из этих принципов может быть конкретизирован в соответствии с конкретными ситуациями. Например, ответственность за свое здоровье – это одновременно выполнение нравственного долга перед родителями и всеми предыдущими поколениями предков, которые сохранили и передали генетическую информацию. Таким образом, ответственность человека за свое личное здоровье приобретает смысл ответственности *Nemo sapiente*.

Второй принцип совершенно ясен, поскольку сохранить вид – это не просто беречь те жизненные силы, которые достались тебе, но и передать уникальную генетическую информацию дальше. К сожалению, у нас не предусмотрена юридическая ответственность родителей, давших неполноценное потомство, но их нрав-

ственная вина очевидна в тех случаях, когда появление такого потомства можно было предупредить.

Третий принцип связан с тем, что культура есть способ сохранения биологической природы человека. И если безответственное отношение к своему здоровью не позволяет человеку выполнять свои функции по созданию культуры, это объективно сказывается на благополучии других людей. Следовательно, наличие нарушения нравственных взаимоотношений между людьми.

С другой стороны, согласно принципу обмена деятельностью Хоманса, человек, выполняя свои обязательства перед окружающими, вправе требовать от них того же. Право на достойную жизнь реализуется по-разному в разных обществах и временах, главное здесь – уважение к личности.

Право на охрану здоровья можно понимать по-разному в условиях государственной и страховой медицины и т. д. Следует отметить, что данные принципы распространяются и на медицинских работников как пациентов.

Все сказанное свидетельствует о том, что данные принципы распространяются на каждого человека, и совсем не обязательно называть его врачом или пациентом. Он просто человек и, согласно биоэтике, должен жить в соответствии с указанными принципами. Медицина, безусловно, сыграла решающую роль в их формулировке, но ограничивать далее их применение только этой сферой нельзя. Поэтому биоэтика как философская рефлексия медицинской культуры имеет несомненные перспективы развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Поппер, К.* Логика и рост научного знания / К. Поппер. – М., 1983.

2. *Седова, Н. Н.* Правовые основы биоэтики / Н. Н. Седова. – М., 2004.

УДК 316.2
ББК С51(0)5

Е. Г. Ефимов *, О. В. Аронова **

**ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА КАПИТАЛИЗМА В СОЦИОЛОГИИ В. ЗОМБАРТА
(методологические аспекты)**

*Волгоградский государственный технический университет
**Волжский филиал Международного юридического института
E-mail: ez07@mail.ru, oleskaar1@mail.ru

Статья посвящена анализу методологии известного немецкого социолога Вернера Зомбарта. Рассматриваются некоторые понятия его социологии: роскошь, милитаризм, решающая роль евреев в трансформации современного общества

Ключевые слова: Зомбарт, методология, роскошь, Вебер, милитаризм, евреи.

E. G. Efimov*, O. V. Aronova**

**PROBLEM OF GENESIS OF CAPITALISM IN W.ZOMBART'S SOCIOLOGY
(methodological aspects)**

* Volgograd State Technical University
**Volzhskiy Branch under The International Law Institute

Article is devoted the analysis of methodology of German sociologist Werner Sombart. Some concepts of its sociology are considered: luxury, militarism, causal role of Jews in transformation of a modern society.

Keywords: Sombart, methodology, luxury, Weber, militarism, jews.

Проблема «методологического национализма», понимаемая как невозможность описывать параметры обществ в эпоху глобализации, исходя из веками сформированных категорий национальной науки, уже признана одной из самых важных в методологии гуманитарного знания. При этом методология исследования современных процессов общественного развития напрямую связана с исследованием ключевой проблемы социологии на первых этапах ее развития: анализу процесса трансформации структур западноевропейского общества от традиционного к капиталистическому укладу хозяйства. «Современные общества, – пишет Дж. Арри, – предполагаются как качественно отличающиеся от прошлых. Разделение на традицию и модерн формулируется по-разному: статус и контракт у Мэйна, феодализм и капитализм у Маркса, Gemeinschaft и Gesellschaft у Тённиса, военное и промышленное общество у Спенсера, буржуазный и классический века у Фуко и механическое и органическое разделение труда у Дюркгейма» [20, с. 10]

Работа Макса Вебера «Протестанская этика и дух капитализма» [1], автора, являющегося,

без сомнения, одной из самых авторитетных фигур в исследовании вопроса генезиса капитализма, на сегодняшний день уже приводится в пример как «классическая» социологическая работа, оказывающаяся практически бесполезной для анализа процессов на уровне мировой системы [11, с. 40] И если раньше современники М. Вебера могли указывать на фактологическую и терминологическую неточность его работы [16, с. 420–422], то теперь речь идет о критике методологии целых отраслей социологического знания [11, с. 40; 12, с. 338].

Из трудов любого автора можно условно выделить блок классических, то есть наиболее цитируемых, анализируемых и подвергаемых критике. Однако анализ классической традиции, который наряду с разработкой новых социологических концепций является, по мнению Ч. Р. Миллса, неотъемлемой чертой эволюции любой гуманитарной методологии в условиях структурной трансформации общества, на взгляд авторов, требует более внимательного отношения ко всем работам исследователя, в том числе по каким-либо причинам, забытым современной традицией.

Целью данной статьи является анализ теории генезиса капитализма Вернера Зомбарта с точки зрения ее методологической универсальности.

Классические работы В. Зомбарта, равно как и его биография, достаточно полно проанализированы в отечественной и зарубежной литературе [6, с. 320–340; 14, с. 775–776; 15, с. 29–30; 7; 9; 10], поэтому более подробно будут рассматриваться те признаки капитализма, которые выделяются немецким социологом в трех других работах: «Евреи и экономика», «Роскошь и капитализм», «Война и капитализм».

Первой действительно универсальной категорией, применимой к анализу эволюции всей западноевропейской культуры, и, по мнению авторов, к культурам неевропейским, является роскошь. Роскошь, рассматриваемая В. Зомбартом в работе «Роскошь и капитализм», представляет собой прежде всего термин, означающий суть духа капитализма, при этом сочетающий в себе веберовский рационализм и элементы иррационализма модернизации, которые сегодня описаны целым рядом выдающихся социологов.

Методология исследования феномена роскоши как основной идеи капиталистического развития включает в себя работу со статистическим материалом, привлечение которого становится возможным благодаря доказанной В. Зомбартом связи эволюции роскоши с трансформацией основных общественных институтов:

а) роскошь является проявлением изменений в структуре семьи, а именно разрушения патриархального уклада (что позже будет еще раз описано Э. Гидденсом). Изменения положения женщины определяется по следующим экономическим показателям: 1) размер приданного; 2) количество женщин, находящихся «на содержании»; 3) суммы, касающиеся затрат на предметы женского быта (например, сравнение затрат на содержание дворов государя и государыни) и т. д. [19, с. 80–84; 5, с. 18–19, 199–232];

б) роскошь невозможна без урбанизации и концентрации значительных материальных богатств в руках городского населения (тезис, встречающийся у Г. Зиммеля, но анализируемый в абсолютно другом контексте). Статистические данные: 1) число жителей; 2) суммы товарооборота; 3) затраты городских жителей на конкретное мероприятие (свадьба и т. д.);

4) расходы на украшение мест проживания и т. д. [5, с. 36–56];

в) роскошь означает изменения в классовой структуре и появление новых статусных позиций в обществе. Здесь анализируются: 1) количество новых титулов и званий; 2) количество прислуги, в том числе в процентном отношении к численности населения; 3) число индивидов, задействованных в сфере услуг по различным отраслям и т. д. [5, с. 9–19];

г) роскошь является признаком структурных изменений в экономике. Вывод делается на основании анализа показателей торговли на бирже, развитие которой связывается с разрушением традиционной системы хозяйства [5, с. 55].

Можно отметить, что в анализе феномена роскоши В. Зомбарт демонстрирует такой уровень работы со статистическим материалом, который оказывается недоступен Т. Веблену в его «Теории праздного класса». Он опирается не только на субъективное мнение современников, но и на экономические показатели, что позволяет использовать эту социологическую категорию в рамках цивилизационного подхода применительно к разным эпохам и разным культурам.

«Без войн капитализм вообще бы не состоялся», утверждает В. Зомбарт, анализируя вторую категорию анализа капитализма – понятие милитаризации, которая рассматривается в трех аспектах:

а) военные действия, понимаемые как прямое вооруженное столкновение, количественно и качественно отличающиеся от войн эпохи традиционного общества. В статистическом отношении это доказывается изменением соотношения военных и мирных лет в период с XVI–XVIII вв., изменением количества участвующих в военных действиях боевых единиц и т. д. [3, с. 288–295];

б) милитаризация общества, рассматриваемая как социокультурный процесс и ведущий: к появлению новых бюрократических органов; биржевой активности; реструктуризации промышленности, и в итоге, появлению новых рабочих мест и т. д.;

в) война как способ экономического процветания и накопления капитала [3, с. 253]. Статистические данные включают в себя: 1) цифры контрибуций; 2) суммы государственного долга; 3) суммы и сроки заказов на провиант, обмундирование и военную технику; 4) унифици-

кацию спроса и предложения в различных отраслях промышленности и т. д.

Помимо стандартного для В. Зомбарта анализа статистического материала, удивляет степень его предвидения, потому что две мировые войны и растущие затраты на военный сектор на сегодняшний день только подтверждают прогнозы немецкого социолога.

Наиболее сложный критерий перехода от традиционного к капиталистическому обществу – трансформация конфессионального состава населения. Предистория обращения В. Зомбарта к этой теме весьма любопытна, так как его работа «Евреи и экономика» обязана своим появлением «Протестантской этике» М. Вебера и родилась на фоне критического отношения к идее, заложенной в ней. Изначально М. Вебер в ходе написания своей работы обратился к В. Зомбарту с просьбой об отзыве на нее и получил неожиданный ответ: его коллега подверг критике веберовскую идею о ведущей роли протестантизма в генезисе капитализма. В. Зомбарт считал, что, следуя веберовской логике и его методу, можно находить зачатки капитализма в совершенном разных географических регионах, в различное время и у разных социальных групп. Конкретно речь шла о Флоренции XV века и анализе трактатов Леона Батиста Альберти, в которых В. Зомбарт нашел те же черты ментальности, которые характеризовали немецких протестантов, по мнению М. Вебера [13, с. 43–44]. Еще больше мнение В. Зомбарта об ошибочности взглядов М. Вебера, по всей видимости, укрепилось после поездки в США, после чего он и написал работу «Евреи и экономика», где утверждал что именно евреи породили характерный дух эпохи капиталистического общества. В раскрытии проблемы немецкий социолог опирался на два основных метода:

а) генетический – определяется доля участия в общественной жизни той или иной группы населения, индикатором служит степень качественного влияния, а именно перенимание особенностей жизни;

б) статистический – выясняется число субъектов (экономических и т. д.) в определенной изучаемой сфере, затем доля религиозных (верующих) субъектов среди них [4, с. 17].

Отличительной чертой работы немецкого социолога является используемый в качестве доказательной базы статистический материал, но в целом, за исключением генетического метода, методология исследования В. Зомбарта не

являлась уникальной: статистический метод использовался и М. Вебером, хотя и не был обозначен в качестве такового, также использовался метод, который позже Г. Зиммель назвал психологическим.

Изучение исследований, посвященных анализу работ В. Зомбарта, позволяет сделать вывод о том, что он преследовал другие цели: во-первых, показать возможность анализа в рамках социологии религии наднациональных социальных групп, и, во-вторых, дифференцировать причину возникновения структурных изменений от современной исследователю общественной модели [17, с. 638–639].

Парадокс заключается в том, что если анализировать только классические работы В. Зомбарта, как это показал Э. Трельч [8, с. 545–546], его методология и даже его результаты не были чем-то уникальным на фоне творчества его коллег. Так, к примеру, анализ методологических аспектов его классической и одной из самых цитируемой работы «Буржуа» [2] интересен тем, что показывает ее несоответствие критерию универсальности, выдвинутому самим автором в программе «ноо-социологии» [6, с. 322]. Разделение духа капитализма на два вида (героический и мещанский), а priori означает их национальный характер. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать труд В. Зомбарта «Торгаши и герои», где прямо утверждается что героический дух воплощается в немецкой нации, а мещанский – в английской [18, с. 9–17, 53–66].

По мнению авторов, в социологии В. Зомбарта присутствуют три критерия, которые могут претендовать на статус универсальных в рамках эволюционного подхода к анализу общества. Капитализм как основание современной мировой системы определяется тремя обязательными критериями: роскоши как экономического принципа, который порождает стремление к бесконечному накоплению капитала, милитаризацией общества и изменением конфессиональной структуры населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
2. Зомбарт, В. Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека / В. Зомбарт // Собрание сочинений в 3 т. – СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2008. – Т. 1. – С. 28–480.

3. *Зомбарт, В.* Война и капитализм / В. Зомбарт // Собрание сочинений в 3 т. – СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2008. – Т. 3. – С. 239–476.
4. *Зомбарт, В.* Евреи и экономика / В. Зомбарт // Собрание сочинений в 3 т. – СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2008. – Т. 2. – С. 105–601.
5. *Зомбарт, В.* Роскошь и капитализм / В. Зомбарт // Собрание сочинений в 3 т. – СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2008. – Т. 3. – С. 7–238.
6. История теоретической социологии. В 4 т. / под ред. Ю. Н. Давыдова. – М.: Изд-во «Канон+», ОИ «Реабилитация», 2002. – Т. 2. – 560 с.
7. *Капитонов, Э. А.* Социология экономических систем В. Зомбарта и современность / Э. А. Капитонов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2001. – № 1. – Т. IV. – С. 79–88.
8. *Трельч, Э.* Историзм и его проблемы / Э. Трельч; пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – 719 с.
9. *Шпакова, Р. П.* Вернер Зомбарт – германский феномен / Р. П. Шпакова // Социологические исследования. – 1997. – № 2. – С. 115–121.
10. *Шпакова, Р. П.* Вернер Зомбарт: в ожидании признания / Р. П. Шпакова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2001. – № 1. – Т. IV. – С. 62–78.
11. *Beck, U.* Cosmopolitan Society and its Enemies / U. Beck // Theory, Culture & Society. – 2002. – Vol.19(1–2). – P. 17–44.
12. *Beck, U.* How Not To Become A Museum Piece / U. Beck // British Journal Of Sociology. – 2005. – V.56. Issue 3. – P. 335–343.
13. *Chalcraft, D. J.* Reading Weber's Patterns of Response to Critics of the Protestant Ethic: Some 'Affinities' in and between Replies to Felix Rachfahl and Werner Sombart / D.J.Chalcraft // Journal of Classical Sociology. – 2005. – № 5 (31). – P. 31–51.
14. Encyclopedia of social science / Ed. G.Ritzer. – Vol.2. – London, etc.: Sage Publications, Inc, 2004. – 458 p.
15. International Encyclopedia of the Social Science. / Ed. Darity W.A.Jr. – Vol. 8. – Detroit, etc.: Macmillan Reference USA, 2007. – 657 p.
16. *Little, D.* Max Weber Revisited. The Protestant Ethic and the Puritan Experience of Order / D. Little // The Harvard Theological Review. – 1966. – № 4. – Vol. 59. – P. 415–428.
17. *Loader, C.* Puritans and Jews: Weber, Sombart and the Transvaluators of Modern Society / C.Loader // The Canadian Journal of Sociology. – 2001. – № 4. – Vol. 26. – P. 635–653.
18. *Sombart, W.* Händler und Helden / W. Sombart. – München: Verlag von Dunder & Gumbolt, 1915. – 132 s.
19. *Sombart, W.* Wirtschaft und Mode / W. Sombart // Die Listen der Mode. – Frankfurtam Main: Suhrkamp, 1986. – S. 80–106.
20. *Urry, J.* Sociology Beyond Societies / J. Urry. – L.: Routledge, 2000. – 272 p.

УДК 316.334.2

ББК С550.42

С. Б. Абрамова

ДЕНЬГИ И КОЛОНИЗАЦИЯ ЖИЗНЕННОГО МИРА СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН

Уральский государственный университет

E-mail: sofia_abramova@mail.ru

В статье дается анализ проблемы колонизации жизненного мира в современных обществах, рассматривается монетаризация основных жизненных сфер россиян. Показано проявление поколенческого перехода в ценностях. Определено изменение роли денег в межличностных взаимодействиях.

Ключевые слова: деньги, социология денег, колонизация жизненного мира, монетаризация социальных отношений.

S. Abramova

MONEY AND COLONISATION OF THE VITAL WORLD OF MODERN RUSSIANS

Ural State University

This work presents the analysis of a problem of colonisation of the vital world in modern societies. It addresses monetarisation of the basic vital spheres of Russians; demonstrates display of generational transition in values. Change of a role of money in interpersonal interactions is defined.

Keywords: money, sociology of money, colonisation of the vital world, monetarisation of social relations.

Необходимость понимания и прогнозирования множества социальных процессов, которые определяют развитие современного российского общества, напрямую связана с проблемой его включенности в общемировые социокультурные процессы. Глобальные процессы, трактуемые как глобализация экономики и систем управления, неизбежно трансформируют систему ценностей и социальных отношений. Ло-

кальные культурные и исторические универсалии, определявшие жизненный мир российского общества, подвергаются сильнейшему натиску со стороны рационализирующего системного порядка. Их влияние друг на друга становятся все более сложными и неопределенными. С одной стороны, согласно концепции Ю. Хабермаса, культурные образцы истолкований мира, ценности и способы выражения

предстают как ресурсы, делающие возможным взаимопонимание участников взаимодействия, достижение ими согласия, и тем самым жизненный мир определяет и ограничивает возможности принятия новых социальных практик и ценностей. С другой – внутренняя колонизация жизненного мира в капиталистическом обществе достигает невероятных темпов и масштабов: манипуляция внутренним миром индивида приводит к культурному обеднению и упрощению.

При объяснении патологий функционирования общества, проявляющихся, по мнению Ю. Хабермаса, прежде всего в утрате смысла и свободы, следует начать с высокого проникновения форм экономической и административной рациональности в те сферы действия, которые противятся переориентации на деньги и власть, поскольку остаются специализированно связанными с культурной традицией, социальной интеграцией, воспитанием, а также остаются ориентированными на взаимопонимание как механизм координации действия. Рационализация посттрадиционного жизненного мира представляет собой угрожающий процесс: из повседневной жизни вытесняются морально-практические элементы, усиливается монетаризация и бюрократизация этого мира [1].

Западный мир пережил пик колонизации в 60–80-е годы XX века. Современные преобразования в России, основанные на идеях модернизации, запустили аналогичные процессы в нашей стране и привели к формированию специфической социальной реальности, которую невозможно исследовать без обращения к внутреннему миру человека. Исследования ценностей россиян фиксируют выраженный межпоколенческий переход, который представляет собой процесс трансформации ценностей под влиянием возрастных особенностей, экзистенциального опыта и современных социально-экономических условий жизни. Несомненно, деньги стали новейшим мифом постсоветского общества. Современная денежная форма потребностей приняла всеобщий характер в результате глобальных, вызванных фактором денег социально-экономических процессов, создавших новую форму и среду жизнедеятельности человека [2]. Условно можно говорить о сосуществовании двух поколений: «свидетелей колонизации жизненного мира» и «жителей колонизированного мира».

Чтобы защититься от проникновения чуждых его природе элементов и обезопасить себя

от вторжения экономической рациональности, жизненный мир порождает многообразные социальные движения, призванные как приостановить системную экспансию, так и распространить правила коммуникации, основанной на взаимопонимании, на отношения людей в системном мире [3]. Однако основная характеристика современности проистекает именно из того, что люди не могут иметь между собой связей, в которых не присутствовали бы деньги и которые они не воплощали бы в той или иной форме. Это позволило А. А. Зиновьеву ввести понятие денежного тоталитаризма как господства в развитых странах финансовой системы, обусловленной необъятным числом денежных операций, охвативших все аспекты жизни людей и общество в целом.

В этой связи анализ денежного рационализма предполагает описание денег как универсальной категории, на основе которой создается всеобъемлющая картина мира. Деньги стали претендовать на ведущую роль в развитии цивилизации и культуры, истолковывая на свой лад смысл истории, назначение человека, проблемы духовного бытия [4]. Для понимания степени проникновения рационализации необходимо обозначить сферы жизненного мира, которые традиционно считались заповедной землей человека – жизнь семьи, воспитание, дружба, досуг, мир мыслей, переживаний и другое (при этом язык и культурная традиция выступают как трансцендентальная инстанция по отношению к той или иной сфере и ситуации). Если монетаризация и бюрократизация, присущие хозяйственной и государственной сферам, проникают и в символическое воспроизводство данных сфер, а не только в его материальное воспроизводство, то неизбежно возникают патологические побочные следствия.

Семья. Как отмечает ряд исследователей, на уровне ценностных суждений многие россияне признают оправданность и даже необходимость рациональной, в противоположность эмоциональной, стратегии построения брака. Между тем, говоря о своем собственном браке, подавляющее большинство заявляет, что женились, руководствуясь чувствами (78 % из числа состоящих в браке). Однако у представителей молодого поколения, кому еще только предстоит создать семью, рациональное мышление выражено активнее: уже 38 % заявляют, что будут руководствоваться главным образом рассудком [5].

При анализе кризисных проявлений современной семьи нередко указывается на нежелание, неготовность молодых семей иметь детей. Сознательная бездетность не вызывает сильного общественного порицания: 60 % утверждают, что относятся к таким людям без осуждения. При этом эгоизм и нежелание обременять себя заботами, ограничивать свою свободу и потребление считается далеко не единственной и не самой распространенной из субъективных причин бездетности. Однако низкий уровень благосостояния признается веской, достойной уважения причиной отказа от обзаведения детьми. Таким образом, довод о материальной невозможности завести детей не трактуется как эгоистический [6].

Апогеем колонизации семейного мира можно рассматривать теорию современных американских психотерапевтов К. и Кл. Мада-нес, которые утверждают, что деньги – это абсолютный инструмент правосудия, с помощью которого мы возмещаем любой ущерб, нанесенный другим членам семьи: деньги могут компенсировать и физический, и моральный, и психологический урон. Практически каждый человек (как следует из их практики) соглашается принять деньги в качестве компенсации за недостаток внимания, оскорбление, насилие в семье и т. д.

Ответственность. Ощущение доминирующей причинности собственной судьбы и ответственности самого человека за основные события в своей жизни, сформировавшись в определенном возрасте, в дальнейшем почти в неизменном виде сопровождает человека практически всю жизнь. В контексте данного исследования автора интересует проявление ответственности респондентов за свое материальное благополучие.

Показатель интернальности атрибуции ответственности есть отношение численности принимающих ответственность за свое материальное положение на себя к количеству отсылающих ее вовне. Индекс интернальности для молодежи составляет 2,73, для взрослого поколения значительно меньше – 1,41, что свидетельствует о большей внутренней локализации контроля, активности у молодого поколения по сравнению с теми, кто достиг 45–55-летнего возраста. Современная молодежь все чаще полагается на собственные усилия, более подвижна в решении вопросов. Возможно, именно по этой причине в жизненных установках мо-

лодежи нередко наблюдается противоречие. Дух предприимчивости, характерный для рыночной экономики, уже не одно десятилетие уживается с бюрократическим рынком связей, определяющим каналы достижения материальных, статусных, профессиональных благ и успехов. Среди необходимых качеств, способствующих достижению материальных благ, молодежь все чаще указывает характер, личные качества и способности, при этом нередко полагается на судьбу, удачное стечение обстоятельств, и в то же время в числе важных факторов респондентами признается и умение устанавливать связи с нужными людьми. На смену патерналистским и в какой-то степени инфантилистским настроениям приходит осознание необходимости прежде всего личностных усилий. Это может свидетельствовать о рационализации системы жизненных ценностей молодого поколения, переосмыслении значимости денег в жизни.

Счастье. Одна из восточных притч повествует о том, что ученик спросил учителя насколько верны слова, что не в деньгах счастье. Тот ответил, что они верны полностью. И доказать это просто. Ибо за деньги можно купить постель, но не сон; еду, но не аппетит; лекарства, но не здоровье; слуг, но не друзей. И то, что названо, не исчерпывает список. Такой ответ в полной мере соответствует неколонизированному жизненному миру человека. С течением времени и в жесткой зависимости от исторических эпох, общественных формаций и уровней культурной развитости образец счастья претерпевал динамичную трансформацию, но всегда кристаллизовался в представление о счастье как синониме благополучной, исполненной самоосуществлением жизни.

Главная проблема, с которой столкнулась как наука, так и простой человек в XX веке заключается в том, что счастье стало ассоциироваться или подменяться комплексом благ любого происхождения. Проблема даже не в том, что утилитаризм и теории потребностей заняли ведущее положение, а в том, что счастье оторвалось от единственного носителя – человека. Оно сконцентрировалось во внешнем мире, стало подменяться идеалами и приоритетами, сформулированными безликим обществом.

В сознании молодежи счастье предстает ценностью, достаточно соотносимой с деньгами: более половины опрошенных (56 %) согласны с тем, что одним из составляющих по-

нения «счастливый человек» является деньги. В отличие от молодежи, в сознании старшего поколения категория «счастье» представляется достаточно не материализованной: 60 % опрошенных не согласны с мнением о неразрывности и взаимосвязи указанных категорий. Наконец, говоря о событиях, вызывающих наибольшие опасения, и молодежь (68 %), и поколение 45–55-летних (92 %) чаще всего указывают на боязнь лишиться материальных средств к существованию.

Дружба. Дружба – один из самых свободных видов социальных отношений, когда выбор осуществляется исключительно на основании личностных желаний и интересов. Дружеские отношения по преимуществу складываются между людьми одного поколения, близкими по социальному статусу. У большинства респондентов, по их словам, нет друзей, которые сильно отличались бы от них по возрасту, материальному положению или уровню образования. Однако и в эту сферу безжалостно вторгаются денежные мотивы и критерии. Те, кто имеет опыт «неравной дружбы», чаще говорят, что у них есть более богатые, а не более бедные друзья (20 % и 4 %). Очевидно, высокий статус дружеских отношений люди склонны присваивать преимущественно отношениям с теми, кто прочнее стоит на ногах, большего добился [7].

Эмоциональность перестает быть атрибутом близких отношений. Более половины опрошенных заявляют, что им симпатичней, ближе те люди, которые сдерживают свои эмоции. Очевидно, что эмоциональная сдержанность (и даже скрытность) оказывается в еще большей чести, когда речь заходит о рабочих взаимоотношениях.

Для современных подростков деньги нередко становятся прямым условием возможности установления и поддержания дружеских отношений со сверстниками. Ряд исследований, посвященных экономической социализации детей, выявил особую роль карманных денег, которые выступают как фактор расслоения подростков на группы более и менее обеспеченных, как средство, активно вторгающееся в их отношения, как условие дестабилизации этих отношений. Подростки подчеркивают, что деньги являются условием совместного времяпрепровождения, личность сверстника оценивается в ряде случаев с точки зрения наличия у него денег [8].

С этой позиции показательно, что значительная часть современных россиян говорит о

возможности купить за деньги не только дружбу, но и любовь, счастье, взаимопонимание. (Анализ вопроса «Как Вы считаете, что нельзя купить за деньги?» показал следующее: здоровье – 52 %; любовь – 41 %; дружбу – 29 %; счастье и жизнь – по 14 %; отношения и взаимопонимание – 10 %; уважение – 10 %; знания, талант, честность, душа, сострадание, человеческие чувства – по 1,7 %) [9].

Абсолютизации колонизация дружеского мира достигает у представителей крупного бизнеса: самым весомым фактором для них оказался «деньги-власть», ядром которого стала возможность использования денег в качестве оружия для управления или устрашения других людей, а также ориентация на покупку дружбы и любви, зависть по поводу денег, чувство личной неудовлетворенности в случае переплаты, оценки людей по деньгам, фантазии по поводу денег. Если у бедных фантазии по поводу денег связаны с потреблением, то у богатых они связаны с воздействием на других людей [10].

Свобода. Свободный человек, в представлении респондентов, это в первую очередь человек независимый: как в принятии решений – в выборе своего дела, жизненного пути, в реализации задуманного (25 %), так и независимый материально, живущий в достатке (23 %). Наиболее актуальными можно считать следующие установки современных подростков: «Я чувствую себя более свободным, когда у меня есть деньги». 90 % всех опрошенных выбрали это утверждение.

Переживания. Колонизация внутреннего мира привела к появлению и усилению вплоть до приоритетных переживаний двух видов: по поводу наличия денег и по поводу своего отношения к деньгам. Первые связаны с тем, что любая цель требует средств для ее реализации, беззатратных моделей достижения искомого результата не существует. Так, каждый третий россиянин в качестве своего главного желания указывает «выбраться из нищеты», «жить богаче». Деньги занимают в иерархии средств достижения целей доминирующую роль: поле связанных и оцененных деньгами объектов постоянно растет, а сами деньги постепенно теряют свою специфику, становясь орудием чего угодно. Внутренняя противоречивость заключается в том, что, являясь абсолютным средством обмена, деньги становятся абсолютной целью для большинства людей. Деньги сводят все материальные и интеллектуальные цели к самим себе,

а все шкалы ценностей – к шкале денежной стоимости. В результате мы приходим к противоположному выводу: поскольку деньги есть самооценочность, все другие цели становятся их средствами.

Переживания второго рода основаны на представлении, что деньги в традиционном обществе представляют одно из главных культурных табу. Стремление к деньгам считается греховным, но богатство повсеместно вызывает уважение. Деньги публично презируют, но тайно вожделяют. Многие западные авторы, занимающиеся проблемами денег, отмечают, что эта тема как в обществе, так и в научных кругах обсуждается крайне неохотно.

Таким образом, восприятие денег и связанного с ним поведения происходит в контексте этических категорий добра и зла. Индикатором нравственного конфликта в отношении личности к деньгам может выступать ряд противоречий, основными из которых являются несоответствие между представлениями о деньгах, существующими в общественном сознании, и ценностью денег для личности; значениями, которыми личность наделяет деньги; смыслами, приписываемым деньгам, и реальными возможностями денег; значимостью денег и субъективной оценкой возможности их достижения; значимостью денег и неприемлемостью доступных способов их получения [11]. В результате деньги оказывают влияние на духовное ориентирование личности: они могут приводить к духовной деградации, отражая человеческую слабость, бесчестие, жадность, низость, зависть (В. Розов), или к духовному развитию, укрепляя и возвышая людей благородных, честных, сильных, щедрых (П. Хокен, Ф. Хайек, К. Хесс и др.).

Психологический анализ отношения к деньгам был проведен А. Б. Фенько. Оно характеризуется высокой аффективной напряженностью, выражающейся в преобладании в структуре экономических установок фактора тревожности. Таким образом, в зарубежной и отечественной науке установлено, что деньги – психологизированное явление [12].

Воспитание. Если рассматривать целью экономической социализации в условиях капиталистического общества формирование рыночного человека, то современные семьи сталкиваются с неизбежными сложностями. Нормативные представления взрослых граждан о том, какие ценности нужно воспитывать в совре-

менных детях, существенно отличаются от их собственного воспитания в семье. При этом представление о том, что важно для успеха (модернистские ценности), вступает в конфликт с мнением о том, каким истинным нравственным ориентирам следует учить детей (традиционалистские ценности).

В более узком смысле, экономическая социализация прививает непосредственные навыки обращения с деньгами и формирует ценностные установки по отношению к ним. Вопрос о том, должен ли подросток зарабатывать деньги, всегда вызывает у родителей поляриность взглядов. Считают возможным включение подростков в оплачиваемую деятельность около 35 % родителей, возражают – около 48 %. Анализ положительных мотивировок родителей показал, что они рассматривают его: как средство нравственного воспитания, социального становления подростка, как средство помощи семье и укрепления семейных отношений [8].

Анализ суждений родителей по вопросу о влиянии денег на взаимоотношения показал: в отношениях «родители – дети» деньги действуют отрицательно только для 45 %. Проникновение денег становится приемлемым для многих семей: детям платят за хорошую учебу, помощь по дому, уход за младшими братьями. Родители и родственники дарят детям деньги на праздники. Родители выражают с помощью денег свои чувства по отношению к детям – это самый простой и удобный способ отделаться от ребенка, в прямом смысле откупиться от своих обязанностей. Поэтому многие, уступая настойчивым просьбам ребенка дать деньги, испытывают смутное чувство вины. Воздействие денег на человека молодежь и старшее поколение оценивают не в равных пропорциях: 47 % и 67 % опрошенных в возрасте 45–55 лет считают, что деньги портят людей.

Весьма показательным, с точки зрения роста рационализации, является исследование Гусевой, в котором утверждается, что уже у детей старшего дошкольного возраста преобладают установки на рациональное потребительское поведение в выборе товаров и услуг.

Рассмотренные ситуации позволяют показать, что социальные трансформации российского общества привели к нарушению соответствия традиционных ценностей россиян их целям и потребностям [13]. Происходит колонизация смысловых и ценностных структур жизненного мира, что приводит к монетариза-

ции всех социальных и личностных сфер. Поколенческий сдвиг затронул ряд моделей деятельности и ценностных установок, но пока не привел к разрушению единого пространства жизненного мира россиян, что дает возможность говорить о возможности сохранения основ и принципов неколонизированного внутреннего мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Гайда, А. В.* Коммуникация и эмансипация: критика методологических основ социальной концепции Ю. Хайндрикса / А. В. Гайда, С. Е. Вершинин, В. Л. Шульц. – Свердловск: УрГУ, 1988. – 160 с.
2. *Васильчук, Ю. А.* Социальное развитие человека в XX веке. Фактор денег / Ю. А. Васильчук // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 4. – С. 5–30.
3. *Резник, Ю. М.* «Социология жизни» как новое направление междисциплинарных исследований / Ю. М. Резник // *Социологические исследования*. – 2000. – № 9. – С. 3–12.
4. *Кортунов, В. В.* Философия денег / В. В. Кортунов. – М.: Московский общественный научный фонд, 1997. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://artevik.narod.ru/society/phy1_money/vved.html
5. *Вовк, Е.* Основания брака: эмоции и рациональные соображения / Е. Вовк. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/cat/famil/d081024>
6. ФОМ, Опрос населения в 100 населенных пунктах 46 областей, краев и республик России, 1500 респондентов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.fom.ru/topics/3194.html

7. *Шмерлина, И.* Дружба как духовная и социальная реальность / И. Шмерлина // *Социальная реальность*. – 2006. – № 5. – С. 29–50. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://socreal.fom.ru/?link=ARTICLE&aid=145>

8. *Буренина, С. Ю.* Влияние денег на процессы социализации современных подростков: автореф. дисс. ... канд. пед. наук / С. Ю. Буренина. – СПб., 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zipsites.ru/slovarenc/dissertacii_referaty/burenina_vliyanie_d_neg_na_podrozkov

9. *Полтавская, М. Б.* Роль денег в современном обществе в оценке старшеклассников (социально-экономический аспект) / М. Б. Полтавская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sites.google.com/site/konfef/Home/1-seksia/polanska>

10. *Дейнека, О. С.* Динамика отношения российских предпринимателей к деньгам / О. С. Дейнека // *Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов, 25–28 июня 2003 года: В 8 т.* – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. (компакт-диск). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://selfmoney.narod.ru/rpo.htm>

11. *Горбачева, Е. И.* Отношение личности к деньгам: нравственные противоречия в оценках и ассоциациях / Е. И. Горбачева, А. Б. Купрейченко // *Психологический журнал*. – 2006. – № 4. – Т. 27. – С. 26–37.

12. *Голубева, Е. В.* Влияние уровня дохода на отношение к деньгам / Е. В. Голубева. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sites.google.com/site/konfef/Home/1-seksia/golubeva>

13. *Пржиленская, И. Б.* Эволюция жизненного мира россиян в условиях трансформирующегося социума: автореф. дисс. ... д-ра социол. наук / И. Б. Пржиленская. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://revolution.allbest.ru/sociology/00039933_0.html

УДК 316.344.233(470.12)
ББК 60.524.4(2Рос-4Вол)

Л. В. Костылева

НЕРАВЕНСТВО НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Институт социально-экономического развития территорий РАН

E-mail: lvk888@mail.ru

Автором статьи проведено исследование дифференциации населения Вологодской области по доходам. Оцениваются масштабы неравенства населения, выявляются и оцениваются причины и последствия этого явления для региона. Основным источником информации послужили результаты социологических опросов населения региона по вопросам уровня жизни.

Ключевые слова: доходы населения; расходы населения; потребление; дифференциация доходов; неравенство населения.

L. V. Kostyleva

SOCIAL INEQUALITY IN THE REGION: SOCIOLOGICAL ASPECT

Institute of territories social and economic development of Russian Academy of Sciences

The author of the article has carried out a research into income differences of the population of the Vologda region. Scales of an inequality of the population are estimated, the reasons and consequences of this phenomenon for the region are revealed and estimated. As the main sources of information have served the results of survey of the population of the region.

Keywords: population incomes; population expenses; consumption; income differences; social inequality.

* Исследование выполняется при поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых российских ученых (проект № МК-3284.2009.6).

Начиная с 90-х гг. прошлого века в России существенно возросла степень общественного неравенства, что имело серьезные последствия не только для социально-психологического состояния общества, но и для показателей экономического и демографического развития страны. Основным измерителем степени неравенства – коэффициент фондов, показывающий, во сколько раз различаются средние доходы 10 % наиболее обеспеченного и 10 % наименее обеспеченного населения, – увеличился с дореформенного уровня 4,5 до 17 раз в 2008 г. При этом следует помнить, что при расчете данного показателя не учитываются теневые доходы населения, оценивающиеся в 30–40 % общего объема финансовых средств. Поэтому реальный уровень дифференциации доходов населения, по мнению экспертов, составляет 25–30 раз [3].

Неравенство доходов характерно для всех стран независимо от уровня благосостояния их населения, однако его степень имеет сильную вариацию. Дифференциация общества как следствие углубляющегося разделения труда – объективный и в целом прогрессивный процесс. Невысокая степень дифференциации населения по доходам способствует повышению производительности труда, мотивирует человека на более высокие результаты и достижения. При этом «...большинство населения видит в неравенстве потенциальную возможность улучшения своего положения, осуществление которой целиком зависит от собственных усилий» [4]. Таким невысоким уровнем неравенства в обществе, стимулирующим конструктивное напряжение социальных сил, исследователи признают ситуацию, когда коэффициент фондов не превышает 10 единиц. К странам, для которых характерен невысокий уровень неравенства доходов населения, по данным публикации «Отчет о развитии человечества», ежегодно издаваемой Программой развития ООН [6], следует отнести большинство стран Западной Европы и некоторые страны Юго-Восточной Азии.

Дифференциация высокой степени негативно воздействует на социально-психологическое состояние общества, воспроизводство населения и человеческого капитала, увеличивает смертность в трудоспособном возрасте и снижает рождаемость и продолжительность жизни. Россия по уровню коэффициента фондов, наряду с бывшими союзными республиками и раз-

вивающимися государствами Африки и Юго-Восточной Азии, относится к странам с высокой дифференциацией доходов.

В современных исследованиях неравенства оцениваются структурные характеристики дифференциации. При этом общее неравенство подразделяется на избыточное, обусловленное бедностью, и нормальное, определяющееся путем исключения избыточного. Нормальное неравенство – это то неравенство, которое наблюдалось бы в случае, если доходы всех бедных были бы повышены до величины прожиточного минимума. Нормальное неравенство лежит в основе идеи рынка и социально оправдано, а избыточное – тормозит экономический рост и социально несправедливо. В ИСЭПН РАН и ЦСЭИ РАН были изучены структурные характеристики экономического неравенства по России в целом и по полной совокупности российских регионов. Исследования показали, что во всех связях с макроэкономическими показателями нормальное неравенство проявляет себя как позитивный фактор, а избыточное – как негативный: чем выше нормальное неравенство, тем выше продуктивность экономики и ниже избыточное неравенство [5].

На процесс дифференциации доходов населения оказывает влияние множество факторов, классифицирующихся в группы: экономические, социальные, политические, географические, демографические, психологические. Основной причиной глубокого неравенства населения, по мнению ученых и специалистов, является несовершенство распределительных механизмов. Исследователи этой проблемы подчеркивают, что российская система налогообложения не только не ориентирована на снижение дифференциации располагаемых доходов по сравнению с номинальными, но и приводит к прямо противоположному результату, увеличивая уровень дифференциации доходов и бедности населения [1]. В настоящее время учеными формируются предложения по совершенствованию распределительной системы в стране, заключающиеся во внедрении прогрессивной шкалы налогообложения и введения новых налогов, которые, как ожидается, коснутся прослойки наиболее богатых людей – налога на роскошь, рыночного налога на квартиры, а также повышении ставки налога на доходы в виде дивидендов. Однако, как ожидается, одобрение и внедрение подобных предложений – процесс сложный и долгий, так как он ка-

сается положения наиболее состоятельной и влияющей части населения.

В связи с возрастающей актуальностью проблемы неравенства в российском обществе, в Институте социально-экономического развития территорий РАН (г. Вологда) с 2007 г. проводится исследование социально-экономического неравенства населения. Под социально-экономическим неравенством автором понимаются различия людей и социальных групп в обеспеченности материальными благами и возможностях удовлетворения своих потребностей, в основании чего лежит дифференциация доходов населения. Кроме официальной статистической информации на федеральном и региональном уровнях в данном исследовании активно используются данные социологических опросов населения Вологодской области, в том числе специализированных, посвященных вопросам неравенства, что значительно обогащает знания о характере и природе изучаемого явления [2].

Проводя исследование, задались вопросом, насколько влияют на уровень дохода населения факторы социально-демографического характера, то есть такие факторы, регулировать состояние которых может сам индивид. Выявление и оценка причин неравенства населения основывались на данных социологического опроса населения области, проводившегося в 2008 г. Объем выборочной совокупности составлял 1500 человек. Выборка для социологического исследования формировалась на территории двух наиболее крупных городов (Вологды и Череповца) и восьми районов Вологод-

ской области. Ее репрезентативность обеспечивается соблюдением пропорций между городским и сельским населением, между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), а также половозрастной структуры взрослого населения. Ошибка выборки составляет не более 3 %. Обработка данных социологических опросов происходила в программе SPSS. Для выявления зависимостей использовались корреляционно-регрессионный и дисперсионный методы.

Как показал корреляционно-регрессионный анализ, 24 % вариации дохода связаны с изменением таких факторов, как: должностная группа, к которой относится человек; отрасль экономики, в которой трудится человек; уровень образования; место жительства; количество несовершеннолетних детей в его семье. Факторы приведены по убыванию степени влияния на величину дохода, причем со всеми признаками, за исключением последнего, доход имеет прямую связь.

Кроме того, на уровень дохода оказывает значительное влияние род занятий: наиболее высокий уровень дохода имеют занимающиеся собственным делом. Немаловажным фактором при этом является наличие наемных работников в распоряжении предпринимателя.

В наибольшей степени ($R = 0,30$) доход человека зависит от того, к какой должностной группе он относится. Наибольший доход обеспечивают руководящие и высококвалифицированные должности, наименьший – неквалифицированный труд (табл. 1).

Таблица 1

Распределение работников разных должностных групп по доходным группам, 2008 г., в процентах

Должностная группа	Население в целом	Группы населения по доходу				
		1	2	3	4	5
1. Руководители предприятия	100	3	3	16	21	57
2. Руководители среднего звена	100	5	18	9	23	44
3. Руководители низшего звена	100	4	11	17	36	32
4. Специалисты (рабочие) высшей квалификации	100	7	9	19	30	35
5. Специалисты (рабочие) средней квалификации	100	14	20	22	24	21
6. Вспомогательный персонал	100	42	20	14	17	8
7. Неквалифицированные работники	100	40	21	16	17	6
8. Не работаю	100	26	31	26	11	6

Источник: Социологический опрос ИСЭРТ РАН «Социально-экономическая дифференциация населения региона», 2008 г.

Таблица 2

Структура населения Вологодской области по положению на основной работе, 2008 г., в процентах

Положение на основной работе	Население в целом	Группы населения по доходу				
		1	2	3	4	5
1. Наемный работник	100	21	20	20	20	19
2. Работающие на себя без привлечения наемных работников	100	19	26	21	24	10
3. Работающие на себя с привлечением наемных работников	100	9	13	12	21	45
4. Работающие в семейном деле	100	0	30	14	18	39

Источник: Социологический опрос ИСЭРТ РАН «Социально-экономическая дифференциация населения региона», 2008 г.

Занятие предпринимательской деятельностью не всегда обеспечивает высокий доход (табл. 2).

Для получения доходов высокого уровня недостаточно вести индивидуальную предпринимательскую деятельность – очень важно при этом иметь наемных работников. В этом направлении у России имеется большой потенциал роста. По данным EES (EES – проект «Европейское социальное исследование» – исследование, нацеленное на измерение социальных, политических и культурных изменений в России и других 20 европейских странах), в России в 2006 г. доля занятых в семейном деле в работающем населении составляла только 5 %, что меньше, чем в любой из стран не только Западной, но и Восточной Европы (предприниматели и занятые в семейном деле составляют 13 % работающего населения Западной Европы). В соответствии с данными социологического опроса, в Вологодской области доля занятых в семейном бизнесе не превышает 1,5 %.

Наибольший доход обеспечивает занятость в таких отраслях, как промышленность, транспорт, связь, финансы, управление, вооруженные силы и охрана порядка. Наименее обеспеченное население более часто трудится в сельском и лесном хозяйстве, культуре. Около 40 % относящихся к трем первым группам по доходу не работают, причем наибольший удельный вес таких людей (43 %) наблюдается не в первой,

а во второй доходной группе (против 8 % в группе населения с самым высоким уровнем дохода).

Важным фактором, влияющим на уровень доходов человека, является уровень образования. Чем выше уровень доходов в группе, тем меньше в такой группе доля населения с неполным средним, средним и среднеспециальным образованием. И, напротив, наиболее высокому доходу соответствует наибольший удельный вес людей с высшим или неполным высшим образованием: если в группе наименее обеспеченных имеющие высшее или неполное высшее образование составляют около 12 %, то в группе наиболее обеспеченных – 53 %.

Зависимость дохода от уровня образования подтверждают и данные табл. 3. Так, в верхней группе по доходу сосредоточено 34 % общего количества населения с высшим образованием (включая незаконченное высшее), а в нижней – лишь 7,5 %, со средним и среднеспециальным – 14 и 25 %, с неполным средним – 12 и 32 %.

Кроме экономических и социальных факторов, на уровень дохода семьи оказывают влияние и демографические факторы. Выявлено, что наличие в семье более одного ребенка представляет собой определенную степень риска для уровня дохода семьи: около 64 % наиболее состоятельных вологжан не имеют детей, а еще 28 % из них имеют лишь одного ребенка.

Таблица 3

Распределение населения Вологодской области по уровню образования, 2008 г., в процентах

Уровень образования	Население в целом	Группы населения по доходу				
		1	2	3	4	5
1. Неполное среднее	100,0	31,5	28,1	17,0	11,1	12,3
2. Среднее и среднеспециальное	100,0	24,9	21,6	19,4	20,4	13,7
3. Незаконченное высшее и высшее	100,0	7,5	15,2	21,9	21,3	34,1

Источник: Социологический опрос ИСЭРТ РАН «Социально-экономическая дифференциация населения региона», 2008 г.

Таблица 4

Распределение домохозяйств Вологодской области по количеству несовершеннолетних детей, 2008 г., в процентах

Количество членов домохозяйства	Население в целом	Группы населения по доходу				
		1	2	3	4	5
Нет детей	45,0	30,6	29,1	51,3	50,2	63,6
1 ребенок	36,1	34,2	44,6	39,9	34,0	27,7
2 ребенка	16,7	28,5	23,6	8,9	14,8	7,7
3 ребенка	1,9	6,2	2,0	0,0	1,0	0,5
Более 3 детей	0,3	0,5	0,7	0,0	0,0	0,5
Распределение по доходным группам, в процентах						
Нет детей	100,0	13,6	12,9	22,8	22,3	28,3
1 ребенок	100,0	19,0	24,7	22,1	18,8	15,4
2 ребенка	100,0	34,1	28,3	10,7	17,7	9,2
3 ребенка	100,0	63,9	20,6	0,0	10,3	5,2
Более 3 детей	100,0	29,4	41,2	0,0	0,0	29,4

Источник: Социологический опрос ИСЭРТ РАН «Социально-экономическая дифференциация населения региона», 2008 г.

Более половины семей с двумя детьми (52 %) относятся к двум нижним группам населения по доходу, среди семей с тремя детьми этот показатель составляет 85 %. То есть наличие двух и более детей увеличивает вероятность отнесения семьи к группам населения с наименьшими доходами. Следует отметить, что треть домохозяйств, имеющих более трех детей, относятся к самой высокодоходной группе населения (табл. 4).

Наиболее сильным фактором, определяющим дифференциацию населения по доходу, как было выявлено на более ранних стадиях изучения этой проблемы, является место проживания. Разница в доходах городских и сельских жителей определяет наличие территориальной или поселенческой дифференциации населения.

В соответствии с данными табл. 5, около 80 % деревенских жителей относятся к двум нижним

группам по доходу, в то время как в Вологде и Череповце – около 22 %. Доля жителей крупных городов увеличивается с увеличением порядкового номера группы.

После получения вышеописанных результатов была проведена оценка использования населением области социально-экономического потенциала, то есть насколько доходы населения соответствуют состоянию влияющих на них факторов (место жительства, уровень образования, отрасль деятельности, должностная группа, количество детей). Результаты типологизации позволили констатировать, что около половины населения региона (55 %) имеет доход, соответствующий уровню влияющих на него факторов. Примерно 12 % получают доход выше, чем предполагалось на основании значений тех же факторов. В то же время можно отметить, что треть населения (32 %) недоиспользует свой социально-экономический потенциал

Таблица 5

Распределение населения Вологодской области по месту проживания, 2008 г., в процентах

Варианты ответов	Население в целом	Группы населения по доходу				
		1	2	3	4	5
1. Крупный город (Вологда, Череповец)	100,0	8,1	14,2	21,9	27,3	28,5
2. Город – районный центр	100,0	24,3	25,4	19,7	16,9	13,6
3. Село или поселок, являющиеся районными центрами	100,0	16,6	18,5	27,6	16,6	20,6
4. Село, поселок	100,0	31,1	22,1	16,4	14,2	16,2
5. Деревня	100,0	47,6	31,4	12,4	5,9	2,7

Источник: Социологический опрос ВНКЦ ЦЭМИ РАН «Социально-экономическая дифференциация населения региона», 2008 г.

и получает доходы более низкого уровня, чем это возможно. Причинами такого несоответствия реального дохода возможному его уровню могут быть психологические характеристики людей.

В дальнейшем планируется исследование влияния именно психологических особенностей индивидуума на уровень его доходов. При этом будут учитываться такие характеристики, как коммуникабельность, гибкость, высокая степень мотивации, наличие предпринимательских способностей, высокий уровень субъективного контроля, высокая самооценка, неконфликтность, степень оптимистичности.

УДК 614:316
ББК Р11

Н. Н. Седова, С. А. Варгина

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ «МЕДИЦИНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА» В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Волгоградский государственный медицинский университет

E-mail: nns18@yandex.ru

Увлечение медикализацией представляет известный социальный риск. Она, видимо, повышает профессиональный статус, но на самом деле увеличивает зависимость пациентов от врачей и, следовательно, порождает новые социальные диспропорции.

Ключевые слова: медикализация, социальный риск, профессиональный статус, медицинский империализм, врач.

N. Sedova, S. Vargina

THE SOCIAL RISKS OF SPREADING OF «MEDICAL IMPERIALISM» IN THE POST-SOVIET RUSSIA

Volgograd State Medical University

The hobby of medicalisation represents known social risk., it probably raises the professional status, but, actually, increases dependence of patients on doctors and, hence, generates new social disproportions.

Keywords: medicalisation, social risk, professional status, medical imperialism, physician.

Осмысление роли врачей в обществе в контексте расширения медикализации привело к появлению термина «медицинский империализм», а вслед за этим и целой концепции медицинского империализма. Она была разработана в рамках западной, в основном американской и английской, социологии медицины. В России об этом пока не говорят, у нас другие проблемы. Но существует опасность, что, решая свои проблемы реформирования здравоохранения, Россия упустит момент формирования медицинского империализма в собственной стране. Поэтому авторы считают необходимым рассмотреть подробно сущность вопроса о социоимпериализме и профессии медика

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Иванов, В. Н. Неравенство и бедность населения: опыт решения проблемы в России и за рубежом / В. Н. Иванов, А. В. Суворов // Проблемы прогнозирования. – 2006. – № 3. – С. 144.
2. Костылева, Л. В. Социально-экономическое неравенство населения региона [Текст] / Л. В. Костылева, К. А. Гулин, Р. В. Дубиничев. – Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2009. – 143 с.
3. ОЭСР сосчитал богачей. – 22 октября 2008 г. – Режим доступа: <http://pda.bfm.ru/news/2008/10/22/ojesr-soschital-bogachej.html>.
4. Шевяков, А. Ю. «Болевые точки» России: избыточное неравенство и депопуляция / А. Ю. Шевяков // Общество и экономика. – 2005. – № 12. – С. 86–102.
5. Шевяков, А. Ю. Измерение экономического неравенства / А. Ю. Шевяков, А. Я. Кирута. – М.: Лето, 2002. – 320 с.
6. Human Development Report 2007/08, UNDP.

(в формулировке Стронга), чтобы иметь возможность прогнозировать негативный эффект медикализации в России.

Более двадцати лет прошло с тех пор, как было сделано фундаментальное высказывание Ф. Стронга о «Социоимпериализме и профессии медика» [1]. В этом документе он предупреждает об опасности, присущей тезисам медицинского империализма, которые преувеличены. Медицинская социология и ее союз с общественным здоровьем, утверждает ученый, имеет личную заинтересованность в уменьшении значимости медицины как социального контроля в обществе. Социальная модель здоровья и болезни, построенная по принципу компле-

ментарности, является лучшим методом для медицинского империализма, чем более заезженная биомедицинская модель.

Главный упор в критике Ф. Стронга, как указано выше, делается на изложении социологами «империалистической конкуренции» по отношению к медицинской профессии, и собственно на понятие «медицинский империализм». Ф. Стронг утверждает, что его тезисы помогают определить медицинскую социологию в разных направлениях, например, социологический империализм. По словам ученого, происхождение его критики (серии отражений тезисов империализма и условий для успешной медиализации) исходит из определенного набора светских утверждений. И надо сказать, что трудно примирить данные его работы с «более экстремальными утверждениями тех, кто написал медицинский империализм».

В результате сокращения, сделанного на основе критики Ф. Стронга, было выделено десять позиций:

- профессионализация социальных проблем;
- монополизация сервисной службы;
- профессиональный, а не клиентский контроль как критерий оценки работы;
- «ключевой момент» – переоценка существующих проблем и постановка новых;
- неопределенное расширение человеческих нужд и проблем клиентов;
- неограниченное расширение самих профессий;
- тенденция к восприятию этиологии социальных проблем в индивидуальных понятиях (например, деполитизация социальных проблем);
- формулировка этих социальных проблем преимущественно медицинскими понятиями;
- вера в то, что эффективное предотвращение заболеваний должно повлечь большие социальные изменения, нежели чем неэффективная профессиональная плохая работа на индивидуальном уровне;
- клиенты станут зависимыми от профессионалов (медицинских или каких-либо других) [2].

Медиализация применима и для «поведения отходящего от нормы»: слабоумие, алкоголизм, гомосексуализм, наркозависимость, проблема с поеданием пищи, патологический азарт и транссексуализм и для «естественных жизненных процессов»: период полового созревания, развитие детей, старение и смерть. Первые высказывания по этому поводу относят

к таким ученым, как Золя и Иллих вместе с феминистской критикой медиализации родов и женского жизненного опыта. К этому можно добавить споры относительно таких вопросов нашего времени, как RSI [3] и синдром хронической усталости, демедиализации общества. Даже если альтернативная медицина будет исключена для того, чтобы стимулировать демедиализацию и ремедиализацию, ясно, что упрощать это нельзя, так как в действительности это гораздо сложнее и включает новые и важные данные и пересмотры самих терминов медиализации.

Тезисы о медицинском империализме содержат много ценного. Все профессии отражают расширенные тенденции и колониистские амбиции. В конце концов, академическое окружение медицины, где критика медиализации – главная часть, обеспечивает серию проверок и балансов собственно медицины и профессионального большинства в ней.

Ф. Стронг предлагает следующие серии «профессиональных ограничений медицинского империализма»:

- финансовое принуждение способствует ограничению профессиональных амбиций;
- медицинский успех и прагматизм – врачам нравимся все мы, поэтому демедиализация в тех областях, где медицина мало что может сделать, возрастает;
- ограничение профессиональных критериев;
- «буржуазная свобода» – пока идет монополия врачебной практики, это дает врачам практически «нелегальную силу подчинять поведение пациентов». Действительно, пока врачи могут решать, какое лечение их пациенты могут получать, последние лишаются права соглашаться с этим или нет.

Некоторые критики, однако, не соглашались с мнением Ф. Стронга. Так, например, Д. Конрад отвечает на каждое из этих утвержденных искажений и принуждений, отмечая селективное использование исторических примеров Ф. Стронга. Особенно рассматриваются два ключевых вопроса: первый – соединение Ф. Стронгом понятий «медицинский империализм» и «медиализация». Если первое подразумевает некоторое «намерение доминировать и управлять», то последнее лишь «описательный термин», что не требует «мотивации и намерения».

Можно еще добавить тезис о различных уровнях медиализации (например, концепту-

альном, институциональном и взаимодействии врач-пациент). Здесь поднимаются особенно важные вопросы, особенно в терминах экспликации утверждений империалистских мотивов или намерений из процесса медиализации и его независимой оценки. Когда идет описание практической медицины, исследователи обычно обращаются к «применению «медицинской модели» или «идеологии болезни», которая лежит в основе этиологии и решении проблем на уровне индивидуальной биологии. Медицина – область знания и деятельности, дискретная по своей природе, и эта дискретность помешала указанной модели как интеллектуальной теории выжить в девятнадцатом веке в чистой и простой форме. Недавние эмпирические работы, посвященные новым репродуктивным технологиям также хорошо иллюстрируют эти вопросы.

Все эти проблемы показывают как необходимость баланса в оценке биомедицины, включая технологический успех, так и неудачи современной медицины в вопросах стандарта профессиональных ограничений. Хотя современный капитализм и может себе позволить увеличить финансирование, еще не факт, что деньги будут хорошо потрачены.

Обсуждения этих вопросов вносит резонанс в серию споров о непрофессионализме, если не о пролетаризации медицины, особенно в контексте американских исследований [4]. Это включает ссылки на «потерю профессиональных способностей» врачей, на исчезновение границы между врачеванием и фельдшеризмом [5], увеличение количества судебных процессов, связанных с медициной [6], возвращение к альтернативной или элементарной терапии.

В результате кооперации врачей и медперсонала достигается увеличение профессионализма оказываемой помощи. Многие практикующие врачи проявляют искреннюю заботу о «ползущей медиализации», и всегда на передний план выдвигают «пропагандирование здорового образа жизни» и «предотвращения заболеваний». Но редко когда они задавали вопрос о том, хочет ли больной идти на жертвы, отказываясь от своего привычного образа жизни, будет ли он счастлив, если будет здоров.

Если пропаганда здорового образа жизни – один из примеров сложных перекрестных вопросов, то дебаты о виагре – совсем другое. С одной стороны, это довод в пользу теории медиализации. Так, с середины мая 1998 года

продажи этого препарата в США колебались около 278 тысяч упаковок в неделю. Планируется, что к 2011 г. доходы от продаж составят 1 миллиард долларов ежегодно. С другой стороны, вызывает опасение растущий список побочных эффектов, связанный с составными частями препарата, что рождает конфликт между медиками, расширяющими рынок сбыта препарата (работая тесно с фирмой «Pfizer»), и теми, кто добивается ремедиализации данного препарата и требует ограниченного применения препарата в клинике.

Таким образом, суммируя все положения, можно сделать вывод: медицина не может трактоваться как единый коллектив одинаково мыслящих врачей. Однако благоприятный клинический, экономический и политический климат в обществе ни у кого из врачей не провоцирует интерес к экспансии «медицинского империализма» (фактически – расширению медиализации)

Другой вопрос в контексте дискуссии о депрофессионализме и демедиализации относится к глобальным социальным и техническим изменениям в современном обществе, которые проводят к глубоким изменениям в традиционных представлениях о делении профессионализма на уровни. Мы, живем в период позднего модернизма – «посттрадиционный порядок установленной возвратности, производственного риска и неуверенности» – эти следствия современности стали полностью ясны только сейчас. Отношения между современной медициной и простым народом, как следствие активного развития, угрожающе расширяются и создают диалог активного доверия и радикальных сомнений. Исходя из этих рассуждений, можно сказать, что риск принял угрожающие размеры, способствующие публичному разоблачению пределов научных знаний и ослабляющие уверенность в официальной заботе о нас. Пока абстрактные системы знаний все больше используют недопустимые понятия «удача» и «судьба», взятые из каждодневной жизни, они могут вновь стать популярными среди человечества, когда профессиональные и научные источники перестанут быть популярны в своих поисках истины.

Современная медицина, как показывают недавние эмпирические исследования непрофессиональных знаний, рассматривается как критическая возможность; лечение или переделывание, видоизменение или восстановление;

замена или наполнение; предупреждение или симулирование болезни и здорового тела в равной степени. Доступ к здравоохранению, в этом смысле, выглядит как «социально поощряемое и неотъемлемое право каждого человека» [7].

Здесь противопоставляются сложности и парадоксы современной мирской культуры, факторы, о которых в первую очередь предупреждает Ф. Стронг в своих слишком упрощенных моделях. Простые люди не строго пассивны и не активны; зависимы или автономны; легковверные или скептики. Чаше они – сложная смесь этих понятий, и даже более того, обладают способностью принимать или даже жить с возможной степенью двоякости, непоследовательности или противоречивости в своей вере или действиях.

Главная цель критики Ф. Стронга направлена на ортодоксальный тезис медиализации, вышедший на арену в 1970–80-х годах. Теоретические обоснования этой критики обычно включали формы социального конструктивизма, но были и другие варианты, согласно которым медицина – доминирующий институт, который в западной культуре играет возрастающе важную роль в жизни общества. Медиализация, в соответствии с последней точкой зрения, вовлекает не просто новые формы надзора, но фабрикует новые социальные статусы. Надзорная медицина теперь, как утверждается, затмила госпитальную медицину: переход символизирован через стратегическое изменение в социальных измерениях болезни и политико-правовых исчислениях риска.

Несмотря на то, что система здравоохранения в современной России достаточно сильно отличается от западных образцов, на которых и была рассмотрена роль медиализации и сущность медицинского империализма, содержание отношений врача и пациента остается инвариантным для обеих систем. Поэтому о расширении медиализации в нашей стране можно говорить достаточно уверенно. Однако здесь происходит столкновение с совершенно новой опасностью, о которой в западной социологии медицины никто не говорит, потому что на Западе ее просто нет. Речь идет о том, что статусные изменения в профессиональной группе российских врачей в процессе реформы здравоохранения их самих не удовлетворяют. Неудовольствие вызывает как уровень заработной платы, так и условия труда, и невозможность

самореализации, и трудности в предоставлении пациентам той помощи, которая, по мнению врачей, действительно необходима. В такой ситуации медиализация может стать той отдушиной, где врачи могут реализовать свою потребность в профессиональном самоутверждении. Как именно?

Властные полномочия профессиональной группы врачей можно считать центрально значимыми, так как они определяют способность группы формировать собственную социальную позицию в различных измерениях. Именно объем власти определяет степень доступа индивида или группы к искомым ресурсам, таким как деньги, плодотворная работа, свободное время и пр., а также возможности распоряжаться ими.

Первым неотъемлемым индикатором властных полномочий профессиональной группы врачей является *автономия в принятии решений по выполнению главной функции*, то есть по определению процесса диагностики и лечения. Важными аспектами автономии также являются возможность планировать процесс работы, определять собственную рабочую ситуацию: условия труда, темп работы, количество вспомогательного персонала, объем используемых лекарственных препаратов и пр. Многие авторы англо-американской социологии профессий неоднократно отмечали, что экспертная оценка профессионала должна иметь приоритет перед суждением обывателя, в том числе властного обывателя (бюрократа). Очевидно, профессионалы не могут быть полностью ограждены от влияния государства и рынка. В то же время во многих западных странах профессиональным группам удалось сохранить высокий уровень саморегулирования собственной деятельности.

Вторым значимым индикатором профессиональной автономии является *возможность группы оказывать влияние на результат собственного труда*, а именно на объем социальных-экономических вознаграждений.

Контроль входа в профессиональную группу и выхода из нее является третьим индикатором. Контроль допуска в группу находит свое отражение в конструировании фильтров, регулирующих доступ в группу. Данная социальная практика получила название социального закрытия (F.Parkin), и многие англо-американские социологи активно использовали этот концепт для описания коллективных действий профессионалов (MacDonald). Социальное за-

крытие группы осуществляется на уровне рынка труда (монополизация рынка услуг) и образовательной системы (ограничение доступа к образованию). Западные профессиональные ассоциации обычно получают от государства право выдавать специалистам лицензии, принимая решение, кто достоин включения в группу. Лицензирование частной врачебной практики также находится в руках профессиональных организаций. Сертификационные комиссии чаще всего заполнены членами профессиональной группы или людьми, одобренными профессией.

Таким образом, получается, что регулирование деятельности группы осуществляется самой профессиональной группой. Профессиональные ассоциации учреждают формальный и неформальный контроль за деятельностью членов группы с целью защищать пациентов от врачебных ошибок.

Другим механизмом осуществления профессионального контроля является создание профессионального этического кода группы. Ассоциация должна гарантировать, что врачи будут придерживаться этических требований в своей каждодневной практике. Хотя в настоящее время попытки ограничить власть врачей привели к созданию независимых этических комитетов и передаче им функций этической регуляции, но фактически ассоциации продолжают выступать гарантами нормативного соответствия поведения всех своих членов.

Четвертым индикатором, во многом определяющим наполняемость всех предыдущих, является наличие сильной профессиональной организации. Очевидно, что автономия профессионалов подразумевает их самоосознание как общности, коллектива. Рядовые члены профессиональной группы должны признавать определенных лидеров, руководство, а те, в свою очередь, должны оправдывать доверие рядовых врачей, адекватно представляя их интересы.

Кроме того, в соответствии с неовеберовским подходом, можно выделить культурный ресурс профессиональной группы, заключенный в обладании экспертным знанием.

Врачи во многих странах Европы и в Северной Америке смогли трансформировать собственную работу в статусную профессию. В соответствии с определением М. Вебера, статусные сообщества объединяются с целью защиты собственных социальных привилегий и своего имени. Существование статусной группы зависит от поддержания всеми ее членами

определенного жизненного стиля, а также от того, насколько группа может воспроизводить себя посредством системы образования, которая предупреждает проникновение в группу чуждых ей индивидов. Очевидно, российские врачи, занятые в государственном секторе, не попадают под определение веберовских статусных групп. Но остается вопрос, считают ли частнопрактикующие врачи себя обладателями более высокого статуса, а также насколько значимы для них внешние проявления респектабельности.

Можно предположить, что в современном российском обществе существует две возможности повышения социального статуса врачей. С одной стороны, государство в процессе дальнейшего реформирования отрасли может повысить статус врачей, увеличив их участие в принятии решений, касающихся регулирования их деятельности (пример, профессионализация сверху). С другой стороны, врачи могут осознать свои коллективные интересы и самостоятельно попытаться увеличить профессиональную автономию. Так, частнопрактикующие специалисты уже пришли к пониманию того, что им необходимо отвоевывать свои права у государства. По мнению авторов, именно изменение социальных установок врачей, занятых в государственном секторе, их стремление увеличить собственный властный ресурс способствует возникновению определенной профессиональной идеологии, коллегиальной культуры, которая в последующем приведет к трансформации социального статуса. И здесь как раз известный риск представляет увлечение медиализацией, которая, видимо, повышает профессиональный статус, но на самом деле увеличивает зависимость пациентов от врачей и, следовательно, порождает новые социальные диспропорции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Strong, P. Socioimperialism and Medicine / P. Strong. – N.Y.: Barlett and Jones, 1979.
2. Strong, P. Medical Imperialism and Professional's Values / P. Strong. – Oxford Un.Press, 1998.
3. Arksey, D. Applied Knowledge / D. Arksey. – New York: Dodd, Mead & Co, 1998.
4. Conrad, D. The Cultural Crisis of Modern Medicine / D. Conrad. – London, Monthly Review Press, 1992.
5. McKinlay, P. Religion and the Public Good: A Bicentennial Forum / P. McKinlay, J. Arches. – N.Y., 1990.
6. Annandale, W. Audit Commission Lying in Wait / W. Annandale. – London: HMSO, 1998.
7. Dingwall, F. The Role of Medicine: Dream, Mirage or Nemesis / F. Dingwall. – Oxford, Blackwell, 1994.
8. Lupton, A. Invitation to Sociology: A Humanistic Perspective / A. Lupton. – Harmondsworth, Penguin, 1994.

УДК 316.43
ББК 60.5

Е. В. Каргаполова

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА В СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Астраханский инженерно-строительный институт

E-mail: k474671@list.ru

Статья посвящена одной из ключевых проблем социально-гуманитарного знания – проблеме социального развития. Автор подчеркивает роль концепции социального прогресса в разработке стратегии социального развития и обращается к наследию отечественных мыслителей второй половины XIX – начала XX вв., разработавших теории социального прогресса.

Ключевые слова: социальный прогресс, социальное развитие, стратегическое планирование, российская социология.

E. V. Kargapolova

CONCEPTION OF SOCIAL PROGRESS IN THE STRATEGY OF SOCIAL DEVELOPMENT

Astrakhan Engineer-Building Institute

The article is devoted to one of the key problems of social-humanitarian knowledge – problem of social development. The author underlines the role of conception of social progress in developing a strategy of social development and turns to the heritage of native intellectuals and scientists of the second part of the XIX – beginning the XX century, created theory of social progress.

Keywords: social progress, social development, strategically planning, Russian sociology.

Идея социального прогресса имеет многовековую историю и является стержневой в социологической мысли. Существует множество концепций социального прогресса, но в них не дается однозначного ответа на такие фундаментальные вопросы, как определение его критериев, субъектов, причин, целей, факторов. Поиски формулы прогресса связаны также с исследованием таких проблем, как роль личности в социальном прогрессе, социальные и индивидуальные издержки, допустимые для достижения той или иной стадии.

Надо отметить, что в последние десятилетия идея прогресса переживает кризис. Для многих обывателей понятие «прогресс» стало устаревшим идеологическим клише, в социологических теориях прогресс заменяется термином «социальные изменения». Прогресс наряду с демократией, свободой слова является лозунгом, метатеоретическим основанием западной культуры. Поэтому зачастую критика западной цивилизации отождествляется с критикой прогресса. Но так ли необходимо, говоря о кризисе Запада, отказываться от идеи прогресса?

С одной стороны, нельзя не заметить, что исторически идея социального прогресса возникает там, где человек теряет ощущение цельности бытия, состояние внутренней гармонии, когда человек начинает ощущать разницу между сущим и должным, «могу» и «хочу», реальностью и мечтами. Подобное состояние стано-

вится нормой жизни обычного среднестатистического индивида.

Для ученых, без сомнения, очень важен ответ на вопрос об объективных закономерностях социального развития, оценка происходящих явлений с точки зрения их прогрессивности. Но еще более важным являются ответы на эти вопросы для обывателя, так как они связаны с системой его жизненных, смыслообразующих ценностей. В жизни каждого человека важно, чтобы она не превращалась в «дурную бесконечность», необходима цель, которая поднимала бы его существование над повседневностью. В условиях секуляризации мышления, индивидуализации личностного бытия, кризиса семейных ценностей порой только в рамках концепции социального прогресса личности даются ответы на вопросы о том, куда идти (цель социального развития) и каким образом идти (фактор, критерии социального прогресса). Существование такой концепции консолидирует общество. Как отмечает П. Штомпка, «уже само по себе формирование общественного консенсуса по поводу определенных критериев прогресса (выбор большинством членов общества определенных ценностей в качестве основных) представляет своего рода фильтр, отсеивающий побочные, незначительные или случайные критерии... Хуже, когда отсутствует общее согласие того, что является прогрессивным» [8, с. 461]. Поэтому концепция социального прогресса

должна быть частью информационной политики государства, существенной составляющей его идеологии, стратегии социального развития для того, чтобы эффективно управлять населением страны, сохранять духовное и физическое здоровье нации. С этой точки зрения кризис идеи прогресса, нарастание пессимистических тенденций в общественно-политической мысли, разнообразие, психологизм и фантастичность авторских моделей социального прогресса могут свидетельствовать о кризисе государственных идеологий.

По мнению автора, необходимо при сохранении самой идеи прогресса пересмотреть внутреннее наполнение этой концепции, в частности, вопрос о его критериях. Так, в XX веке на Западе прогресс стал трактоваться почти исключительно как рост материального благосостояния. При таком телесно-ориентированном подходе человек низводится до уровня потребителя, практически исключаются душевная и духовная составляющая его бытия. Подобный критерий социального прогресса не может являться универсальным ни во времени, ни в пространстве.

При разработке концепций социального прогресса необходимо учитывать национальный менталитет и традиции отечественной общественно-политической мысли. Поэтому в поисках критерия социального прогресса необходимо обратиться к концепциям социального прогресса в российской социологической мысли более ранних периодов, тех периодов, когда вопрос о критериях социального прогресса обсуждался наиболее напряженно. Так, вторая половина XIX – начало XX веков характеризуются поиском универсального фактора, критерия социального прогресса, по выражению П. Сорокина, «вполне совпадающего с историческим развитием, а, следовательно, показывающих реальность прогресса» [6, с. 510]. Наличие таких факторов в общественном развитии должно было, по мнению отечественных мыслителей, способствовать движению общества к преодолению социальных конфликтов, единству, целостности. Надо отметить, что понятие «органическая целостность» было одним из ключевых в отечественной социальной мысли и в материалистических концепциях разрабатывалось как идея солидарности, взаимопомощи, а в идеалистических концепциях выражалось в идее общности или положительного всеединства.

В натуралистическом направлении общество понималось как особая часть природы, под-

чиненная ее всеобщим законам, поэтому в качестве критериев социального прогресса могли выступать не только социальные факторы, но и географические особенности (Л. И. Мечников) или биологические закономерности (А. И. Стронин, П. Ф. Лилиенфельд). Л. И. Мечников связывал водный фактор (влияние водных бассейнов великих рек, больших акваторий) и прогресс того или иного общества. В книге «Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ», он пишет: «Географическая среда эволюционирует во времени; она расширяется с прогрессом цивилизации; ограниченная в начале исторического периода не особенно обширными бассейнами больших рек, ... эта среда в известный момент охватывает побережье внутренних морей, а затем распространяется на океаны, охватывая мало-помалу все обитаемые области земного шара» [3, с. 273].

П. Ф. Лилиенфельд считает общество организмом не в переносном смысле, а в качестве естественно-реального явления. «В человеческой жизни и развитии действуют те же законы, как и во всей органической природе: социальный организм, как и всякий высший организм в природе, состоит из двух взаимодействующих факторов – клеток, или, вернее, из соединенных в системы (в отдельные лица) нервных клеток, и из межклеточного вещества, под которым автор понимает все, что, кроме живых людей, существует в обществе, следовательно, все, что человек построил и создал: дома, железные дороги, произведения техники и искусства, книги, писанные законы, даже идеи и т. д.» [5, с. 893].

Далее поиски универсального критерия социального прогресса были связаны со становлением субъективного метода в российской социологической мысли. Представители этико-субъективного, психологического, неокантианского направлений отечественной социологической мысли, а также «легальные марксисты» полагали, что единственным критерием социального прогресса будет развитие человеческой личности. Например, П. Н. Новгородцев считал, что личное совершенствование следует рассматривать, «как единственный правильный путь прогресса» [4, с. 139].

С понятием «личное совершенствование» как фактором социального прогресса соотносится понятие «органическая целостность». Подходы к пониманию развития целостности в

человеке как фактора социального прогресса могли быть различными в отечественной социальной мысли. При секулярном подходе человек рассматривался как просвещенная цивилизованная личность. Основным способом познания и существования в мире для такого человека было рационалистическое мышление. В рамках последнего положения в социальной философии Н. Г. Чернышевского и Д. И. Писарева разрабатывается теория разумного эгоизма. Другим вариантом модели человека, существующего в рамках рационалистического мировоззрения, стала концепция критически мыслящих личностей, разработанная П. П. Лавровым. Кроме того, в российском позитивизме (П. П. Лавров, Н. К. Михайловский) личное совершенствование могло пониматься как развитие творческих способностей человека (с метафизических позиций эта идея была переработана Н. А. Бердяевым). Творчество рассматривается ими как фактор социального прогресса.

У Е. де Роберти, П. Лаврова в качестве фактора социального прогресса исследуется интеллектуальный фактор: рост и развитие человеческого разума в форме аналитических, чисто научных знаний.

С распространением марксистских идей связано исследование экономической детерминанты в качестве фактора социального прогресса П. Н. Ткачевым и П. Л. Лавровым. Так, гипотеза экономического объяснения социальных явлений лежит в основе социологической концепции П. Н. Ткачева. Он пишет: «Вся общественная жизнь во всех ее проявлениях со своей литературой, наукой, религией, политическим, юридическим бытием есть не что иное, как продукт известных экономических принципов, лежащих в основе этих социальных явлений. Данные экономические принципы, последовательно развиваясь, комбинируют известным образом человеческие отношения, порождают промышленность и торговлю, науку и философию, соответствующие понятийные формы, существующий юридический быт, порождают, одним словом, всю нашу цивилизацию, делают весь наш прогресс» [7, с. 96].

У части народничества, русских марксистов как фактор социального прогресса рассматривалась революция (впервые эта идея в российской обществоведческой мысли была предложена декабристом П. Пестелем и поддержана революционным крылом западничества). Против анализа революции как единственного фак-

тора социального прогресса выступали М. М. Ковалевский, Е. де Роберти, П. Сорокин.

В конце XIX – начале XX веков у представителей российской религиозной социологической мысли возрождалось, в противовес секулярным, рационалистическим, представление о метафизических, религиозных факторах социального прогресса. Надо отметить, что в религиозном направлении отечественной социологической мысли преобладают нравственные критерии социального прогресса. Представители этого направления считали, что ответ на вопрос о том, переживают ли личность и общество прогресс или упадок, можно дать, обратившись к исторической действительности и достигнув целостного понимания того, каков вектор изменений духовного мира в истории, каков нравственный смысл принятых обществом ценностей и ориентиров развития.

В социальной философии представителей отечественной религиозной мысли также используется понятие «органическая целостность», прилагаемое как к обществу, так и к отдельной личности. Но понимание цельности имеет свои особенности, отличающиеся от секулярных вариантов.

Образ человека, постигающего мир только с помощью Разума, достаточно быстро перестал устраивать многих русских мыслителей. Начиная со славянофилов А. С. Хомякова и И. В. Киреевского и в течение всего периода XIX – начала XX веков разрабатываются концепции, в которых цельность человеческой личности начинает связываться с понятием «цельного знания». Под идеалом целостного знания понимается не образованность, основанная всецело на рационализме, а органически всестороннее его единство, под которым понимается, как указывает Н. О. Лосский, «сочетание всех духовных сил человека, его чувственного опыта, рационального мышления, эстетического восприятия действительности, нравственного опыта и религиозного созерцания» [2, с. 437–438]. В конце XIX – начале XX веков эта тенденция находит свое выражение в интуитивизме Вл. Соловьева, кн. Трубецких, Н. Лосского, П. Флоренского как учении о «непосредственном созерцании предметов в подлиннике» [2, с. 437–438].

Таким образом, если при секулярном подходе цельность отождествляется только с рациональным мышлением, то в рассматриваемом варианте предпочтение отдается внерациональным способам познания мира.

В данном случае понимание цельности человека было связано с метафизическим, религиозным принципом. Так, представитель позднего славянофильства Страхов критикует западный прогресс за отрицание в нем высших областей бытия и считает, что бытие человека вне религиозного антропоцентризма вообще лишено смысла. Поэтому и смысл обретения человеком цельного знания состоял в способности постигать им сверхрациональное знание о Боге.

Варианты осмысления этого божественного принципа как фактора социального прогресса могли быть различными. Божественное могло пониматься в рамках христианско-православной теологической традиции, когда основной смысл человеческой жизни состоял в постижении бытия Бога. В связи с кризисом ортодоксального православно-церковного религиозного мировоззрения, который особенно ярко проявился во второй половине XIX – начале XX вв., и вызванного им состоянием всеобщей растерянности, наблюдается тенденция модернизации этой традиции. Так, для славянофилов подлинный социальный прогресс, в отличие от западного, основанного на технических усовершенствованиях, основывается на божественном фундаменте. Таким божественным фундаментом у славянофилов является принцип соборности, началом которого является божественная благодать взаимной любви христиан-общинников, соединенных Русской Православной Церковью. Но уже в первой половине XIX века славянофил И. В. Киреевский пересмотрел понятие Церкви, которую стал рассматривать не как организацию, а как организм, самостоятельное целое, единое мистическое тело.

Вл. Соловьев искал пути выхода из кризиса традиционного христианского мировоззрения в создании всемирной теократии, основанной на отказе от ортодоксального христианства, которое перестало быть живой религией и превратилось в мертвые догмы.

Н. Бердяев, как и Вл. Соловьев, считал, что смысл процесса общественного развития должен раскрыться в рамках религиозного принципа, но не в рамках старого христианства. Он критикует старое христианство за его трансцендентность, за то, что оно фактически не участвовало в жизни человека, так как считало греховным его и созданную им культуру, не понимало творческой природы человека. В своей социальной концепции Н. Бердяев модернизирует старое христианство в новую религию

творческого христианского антропологизма, принимая творчество в качестве фундаментальной характеристики человека и проявления деятельной мощи людей.

Пессимистически-аскетический идеал христианства разрабатывает почвенник К. Н. Леонтьев. Его не устраивает западный прогресс, так как в нем нет места Богу. В конце XIX века в условиях начинавшейся глобальной интернационализации жизни он предсказывал, что стремительное распространение идеалов и ценностей европейской цивилизации приведет к тому, что западноевропейский путь социального прогресса без Бога станет всемирным, а это может завести в тупик все человечество. Ученый уже не видел для всего человечества иного пути общественного развития, чем западный. Поэтому вся его социальная философия приобретает антипрогрессистский характер и понятие «социальный прогресс» и метафизический идеал пессимистически-аскетического христианства К. Н. Леонтьева, основанного не на любви, а на страхе перед Богом, оказываются полностью несовместимы. Фактически ученый выносит возможное действие религиозного принципа за пределы земной истории.

Другим вариантом осмысления религиозного, метафизического принципа является религиозный имманентизм, связанный не с постижением Бога вне себя, как в первом случае, а с осознанием божественного духа внутри себя (концепции Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого).

Вариантом религиозного имманентизма является и теологическая концепция В. В. Розанова. Как отмечает В. А. Кувакин, для В. В. Розанова, как и для всякого религиозного философа, центральной по значению является идея бога. Но «Бог Розанова – это не бог Спинозы, абсолютного духа Гегеля или абсолютно-сущего Владимира Соловьева. Розановский бог лишен атрибутов духовности, интеллектуальности и абстрактности и предстает как бог «душевного», эмоционального, обыденного и исключительно индивидуального опыта, в которых обрядовость, исполнение рутинных культовых процедур играют роль одного из способов бытия в боге, приобщения к нему. Бытовое православие тяготеет быть синонимом подлинной религиозности, а наличная, некая-то мистическая церковь – ее реальным проявлением» [1, с. 45].

Религиозный принцип как фактор социального прогресса мог проявляться вообще вне

православной религиозной традиции в виде требования новой религии у представителей русской социальной мысли, разработавших секулярные варианты «органической целостности». Так, у западников вера и религия не исключаются вообще, они лишь отодвигаются на второй план, их религия основывается на разуме, тогда как религия славянофилов – на иррациональных началах.

Таким образом, в соответствии с традицией, заложенной еще российской обществоведческой мыслью первой половины XIX века, в исследуемый период не получили распространения идеи о росте материального благосостояния человека как о факторе социального развития. Развитие этого фактора, а также таких качеств в человеке, как прагматизм, расчетливость, утилитаризм, по мнению отечественных мыслителей, разъединяет людей. Напротив, способствует достижению целостности общества рост солидарности, взаимопомощи; равенства исследуются как факторы социального прогресса. Христианство, модернизированное в соответствии с принципами соборности, всеединства, аскетизма, религиозного имманентиз-

ма, либо его секулярный эквивалент исследовались отечественными религиозными мыслителями в качестве фактора социального прогресса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кувакин, В. А. В. В. Розанов: «Моя душа сплетена из грязи, нежности и грусти» / В. А. Кувакин // Вестник МГУ. – 1989. – № 3. – С. 45–46. – (Сер. 7).
2. Лосский, Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский. – М., 1991. – 559 с.
3. Мечников, Л. И. Великие исторические периоды (из кн. «Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ». – Пг., 1924) / Л. И. Мечников // Социология в России XIX – начала XX вв. История социологии. Социологическое образование: сб. текстов / под общ. ред. В. И. Добренкова. – М., 1997. – Вып. 1. – С. 264–275.
4. Новгородцев, П. Н. Об общественном идеале / П. Н. Новгородцев. – М., 1991.
5. Рубакин, Н. А. Среди книг. В 2 т. / Н. А. Рубакин. – М., 1911. – Т. 2. – 1022 с.
6. Сорокин, П. А. Человек. Общество. Цивилизация / П. А. Сорокин. – М., 1992. – 620 с.
7. Ткачев, П. Н. Экономический метод в науке уголовного права / П. Н. Ткачев / Сочинения в 2 т. – М., 1975. – Т. 1.
8. Штомпка, П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка. – М., 2005. – 664 с.

УДК 303.1
ББК С 504

Н. В. Дулина, Н. А. Овчар

ПРИКЛАДНОЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: dulina@vstu.ru; onadine@mail.ru

В статье предпринят анализ термина «социальная технология». Работа раскрывает связь прикладного социологического исследования и социальной технологии.

Ключевые слова: технология, социальная технология, прикладная социология, прикладное социологическое исследование.

N. V. Dulina, N. A. Ovchar

APPLIED SOCIOLOGY RESEARCH AS SOCIAL TECHNOLOGY

Volgograd State Technical University

The article is devoted to analysis of the term «social technology». The authors are discovered of the connections between applied sociology research and social technology.

Keywords: technology, social technology, applied sociology, applied sociology research.

В наш технологизированный век освоение технологии в любой сфере деятельности, ее последовательное применение на практике является важнейшим требованием к специалисту, претендующему на признание его профессионалом.

Технология, в широком понимании, – это система знаний о способах и средствах обработки и качественного преобразования объекта. Как свидетельствует история развития человечества, технология (ее виды, формы и т. д.) развивалась параллельно с развитием самого об-

щества. Напомним, что, согласно концепции технологического детерминизма, этапы социального развития общества соотносятся именно с качественными изменениями в технике и технологии. В рамках данного подхода наиболее типична идея Д. Белла о стадиях развития общества, согласно которой выделяются три этапа в его развитии:

- доиндустриальное общество – «игра против природы» (традиционное производство);
- индустриальное общество – «игра против искусственной природы» (рациональное прогрессирующее производство, организуемое и поэтому порождающее бюрократизм);
- постиндустриальное общество – «игра между личностями» (сотрудничество между членами общества, становящегося «коммунальным»: основная единица принятия социальных решений – коллектив). Она организуется на информационной основе и использовании информации как средства управления обществом [1].

В этой связи интересно обратить внимание на то, что первоначально определение технологии было ориентировано преимущественно на деятельность в производственной сфере, когда объектом технологии выступали природные материалы. Но что важно: создание базирующихся на эмпирическом опыте технологий обработки, например, каменных, бронзовых и железных орудий влекло за собой глубокие социальные последствия (повышение производительности труда, возникновение классов, социального неравенства, развитие науки, искусства). Возникновение машин привело к тесному взаимодействию технологии и науки, которая в условиях научно-технической революции носит опережающий характер, а сама технология превращается в предметное воплощение научных знаний. Всякий раз человечество сталкивалось с тем, что «технические усовершенствования диктовали иную форму развития, а именно такую, которая была связана с полной перестройкой общественного строя» [7, с. 21]. Строго говоря, любая технология нарушает установленный природой порядок вещей, человек с помощью науки подчиняет себе природу, порой забывая, что следовало бы следовать установленному порядку вещей, а не ломать его. Вмешиваясь в природу, мы изменяем и себя.

В постиндустриальную эпоху в современном языке смысловое пространство понятия

«технология» значительно расширилось (никого уже не смутит словосочетанием «интеллектуальные технологии на производстве»), и содержание самого понятия существенно обогатилось за счет включения в объект технологий социальных процессов. О последствиях внедрения таких социальных технологий пока мы можем лишь догадываться, но специалисты отмечают, что «нарастает ощущение исторического перелома, вступления общества в какую-то новую фазу с неясными еще очертаниями и альтернативами» [4, с. 46]. Все чаще исследователи сходятся во мнении, что реальный смысл и сущностные характеристики изменений, происходящих в обществе, – это переход общества в исторически новое состояние как формы проявления развития социального [10, с. 11]. Речь, по сути, идет о социальной эволюции, спровоцированной развитием техники и технологии.

Интересное историческое совпадение, а скорее, закономерность: социология как наука и прикладная социология как технология получения знания об исследуемом объекте появились достаточно поздно – только в XIX веке. Исторически появление социологии приходится на индустриальный этап развития общества, когда общество уже вырабатывало собственные механизмы игры против им же созданной «искусственной природы» и закладывало фундамент для выстраивания социальных технологий, определяя контуры будущей «игры между личностями».

В настоящее время есть все основания полагать, что прикладная социология из просто технологии все более претендует на роль социальной технологии, что более соответствует постиндустриальному этапу в развитии общества. Однако социальная технология – это более серьезное вмешательство в социальный организм и, в свою очередь, выставляющее более высокие требования как к специалисту (высокая квалификация, профессионализм, ответственность и т. д.), так и самому процессу проведения исследования. Значимость данного тезиса можно подтвердить, сославшись на авторитетное мнение П. Штомпки: «Масштабы и глубина социологического знания являются важным фактором формирования судьбы общества» [15, с. 15]. Почему именно социологического знания? Хотя бы потому, что «непостижимая эффективность математики в естественных науках» (тезис, запущенный в научный

оборот нобелевским лауреатом физиком Юджином Вигнером) дает возможность ученым все более точно рассчитывать, например, орбиты и траектории небесных тел, но при этом никак не влияет на сами эти тела и их траектории. Участие в социологическом исследовании заставляет человека задумываться о вещах, на которые он раньше не обращал внимания или просто не придавал им значение. Задавая человеку вопрос, исследователь уже вмешивается в его жизнь, судьбу, изменяет ее, приблизительно так же, как и «подвергая человека психологическим измерениям, мы тем самым уже изменяем само это его настроение» [6, с. 23].

В данной связи целесообразно напомнить о предупреждениях К. Поппера, в концепции которого социальная технология понимается как способ применения теоретических выводов социологии в практических целях [11, с. 345].

К. Поппер различал два вида социальных технологий – частичную (*piecemeal engineering*) и холистскую или утопическую [17,18]. Последняя стремится перепланировать и преобразовать общество в целом за один прием революционным путем, а потому, по мнению К. Поппера, не способна вовремя учесть и предотвратить нежелательные последствия принятых преобразований. Он обосновывал это следующими основными причинами: 1) цели «равенство», «справедливость» – теоретические, абстрактные, нереальные, о которых трудно сформировать мнение; 2) чрезмерная активность в достижении конечных целей способствует их постоянному переформулированию, поэтому они не могут быть сформулированы навечно; 3) процесс реализации конечных целей требует длительного времени, на протяжении которого трудно оставаться фанатично преданными им, ибо людям свойственно менять свое мнение в связи с появлением новых фактов и проблем; 4) попытка создать совершенное общество всегда сопровождается усилением власти и расширением сфер ее влияния, а это угрожает свободе личности. Нет оснований полагать, утверждал К. Поппер, что полная перестройка нашего социального мира незамедлительно приведет к хорошо работающей социальной системе.

Частичная социальная технология, по убеждению ученого, отличается от утопической не столько масштабом целей и дел, сколько трезвостью в постановке целей, пониманием того, что может, а чего не может быть достигнуто

при помощи имеющихся средств. Он допускал в качестве задач частичной социальной технологии, например, совершенствование социальной структуры, предотвращение экономических кризисов и т. п. Частичная социальная технология, полагал К. Поппер, дает возможность учесть возможные отрицательные последствия, отличается осторожностью и постепенностью преобразований, постоянным их контролем, дающим возможность пересмотреть и скорректировать в случае необходимости как заданные цели, так и теоретические принципы, их обосновывающие, вовремя ликвидировать непредвиденные последствия принятых преобразований. Согласно К. Попперу, приверженец поэтапной инженерии будет разрабатывать методы для поиска наиболее тяжелых, нестерпимых социальных бед, чтобы бороться с ними, а не искать величайшее социальное благо, стремясь воплотить его в жизнь. Такой метод частичных социальных технологий применяется в открытом обществе. Следует заметить, что разработанная ученым методология пошаговой социальной инженерии (в противовес социальному проектированию) широко использовалась в теории и практике социал-ре-формистских организаций европейских стран во второй половине XX века [12, с. 233].

Быть может, именно сложность и острота, высокая ответственность за явные и латентные последствия внедрения социальных технологий сказалось на темпах их вхождения в практику. Так, если в сфере материального производства понятие «технология» утвердилось прочно, а ее многовековые традиции уже давно не вызывают сомнений со стороны как теоретиков, так и практиков, то термин «социальная технология», несмотря на уже имеющуюся собственную историю, прокладывает свою дорогу с большим трудом. Еще в середине 70-х годов прошлого века подвергалась сомнению сама возможность технологизации в социальной сфере. Хотя, справедливости ради, следует заметить, что приоритет в разработке вопросов социальной инженерии и технологии принадлежит российским ученым, а именно коллективу Центрального института труда (ЦИТ), созданного при ВЦСПС в 1920 году А. К. Гастевым [13, с. 213–218;16]. Интенсивная научная разработка проблем, связанных с социальными технологиями, началась со второй половины 70-х гг. XX века и продолжается по настоящее время.

Не вдаваясь в теорию вопроса, заметим лишь, что анализ научных публикаций и словарных статей свидетельствует, что однозначно признанного определения термина «социальная технология» нет и по сей день, что лишний раз свидетельствует о сложности самого феномена и разнообразии подходов к определению его сущности. Вырисовываются разные подходы в определении сущности социальных технологий, более подробно с которыми можно ознакомиться в научной литературе (см., напр., [3, 5, 8, 9, 14] и др.).

В рамках рассуждений важно было обратить внимание на приведенное выше понимание социальной технологии К. Поппером и следующее определение. В словаре «Современная западная социология» социальная технология по аналогии с технологией промышленной определяется как «совокупность приемов, методов и воздействий, применяемых для достижения поставленных целей в процессе социального планирования и развития, решения рода социальных проблем..., базируется на эмпирическом опыте и теоретических закономерностях, открытых социальными науками» [11, с. 345].

Специалистами в области социальных технологий выработаны необходимые условия технологизации практической деятельности в социальной сфере:

– объект воздействия должен обладать определенной степенью сложности, то есть иметь признаки социальной системы;

– должны быть выделены элементы объекта социального воздействия, особенности его строения (структура) и функционирования;

– возможность формализации реально происходящих процессов и представления их в виде определенных операций, процедур, показателей;

– возможность воспроизводства и повторяемость операций, процедур или показателей в новых условиях [14, с. 9].

Каждый, кто знаком с практикой прикладных социологических исследований, сразу же обнаружит сходство понятий и подходов. В любом учебнике по социологии можно прочесть, что «в самом общем виде социологическое исследование можно определить как систему логически последовательных методологических, методических и организационно-технических процедур, связанных единой целью: получить достоверные данные об изучаемом явлении или

процессе для использования этих данных в практике социального управления» [2, с. 12]. Исходя из данного определения, можно заключить, что уже сама прикладная социология подразделяется на при подуровня: методологический, методический и процедурный. Именно процедурная часть представляет собой совокупность всех мероприятий, необходимых для реализации всей технологии социологического исследования.

В заключение можно заметить, что социальная технология – это социологическая категория, обозначающая и характеризующая способ целенаправленного решения общественной проблемы в виде определенного набора процедур и операций как средства практического достижения поставленных целей. А если более широко, то это система знаний об оптимальных способах преобразования и регулирования социальных отношений и процессов в жизнедеятельности людей, а также сама практика алгоритмического применения оптимальных способов преобразования и регулирования социальных отношений и процессов. Но что важно: социологическое исследование не дает рецептов и прогнозов, решения по результатам, полученным в ходе этих исследований, принимают люди, наделенные властью и, как хочется верить, готовые принять на себя ответственность за принятые решения.

И вновь встает вопрос о профессионализме. По мнению П. Штомпки, задача социологии «не в том, чтобы рассказать, что было или происходило, куда и как движется современный мир, а скорее в том, чтобы смоделировать зеркало, в котором... можно более отчетливо увидеть самого себя» [15, с. 10]. А вот смотреть в это зеркало не очень-то хочется. Жизнь нас все время к чему-то призывает, требует что-то сделать, а мы от нее постоянно уваливаем... Но, «жизнь, как женщина, не прощает уваливания». Все, что происходит в России, в Москве, и все, что нам не нравится, происходит ровно по этой причине.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Асадемия, 1999. – 783 с.
2. Горшков, М. К. Прикладная социология: учебное пособие для вузов / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги. – М., 2003. – 312 с.
3. Дикарева, А. А. Социология труда / А. А. Дикарева, М. И. Мирская. – М.: Высшая школа, 1989. – 304 с.

4. Дилигенский, Г. Г. Конец истории или смена цивилизаций / Г. Г. Дилигенский // Вопросы философии. – 1991. – № 4.
5. Иванов, В. Н. Социальные технологии в современном мире / В. Н. Иванов. – М.: Славянский диалог, 1996. – 335 с.
6. Качанов, Ю. Л. Опыты о поле политики / Ю. Л. Качанов. – М.: Институт экспериментальной социологии, 1994. – 159 с.
7. Лили, С. Люди, машины, история. История орудий труда и машин в ее связи с общественным прогрессом / С. Лили; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1970. – 431 с.
8. Марксистско-ленинская социология / под ред. Г. В. Осипова, В. Н. Иванова. – М.: Наука, 1988. – 263 с.
9. Гладышев, А. Г. Муниципальная наука: теория, методология, практика / А. Г. Гладышев, В. Н. Иванов, В. И. Патрушев и др.; под общ. ред. В. Н. Иванова / Акад. наук социальных технологий и мест. самоуправления. – М.: Муниципальный мир, 2003. – 288 с.
10. Сайко, Э. В. Переход в социальной эволюции и роль города в ее историческом выполнении / Э. В. Сайко // Город в процессах исторических переходов. – М.: Наука, 2001. – С. 10–70.
11. Современная западная социология: словарь. – М.: Политиздат, 1990. – 432 с.
12. Социологическая энциклопедия: В 2 т. / Национальный общественно-научный фонд / руководитель научного проекта Г. Ю. Семигин; гл. редактор В. Н. Иванов. – М.: Мысль, 2003. – Т. 2. – 863 с.
13. Социология в России / под ред. В. А. Ядова. – 2-е изд., перераб. и дополн. – М.: Издательство Института социологии РАН, 1988. – 696 с.
14. Технология социальной работы / под ред. И. Г. Зайнышева. – М.: Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 2002. – 240 с.
15. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка; пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
16. Щербина, В. В. Социальные теории организации: словарь / В. В. Щербина. – М.: ИНФА-М, 2000. – 264 с.
17. Popper, K. Open society and its enemies / K. Popper. – L., 1942. – V. 1–2.
18. Popper, R. The poverty of historicism / K. Popper. – L., 1967.

ББК Ф 033.141.2

И. Г. Селезнева

СТАБИЛЬНОСТЬ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: ВЗАИМОСВЯЗЬ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: irinaselezneva@bk.ru

В статье проанализировано понятие «стабильность», описаны основные факторы, влияющие на процесс стабилизации. Раскрыты некоторые особенности государственной политики российской власти, а также выделены проблемы и определены перспективы политического регулирования в России.

Ключевые слова: государственная политика, политическая власть, политические реформы, стабильность.

I. G. Seleznyova

STABILITY AND PUBLIC POLICY IN RUSSIA: THE RELATIONSHIP, PROBLEMS AND PROSPECTS

Volgograd State Technical University

The article analyzes the concept of “stability”, describes the main factors influencing the process of stabilization. Were opened some features of public policy of Russian government, and also were highlighted the problems and perspectives of political regulation in Russia.

Keywords: public policy, political government, political reforms, stability.

Роль стабильного состояния общества в судьбах народов и государств издавна привлекала внимание ученых, правителей. Люди всегда стремились к спокойному политическому, социально-экономическому и духовному развитию без ущемления чьих-либо интересов, поэтому каждая новая парадигма отражала меняющееся содержание стабильности и то, какими способами она достигается.

Необходимо отметить, что все социально-политические системы жестко ограничены в своем развитии эволюционными закономерностями. Устойчиво функционирующее общество

может двигаться только вверх. Оно лишено возможности спускаться вниз или оставаться долго на одном месте. Стабильность общества предполагает известную гармонию в отношениях между властью и обществом, отсутствие всевозможных конфликтов, поступательное развитие экономики, уверенность людей в завтрашнем дне и т. д. Стабильность общества не означает консервации раз и навсегда установленных порядков и образа жизни. Общество может успешно развиваться, своевременно заменяя устаревшие формы политического, экономического и социального развития новыми,

отвечающими изменившимся общественным потребностям переменам во внутреннем и внешнем положении страны. Но возникающие внутренние и внешние воздействия на общественные отношения могут превысить некоторые критические значения и тогда в обществе возникает ситуация неустойчивости, а значит нестабильности, при которой требуются экстраординарные действия для сохранения общества от разрушения.

Учитывая вышеизложенное, можно утверждать, что понятие «стабильность» отражает состояние динамично и гармонично развивающегося, жизнеспособного общества, которое обладает адаптивными способностями, развитой политической системой, структурно-элементной организацией и определенной степенью устойчивости. Подобное общество конструктивно реализует интересы и потребности людей и эффективно использует их творческую активность. Стабильность предполагает преодоление отчуждения между властью и народом, замену бюрократического государства на правовое, наличие среднего класса, развитой партийной системы, действующей конструктивной оппозиции и зрелого гражданского общества.

Для того, чтобы общество развивалось и функционировало стабильно, в наличии должны быть многочисленные стабилизирующие факторы, которые включают в себя прогрессивные методы управления обществом, эффективную внешнюю политику, власть, пользующуюся авторитетом у народа, высокую развитую экономику и т. д. В современной цивилизации одной из характеристик стабильных общественных отношений все чаще называют признание в обществе за любым человеком права на достойную жизнь. Соблюдение этого неотъемлемого права включает в себя вопрос о том, как надо распределить национальный доход, чтобы достичь равенства и социальной справедливости в обществе. Ответ на этот вопрос имеет долгую и противоречивую историю как в экономической науке, философии, так и в политологии. Сторонники одной из крайних позиций доказывают, что большее равенство является основной предпосылкой выживания капитализма. Приверженцы противоположной точки зрения предупреждают, что стремление к равенству подрвет систему и приведет ее к гибели. Одни страны видят достижение социальной справедливости в установлении принципа

равенства политических прав. Например, США гарантируют своим гражданам право голоса, свободу слова и совести, а также другие конституционные права. В других странах весьма популярна идея достижения равенства среди всех социальных групп посредством предоставления им равных экономических и социальных возможностей.

Таким образом, как слишком глубокое неравенство подрывает стабильность общества, так и нивелировка доходов подрывает эффективность, а также стимулы к труду и предпринимательству. За большее равенство нередко приходится платить снижением эффективности, поэтому равенство для всех может быть гарантировано только законом в политической жизни, а в распределении благ его быть не может, так как это означало бы присвоение доли тех, кто приложил больше сил, воли, умения. Значит, для стабилизации социально-политических отношений в политической сфере должен реализовываться не принцип равенства, а принцип социальной справедливости.

Сейчас наукой доказано, что исходным пунктом стабильного функционирования политической и социально-экономической системы являются материальные потребности и нужды человека. Удовлетворение их, воспроизводство физической жизнеспособности общества представляет собой конечный пункт функционирования этих систем. При низком уровне развития производства и других сфер общества, при неуправляемой имущественной поляризации, когда возникают социально-политические конфликты, осуществление принципа социальной справедливости становится весьма проблематичным. И если неравенство способствует динамизму в развитии общества, а его возросшие масштабы, угрожающие стабильному развитию общества и ведущие к понижению эффективности, можно сократить с помощью увеличения числа собственников, то социальная несправедливость, если она не устраняется, способна вызвать массовые возмущения и в итоге породить социально-политический взрыв. Поэтому одним из методов достижения принципа социальной справедливости является проводимая эффективная государственная политика. Она является регулятором отношений между классами, нациями, государствами по поводу достижения справедливости и выражает самые долгосрочные, коренные интересы людей, является фактической судьбой человечества. Роль ее за-

ключается в том, чтобы создать такие схемы интеракции в обществе, благодаря которым можно добиться осуществления социальной справедливости, что будет способствовать достижению обществом стабильного развития.

Исследователи политической сферы общества неоднократно пытались сформулировать более или менее строгую классификацию моделей государственной политики. То, что представляется для рассмотрения в качестве моделей – некий теоретический образ, в той или иной мере подходящий к реальной социально-политической ситуации определенной страны. Это обусловлено прежде всего изменяющимися экономическими условиями, что приводит к изменению подходов к решению политических проблем. В этом смысле описаний и видов государственной политики столько же, сколько и стран мира.

Но какой бы ни была конкретная модель государственной политики, ее задача всегда состоит в том, чтобы обеспечить политическую устойчивость, стабильность, динамизм государственного развития. Как и в любой другой области общественного регулирования, в государственной политике проявляются столкновения и компромиссы между социальными классами и слоями. В ее содержании отражается маневрирование стоящих у власти политических сил, которые ради достижения своих целей поддерживают баланс между желаемым и возможным.

Проблема места и роли эффективной государственной политики в обеспечении стабильности общества с исключительной остротой встала в России после распада СССР. Впервые в истории развития человеческой цивилизации происходил переход от общества, базирующегося на общественной собственности и плановой экономике, к частной собственности и рынку. Сложность этой проблемы состояла и состоит в том, что Россия одновременно столкнулась с переходом к постиндустриальному этапу развития. На взгляд автора, совмещение этих двух парадигм породило специфические особенности, в связи с чем исход системных реформ в России остается неясным как для самих реформаторов, так и для сторонних аналитиков. Преобразование в России общественного устройства коренным образом отличается от эволюционного процесса, происходящего на Западе. Известный ученый Ф. Фукуяма, в частности, замечает: «Одной из основных проблем

Польши, Венгрии, России, Украины и других бывших коммунистических стран является то, что они попытались создать демократические политические институты, не обладая преимуществами функционирующей капиталистической экономики. Отсутствие частного предпринимательства, рынка и конкуренции не только приводит к углублению бедности, но и препятствует формированию крайне необходимых форм общественной поддержки для надлежащего функционирования демократических институтов» [1]. Как отмечает Н. Смелзер: «Эволюция в России в следующие десятилетия заставит нас пересмотреть нынешние теории развития» [2]. Многие исследователи современности, например, Ш. Эйзентштадт, Б. Витрок и другие, развивают концепцию «множественных современностей», в которой доказывают существование многих сценариев движения к современному обществу, отличающихся от западного сценария.

Можно с уверенностью сказать, что в государственной политике России больше проблем, нежели каких-либо достижений. Результаты горбачевской перестройки, ельцинских реформ оказались неутешительными. Положение большинства россиян стало хуже, чем было при социализме. Произошел развал и крах великой державы, восстановить которую в современных условиях экономического, политического кризиса и идеологического безвременья уже невозможно. Стремясь к быстрому осуществлению множества различных реформ и собственной наживе, правящие круги в российской элите не желали учитывать тот факт, что эффективная государственная политика является приоритетным направлением внутренней деятельности государства и залогом стабильного развития страны.

Новый период трансформации, начавшийся в 2000 году, отличается тем, что реализуются попытки устранить противостояние элит и институциональные дисфункции посредством построения вертикали власти и управляемой демократии. Этими методами власть хочет вернуть потерянную в годы перестройки и либеральных реформ стабильность. Экономический рост, пришедший на смену глобальному спаду в экономике 1990-х годов, в совокупности с артикулированными властями стремлением к стабильности создали у некоторой части населения и экспертов ощущение, что страна, наконец, преодолевает кризисное состояние. Вместе

с тем цели и содержание происходящих политико-экономических изменений до сих пор недостаточно прояснены.

Центральными показателями общепринятой в мире системы стабильности, разработанной ведущими международными организациями: ООН (система интегрированных экологических и экономических счетов – Integrated Environmental and Economic Accounting), Всемирный банк, ОЭСР, Европейское Сообщество (проекты GARP1, GARP2, TERI и др.) [3], выступают ВВП и ВВП, а также душевой ВВП (душевой ВВП). Поэтому для достижения стабильного развития страны одним из главных направлений своей политики В. В. Путин обозначил борьбу с бедностью, выполнение которого он связывает с удвоением ВВП к 2010 году. В настоящее время можно констатировать тот факт, что достигнуть поставленной цели политической власти не удалось. Несмотря на то, что сокращение бедности в настоящий момент является важной задачей, по мнению автора, жесткий акцент на ней делать нельзя, так как в определенной мере это дезориентирует в отношении главного направления эффективной государственной политики – обеспечения роста благосостояния граждан. Уменьшить количество бедных можно просто на основе увеличения пособий и компенсаций, что, разумеется, необходимо делать и делается руководством страны. Но главное заключается в расширении занятости и повышении доходов работающего населения, в усилении на этой основе стимулов роста производительности труда и производства в целом. Во-первых современная экономика требует сложной рабочей силы, высококвалифицированных работников, а их труд – достойной оплаты. Во-вторых, доходы населения формируют платежеспособный спрос, а последний – главный двигатель роста в рыночной экономике. Лишь достойная заработная плата граждан позволит безболезненно провести реформы ЖКХ, образования, здравоохранения. При этом ориентиром должен служить не уровень заработной платы 1990 г., а научно-обоснованная величина, достаточная для обеспечения уровня жизни, соизмеримого со среднеевропейскими стандартами.

В настоящее время у государственной власти есть понимание того, что необходимо кардинально менять взгляд на государственную политику. Чтобы стабилизировать обстановку в стране, следует решительно предпринимать действительные шаги в решении социальных проблем населения, которое всю ответственность за проведенные реформы возлагает пре-

жде всего на властные структуры. Стабильность, и как следствие, предсказуемость политики государства – то, без чего невозможно развитие общества. Она представляет собой одну из наиболее значимых целей и ценностей как властвующего режима, так и социума в целом. Ведь стабильность – это состояние интеракций и отношений, которое дает возможность властям не только воспроизводить свои лидирующие позиции, сохраняя должную легитимность и повышая управляемость социальными процессами, но также обеспечивать положение дел, при котором рядовые граждане имеют возможность широко пользоваться позитивными последствиями государственного порядка. По данным Фонда общественного мнения (ФОМ) на вопрос: «Что вы понимаете под стабильностью – нормальную, размеренную жизнь или застой?» подавляющее большинство опрошенных (76 %) ответило, что согласно с первым утверждением. Для 13 % респондентов слово «стабильность» носит негативную окраску и ассоциируется со стагнацией и отсутствием развития [4].

Позитивные факторы развития страны пока не стали устойчивыми, не придали российской политической, экономической и социальной системе качества стабильности и предсказуемости. Сейчас еще рано говорить о наличии стройной непротиворечивой государственной политики государства, тем не менее уже можно заметить, что все большее признание в обществе получает необходимость глубокого реформирования политической сферы, о чем неоднократно говорил Президент Д. Медведев. Можно сейчас говорить о том, что современной политической властью в стране предприняты некоторые действия в этом направлении, но пока существенных результатов они не принесли. Жизненной необходимостью является коренное изменение политического курса, перестройка в интересах народа внутренней и внешней политики, создание новой нравственной атмосферы, что будет способствовать стабильному развитию государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Фукуяма, Ф. Доверие. Социальные добродетели и сознание благосостояния / Ф. Фукуяма // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М.: Academia, 1999. – С. 155.
2. Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер. – М.: Феникс, 1994. – С. 12–13.
3. Бобылев С. Россия на пути антиустойчивого развития? / С. Бобылев // Вопросы экономики. – 2004. – № 2. – С. 44.
4. Профиль. – 2003. – № 11. – 17 марта. – С. 4.

УДК 316.772
ББК 60.5

В. З. Шурбе

ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ: ЦЕЛИ ОДНИ, А ЗАДАЧИ РАЗНЫЕ?

Новосибирский государственный технический университет (НГТУ)

E-mail: shurbe@ngs.ru

В статье представлены и проанализированы мнения респондентов различного возраста по вопросам сохранения и развития общества, опыта старшего поколения, готовности молодежи к усвоению исторического опыта.

Ключевые слова: диалог поколений; сохранение и развитие общества; опыт старшего поколения; готовность молодежи к усвоению исторического опыта.

V. Z. Shurbe

THE DIALOGUE OF GENERATIONS: AIMS ARE THE SAME BUT TASKS ARE DIFFERENT?

Novosibirsk State Technical University

The are presented and analyzed opinions of the respondents of various ages about the role of generations in preservation and development of society and readiness of the youth to learn the experience of the aged in this article.

Keywords: dialogue of generations; preservation and development of society; the readiness of youth to learn the historical experience.

В современной социологии поколений представлены различные подходы. Многообразие социального мира, фрагментарность марксосоциума как объективная данность порождают многообразие научных направлений [6, с. 13, 20].

В межпоколенной проблематике и прежде всего эмпирических исследованиях особо актуальной остается конфликтная парадигма. Многие исследователи считают, что в связи с увеличением продолжительности жизни населения и снижением репродуктивной активности молодежи растет напряжение и уровень конфликтности в отношениях различных поколений и внутри каждого поколения. В. В. Семенова, описывая «поле социологии поколений», отмечает, что одним из наиболее актуальных вопросов является «вопрос о неравенстве возможностей в социальных отношениях как между поколениями, так и внутри поколений, которое может вести к конфликтам и столкновениям».

Активное применение в исследовании межпоколенной проблематики получили коммуникативный и коммуникативно-дискурсивный подходы. Коммуникативный подход предусматривает рассмотрение внутр поколенческих коммуникативных связей как основы формирования поколенного единства – различных форм участия в коллективной судьбе поколения [5, с. 41]. Коммуникативно-дискурсивный подход позволяет выявлять «языковую тематизацию разных поколений как полифоническую организацию временной перспективы» [5, с. 103].

Таким образом, сосуществование и взаимодополнение различных подходов в социологии поколений позволяют рассматривать диалог поколений как теоретико-эмпирический прием анализа межпоколенных взаимосвязей. Социальный диалог как свободный обмен мнениями, разговор индивидов, образующих различные группы, опосредует их связи, проявляется в повседневных взаимодействиях и фиксируется в ценностных ориентациях, представлениях, в общей направленности деятельности. Диалог выступает одним из способов сказать другим и быть услышанным другими, выявить согласие и разногласие между различными социальными группами, вызов и примирение, понимание и непонимание, солидарность и конфронтацию и многое другое. В диалоге встречаются культуры прошлого, настоящего и будущего. По мнению многих исследователей, доминантой диалога культур, является взаимопонимание. М. М. Бахтин писал: «Чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, вещи, с ними можно только диалогически общаться» [1, с. 289–290].

Одним из актуальных для изучения и социальной практики как по содержанию, так и по форме является межпоколенный диалог. Опираясь на ряд положений Н. Лумана, в которых он характеризует роль коммуникации в социальных системах, можно сказать, что ценность диалога заключается в том, что он концентрирует в себе общественное мнение и является

«результатом коммуникации, представляемым для последующей коммуникации» [4, с. 167]. В ситуации утраты возможности вести наблюдение за повседневным поведением представителей различных поколений в традиционных и привычных формах повседневных практик в семье, в коллективном (общинном) взаимодействии возникает потребность быть взаимно услышанными.

Одним из приемов услышать диалог является выявление, сопоставление и озвучивание мнений представителей различных социальных групп, полученных в результате применения различных социологических методов сбора и анализа данных. В статье использованы результаты анкетного опроса, проведенного по стандартной методике в конце 2007 г., в котором приняли участие молодые люди в возрасте от 16 до 30 лет (респонденты были разделены на две возрастные группы: первая – от 16 до 23 лет, вторая – от 24 до 30 лет (репрезентативная выборка составила 1654 чел.)). Мнения представителей старшего поколения были получены в ходе разведывательного исследования, проведенного в 2008 г. (N=131). В настоящее время ведется проверка гипотез, согласно одной из которых не выявлены принципиальные различия в ценностных ориентациях старшего и младшего поколения и в оценках исторического опыта поколений. В статье приводятся процентные доли от числа ответивших на вопросы.

Межпоколенный диалог представлен мнениями молодых людей и старшего поколения по сопоставимым по содержанию вопросам.

В ответе на вопрос: «Общие или разные задачи в обществе у молодежи и старшего поколения?», общность целей и задач отметили 49 % молодых людей. Почти треть всех респондентов (28 %) не приняла общность целей и задач со старшим поколением. Пятая часть респондентов (21 %) не задумывалась над таким вопросом. При этом почти 60 % молодых людей считают, что в нашем обществе существует конфликт поколений. Пятая часть отрицает такой конфликт и почти четверть не задумывалась над этим вопросом.

Представители старшего поколения отметили, что произошел распад межпоколенных связей. Полностью согласны с этим утверждением 41 % респондентов, частично согласны 40 %; не согласны и затруднились с ответом почти 17 % респондентов. Старшее поколение отмечает возрастающую дифференциацию вну-

три молодого поколения. Более 80 % отмечает, что восемнадцатилетние и двадцати-тридцатилетние – разные по своим установкам и убеждениям.

Но действительно ли дифференциация внутри одного поколения свидетельствует о разрыве и конфликте поколений? Можно сделать несколько предположений. Первое – признать усиление разрыва и конфликта. Второе – предположить, что стремительное технологическое развитие мира, убыстряющиеся трансформации в общественной жизни, усиление индивидуализации жизни объективируют не разрыв, противоречие и конфликт, а различия интересов, взглядов, стилей, форм повседневности, которые неизбежно порождаются многообразием социального мира. Деятельностно-активистский подход обосновывает неизбежность различий в объеме социального капитала или социального ресурса общественных групп. Третье – молодые люди становятся взрослыми раньше, чем предписывается нормативными документами, которые нередко противоречивы в определении социального статуса и роли молодежи. Второе и третье предположения могут выступать определенным основанием для установления диалога.

Отвечая на вопросы: «Какие поколения играют главную роль в сохранении...» и «...в развитии Российского общества?» (можно было выбрать несколько вариантов ответов), большинство молодых респондентов ответили главную роль в сохранении общества поколениям 25–30, 31–35 и 36–40 лет (соответственно по 37, 36 и 37 %). Поколения 18–24-летних и 41–45-летних получили соответственно по 23 и 24 %. (В анкете использован пятилетний интервал при формулировании вариантов ответов). Из опроса видно, что молодые люди готовы сохранять свое общество наравне со всеми другими поколениями. Эти ответы можно рассматривать как личностную, групповую и социальную позицию. Они являются показателем ответственного отношения молодых людей к своему народу и обществу в целом. Данные ответы показывают также осознание роли и необходимости вклада различных возрастных групп в процессы сохранения и развития общества.

Мнения молодых людей по поводу того, какие поколения играют главную роль в развитии российского общества, более дифференцированы, чем мнения по предыдущему вопросу. Главную роль респонденты ответили поколению 24–30 лет (45 %), на втором месте – 31–35 лет

(39 %). Ближайшие к ним поколения 18–24 лет и 36–40 лет набрали 31 и 32 % соответственно. Поколению 46–55 лет отдали свои голоса 7 % респондентов в возрасте 18–24 года и 9 % – 25–30 лет.

Примечательным является факт, что в развитии общества респонденты нашли место и 14–17-летним. Одиннадцать процентов респондентов в возрасте 16–23 лет и восемь процентов респондентов 24–30 лет считают, что 14–17-летние могут внести свой достойный вклад в развитие общества.

Представители старшей возрастной группы (46–55 лет и старше 56) получили суммарно только 23 % (соответственно 17 и 6 %) голосов молодых респондентов в сохранении общества. В развитии общества этой возрастной группе отдали 2 % наиболее молодых и 3 % более старших (24–30 лет) представителей молодежи.

Можно предположить, что роль этих групп оценивается недостаточно высоко, прежде всего потому, что молодые люди осознают, что эти возрастные группы уже внесли свой достойный вклад в сохранение и развитие общества и теперь могут выполнять иные социальные функции (об оценке опыта старшего поколения будет сказано чуть ниже).

Приведенные выше данные свидетельствуют: а) о готовности 16–30-летних к ответственной позиции и партнерству как внутри возрастной группы, так и с более старшей; б) целостности этой социально-возрастной группы в решении социетальных вопросов; в) необходимости пересмотра возрастной классификации молодежи, отнесении молодых людей в возрасте 25 и старше к взрослому поколению; г) пересмотру роли 14–17-летних в обществе и отношения к ним не только как к ученикам. Вопрос иных социальных функций старших возрастных групп в данной статье не рассматривается.

Все три вывода адресуют к необходимости формулирования ответа на вопросы: молодежь – это кто? Если молодежь готова принимать на себя столь серьезную ответственную роль – сохранять и развивать общество, то верно ли определены направления молодежной и социальной политики?

Хотелось бы акцентировать внимание и на том, что неоднозначность толкования возраста молодежи снижает положительное отношение к молодежной политике со стороны молодежи и других возрастных групп, эффективность мо-

лодежной политики в отношении ее результатов [2, 3].

Высокая оценка роли старших поколений отражена в следующих ответах молодых респондентов. Молодежь хотела бы усвоить опыт старшего поколения полностью (39 %) и частично (52 %). В большей степени полностью хотели бы усвоить этот опыт молодые люди в возрасте от 18 до 23 лет – 42 %, в то время как среди 24–30-летних только 36 %. Отказываются от опыта старшего поколения только 7 % респондентов.

Желание усвоить опыт старшего поколения опрошенная молодежь подтвердила высокими оценками. Так, на «отлично» опыт старшего поколения оценили 27 % респондентов, на «хорошо» – 40 %, на «удовлетворительно» – 17 %. Четверть респондентов (25 %) полностью согласны с утверждением, что «деды являются для них образцом», половина опрошенной молодежи (49 %) признают, что этот опыт частично может быть образцом для поколения молодых. И только 9 % отрицательно оценили опыт старшего поколения.

Респонденты старшего поколения так оценили свой опыт. Почти треть респондентов (28 %) сочли, что «старшие и средние поколения накопили полезный опыт обновления мира и общества». Более 50 % респондентов отчасти согласны с тем, что этот опыт полезен. Как видно, в полезности опыта молодое и старшее поколения практически единодушны. Те, кто не согласен либо затруднились с ответом, составили 15 %. Ответы показали, что старшее поколение считает молодое более критичным по отношению к их опыту. Только 10 % респондентов предположили, что молодое поколение историческому опыту старшего поколения поставит «отлично», 26 % предположили, что оценка будет «хорошо», 42 % предположили, что опыт будет оценен на «удовлетворительно», 13 % затруднились с ответом, а остальные поставили неудовлетворительную оценку.

Только 9 % респондентов старшего поколения считают, что молодежь готова собирать и усваивать этот опыт полностью (у молодых этот ответ составил 39 %). Более половины (58 %) предполагают, что молодежь готова усваивать этот опыт частично (у молодых респондентов этот ответ составил 52 %). Следует отметить, что более одной пятой части респондентов старшей возрастной группы считает, что молодежь не будет усваивать опыт (у молодых респондентов этот ответ составил 7 %).

Диалог о значимости опыта старшего поколения находит свое продолжение в ответах каждой возрастной группы респондентов на вопрос: «Чтобы молодежь жила хорошо, чему старшие должны ее научить?». Первые три места с минимальным разрывом занимают следующие ответы молодых людей: строить отношения (51 %), воспитывать детей (50 %), уметь зарабатывать деньги (48 %). Четвертое и пятое места отданы умению любить Отчизну (43 %) и защищать Родину, свой народ (41 %). На шестом месте все категории молодежи указали умение управлять страной (28 %). С заметным отрывом делят седьмое место умения возделывать землю и наслаждаться жизнью, ни в чем себе не отказывая (по 16 %). Эти позиции имеют значительные отличия по возрастным группам молодежи. Наслаждаться жизнью предпочитают более молодые респонденты (19 %). Среди более старшей группы молодых людей этот ответ дали 10 % респондентов. Умение возделывать землю выбирает четверть (25 %) 24–30-летних и 12 % молодых людей в возрасте 16–23 лет.

На этот же вопрос представители старшего поколения дали следующие ответы. Три четверти респондентов (76 %) считают, что необходимо научить молодежь строить отношения, по 59 % – любить страну и воспитывать детей; 57 % считает важным уметь зарабатывать деньги, 47 % – защищать Родину, свой народ и 40 % – управлять страной. Умение возделывать землю 28 % респондентов считают необходимым для молодых людей. И лишь 4 % респондентов считают, что молодежь должна уметь наслаждаться жизнью и ни в чем себе не отказывать.

Приведенные ответы двух поколений показывают, что, несмотря на то, что процентные значения несколько выше у респондентов, характеризующие мнения старшей возрастной группы, ранговые значения выбранных ответов у обеих групп одинаковые. Обе возрастные группы отметили, что самые важные умения, которым должны научить старшие – умения строить отношения и воспитывать детей. Таким образом, несмотря на то, что представители обеих возрастных групп говорят о наличии конфликта поколений, принципиальных различий в оценке исторического опыта не выявлено. Обе группы респондентов также достаточно близки в лексическом конструировании проблем социальных взаимодействий, в том числе и межпоколенных. Ответы респондентов под-

твердили, что поколения и общество в целом нуждаются в диалоге и, главным образом, в его озвучивании.

Ценность диалога заключается не только в обмене мнениями (знать другое мнение), но и в возможности быть услышанными и в результате этого сформировать, внести коррективы в отношения и взаимодействия. Как видно из исследования, молодое поколение высоко оценивает опыт старшего поколения, считает его образцом, нуждается в его освоении. Можно предположить, что критичность молодежи по отношению к их опыту старшее поколение соотносит со своим критическим переосмыслением этого опыта.

Одна из ключевых тем межпоколенного диалога – поиск возможности преодолеть разрыв интересов поколений в современных условиях. Подавляющее большинство молодых людей (76 %) хотело бы изменить мир к лучшему. Несмотря на то, что они готовы нести ответственность за сохранение и развитие общества, они осознают необходимость помощи им в этом столь важном деле. Большая часть молодых людей (61 %) ответила, что молодежи нужна помощь в осознании своей исторической ответственности за будущее России и 27 % затруднились дать ответ на этот вопрос. Лишь 7 % респондентов отказываются от помощи. Более 60 % молодых респондентов считают, что молодежь и старшее поколение могут быть партнерами в решении молодежных проблем.

Представители старшего поколения ответили, что отношения между поколениями основаны на соблюдении лучших и формировании новых традиций, не противоречащих, но совершенствующих старые (65 %), а также на общении со старшим поколением (32 %).

Таким образом, анализ ответов респондентов показывает, что поколения ведут диалог. Он имеет латентную форму. Но и молодое и старшее поколения испытывают в нем потребность. Они осознают, что умения «строить отношения, воспитывать детей, любить Родину, уметь зарабатывать деньги» (именно зарабатывать), являются базовыми, потому что дают ключ к взаимопониманию, взаимодействию и взаимосвязи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бахтин, М. Эстетика словесного творчества / М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1979.
2. Вершинина, Н. Н. Инновационный потенциал молодежи (на примере Новосибирской области) / Н. Н. Вер-

шинина, Л. П. Кукса, С. А. Михеев, В. З. Шурбе // Альбом социологической информации: Отчет по результатам первого этапа социологического исследования по заказу Управления по делам молодежи Новосибирской области / руководитель НИР В. З. Шурбе. – Новосибирск: ООО «Граунд», 2007. – 414 с.

3. Горшков, М. К. Молодежь России: социологический портрет / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 с.

4. Луман, Н. Введение в системную теорию / Н. Луман; пер. с нем. К. Тимофеева, под ред. Д. Беккера. – М.: Издательство «Логос», 2007. – 360 с.

5. Семенова, В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность / В. В. Семенова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 271 с.

6. Ядов, В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций для студентов магистратуры по социологии / В. А. Ядов. – 2-е изд., исправл. и дополн. – СПб: Интерсоцис, 2009. – 138 с.

УДК 37.03.(470.22.)

ББК 74.03.(2Р-6 кар.)

С. Н. Филимончик

УЧИТЕЛЬСТВО КАРЕЛИИ В 1920–30-е гг.

Петрозаводский государственный университет

E-mail: syrsa@yandex.ru

В статье дается социально-демографическая характеристика учителей Карелии в 1920–30-е гг., проанализированы пути подготовки и уровень их профессиональной квалификации. Особое внимание уделено реформе школы в послереволюционное время. Автор характеризует изменения в политике власти, направленные на повышение профессионального уровня учителей и вовлечение их в работу по пропаганде партийных и государственных решений.

Ключевые слова: школа, учитель, образование, идеология, уровень жизни.

S. N. Filimontchik

TEACHING IN KARELIA IN 1920–30S

Petrozavodsk State University

In the article the social-demographic characteristics of teaching in Karelia in 1920s-1930s are given; the ways of teachers' training and the level of their professional qualification are analyzed. Special attention is given to the school reform in post-revolutionary period. The author characterizes the changes in the politics of authorities aimed at the escalation of professional level of teachers and their involvement into the propaganda of decisions of the party and the authorities.

Keywords: school, teacher, education, ideology, living standards.

Важнейшим направлением российской модернизации в сфере культуры в XX в. явилось развитие дифференцированной системы светского образования, вследствие чего стала более мобильной социальная структура общества, сформировалась новая культурологическая парадигма, акцентирующая внимание на самореализации личности. Проводником новаций в общественной и интеллектуальной жизни в центре и в регионах России выступала школа. Изучая историю образования в Карелии в послереволюционный период, А. И. Афанасьева, Г. Е. Власьев, Н. Г. Кучепатов, Л. М. Нюнько делали акцент на демократизации школы, подчеркивали успехи в укреплении ее материальной базы, акцентировали внимание на светском характере образования. В условиях антропологического и лингвистического поворотов в историографии исследователи стали уделять больше внимания языковой политике в образо-

вании, истории школы в пограничных регионах Карелии, где сосуществовали и взаимодействовали разные культуры. В этом плане особенно важны исследования А. И. Афанасьева, Л. И. Вавулинской, Е. Ю. Дубровской, О. П. Илюха, В. Г. Кондратьева. Целью данной статьи является характеристика учителей Карелии как социальной группы, динамично развивавшейся в 1920–30-е гг. Профессиональная деятельность учителей, их взаимоотношения с властями существенно влияли на ход истории и определяли специфику развития школы в послереволюционный период.

Перед революцией в Олонецком крае действовало 413 школ, охватывавших 13 тыс. детей. Треть детей школьного возраста вырастали вне школы. Военные действия, голод, разруха в годы гражданской войны разрушили систему образовательных учреждений. В 1920-е гг. потребовались напряженные усилия государства,

чтобы в короткие сроки ее восстановить. Во время нэпа расходы на народное образование и здравоохранение составляли около четверти всех бюджетных ассигнований и превышали управленческие и административно-судебные расходы. В 1928 г. в Карелии работало 417 школ, в которых училось 19 тыс. детей [1].

В январе 1929 г. VIII Всекарельский съезд Советов поставил задачу введения всеобща для детей 8–12 лет к 1936/37 учебном году. Однако летом 1930 г. ЦК ВКП(б), а затем ЦИК и СНК СССР приняли постановления «О всеобщем обязательном начальном обучении», в котором потребовали ввести обязательное начальное обучение всех детей в возрасте 8–10 лет уже с 1930/31 учебного года. В результате напряженной работы по введению всеобща к 1 января 1931 г. в Карелии было охвачено учебой 97 % всех детей 8–10 лет. Накануне Великой Отечественной войны в городах и рабочих поселках Карелии стало всеобщим семилетнее образование. К началу 1941 г. в Карелии работало 598 начальных, 163 неполных средних, 58 средних школ, в которых обучалось 91322 ученика [2].

К концу нэпа в Карелии восстановилась предреволюционная численность учительства. В 1927 г. в школах Карелии работало 680 учителей [12]. В начальных классах трудились прежде всего выходцы из крестьянства (39 %), в школах повышенного типа – представители семей служащих. Вторую по численности группу составляли выходцы из семей духовенства: 26 % – в начальных школах, 15 % – в школах повышенного типа. В 1920-е годы учительская профессия сохраняла значимость для мужчин (в начальной школе их доля равнялась 40 %, в старших классах – 68 % преподавателей), однако уже в то время женщины в школах первой ступени составляли большинство, в школах второй ступени – примерно треть преподавателей [3].

В зависимости от уровня образования педагогов можно разделить на несколько групп. Больше всего в школах первой ступени трудилось выпускников епархиальных училищ, гимназий или двух-трехлетних педагогических курсов. В основном это были молодые женщины 1890–1900 года рождения, начавшие преподавание накануне или в годы первой мировой войны. Среди мужчин, работавших в начальных школах, больше всего было выпускников учительской или духовной семинарий [4]. В 1925 г. в школах работали еще 42 учителя,

имевших только начальное образование. В школах второй ступени большинство педагогов составляли лица со средним образованием [5]. В педагогическую элиту входили выпускники университетов А. П. Тихомиров, А. Н. Кокушин, А. И. Зотиков, В. С. Туманов, М. П. Орлов, Д. В. Сидоров, В. В. Красиков и др.

В начальной школе преподавала в основном молодежь: 41 % учителей имели стаж менее 5 лет, стаж всего трети учителей превышал 10 лет. Сказались последствия войн и разрухи: далеко не все лица зрелого и пожилого возраста смогли сберечь здоровье и сохранить трудоспособность. Часть начальных школ была попросту закрыта. В действовавших учебных заведениях подолгу не выдавали продовольственных пайков, не выплачивали жалованья, и бедствовавшие учителя вынуждены были искать другие средства к существованию. Часть учительства оставила школу, потому что не смогла приспособиться к новым требованиям. В начальных школах быстрыми темпами происходила смена поколений работников. В школах второй ступени соотношение между различными группами по стажу было более благоприятным: 45 % учителей имели стаж от 5 до 15 лет, около четверти учителей – стаж более 15 лет. Однако и в этих школах около трети преподавателей составляли начинающие учителя, имевшие стаж до 5 лет.

Главным тормозом работы школы в начале 1920-х гг. называли полную необеспеченность учителей. I Всекарельский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, проходивший в Петрозаводске в феврале 1921 г., признал: «Учащие находятся в невозможных условиях: они раздеты, голодны» [13]. Заработок работников бюджетных организаций определялся 17-разрядной тарифной сеткой. Осенью 1923 г. учитель 12 разряда получал 29 руб. 75 коп. Такая сумма обеспечивала потребности одного человека, а имеющим семью педагогам приходилось искать побочные заработки [6].

В 1926 г. зарплата учителей в Карелии выросла и стала более дифференцированной в зависимости от практического стажа работы и наличия профессионального образования. Зарплата учителей начальной школы, имевших педагогическое образование, приблизилась к среднемесячной заработной плате промышленных рабочих в Карелии (68,6 руб.). Небольшой слой наиболее опытных, имеющих высшее об-

разование учителей школ второй ступени по уровню доходов приближался к служащим промышленных предприятий (116, 8 руб.) [14].

В 1929–1934 гг. в Карелии действовала карточная система, при этом централизованное снабжение не распространялось на сельское население. Особенно в трудном положении оказалась сельская интеллигенция и служащие. Они вообще не получали никаких продуктов кроме муки. Сельские учителя жаловались в местные органы власти на «совершенно невозможные условия жизни» [7]. Несколько повысился уровень жизни учителей во второй половине 1930-х гг. В апреле 1936 г. было принято постановление СНК и ЦК ВКП(б), предусматривающее в среднем двукратное повышение заработной платы учителям и другим школьным работникам в зависимости от квалификации и стажа работы.

В 1920-е гг. на учителя была возложена практическая реализация школьной реформы. Развал старой государственности, ослабление прежде строгого надзора над внутренней жизнью учебных заведений, содержанием школьного образования в послереволюционные годы в определенной мере активизировали попытки провести в жизнь назревшие еще в конце XIX – начале XX в. преобразования. Новый импульс получили идеи, высказывавшиеся в дискуссиях о приоритетах образования передовыми педагогами дореволюционной школы: важно помочь подростку не только овладеть основами знаний, но и сформировать социальные умения, интегрироваться в окружающий мир. Увеличилось число учебного времени, отводимого на естествознание, началось преподавание рисования, физкультуры. Обязательным в Карелии стало изучение финского языка. В преподавании широко использовались экскурсионный, краеведческий методы. В организации школьной жизни в 1920-е гг. важную роль играло стремление к демократизации, уважению личности ученика, активизации его творческих возможностей, преодолению муштры, развитию коллективизма. После революции значительно усилилась воспитательная функция школы.

Однако недостаточная профессиональная квалификация значительной части молодых учителей, бюрократические методы проведения реформы, слабость материальной базы, недостаточное программно-методическое обеспечение учебного процесса вели к тому, что многие творческие идеи педагогов-новаторов конца

XIX – начала XX века не получали на практике должного отклика, реализовывались формально. Настороженное отношение к реформе провоцировали также левацкие идеи, высказывавшиеся по отношению к школе в послереволюционное время, немалая часть населения именно с ними и связывала суть реформы.

В условиях острой нехватки образованных управленцев власть стремилась превратить учителей в пропагандистов партийной и государственной политики. Среди учителей Карелии коммунистов было немного: в середине 1920-х гг. – около 8 %, в середине 1930-х гг. – 13 % [8]. При этом 85 % учителей были вовлечены в общественную работу, многие имели по два-три поручения. Учителя обязаны были участвовать в избирательных кампаниях, являлись ликвидаторами неграмотности, руководителями кооперативов, активно трудились в кресткомах, избах-читальнях. Вся эта работа выполнялась за счет личного времени и безвозмездно. Характерно, что в программы многочисленных курсов переподготовки в первую очередь включались доклады «Политика советской власти в деревне», «Политпросветработа в карельской деревне», «Доклад УИКа о хозяйственной и административной политике уезда», в то время как молодые учителя прежде всего нуждались в повышении профессиональных знаний и умений.

В 1920-е годы основной формой профессиональной подготовки учителей для республики стали финский и русский педагогические техникумы. К подготовке будущих учителей были привлечены наиболее опытные педагогические кадры республики. Задачей техникума являлась подготовка учителя-общественника. Учебный план включал такие предметы, как обществоведение, политэкономика, экономическая политика, истмат, история классовой борьбы, текущая политика, кооперация, политпросветработа, военное дело, Советская конституция [9]. Большое число времени студенты обязаны были отдавать общественной работе. Если в 1928–1932 гг. педагогические техникумы подготовили 335 педагогов, то в 1933–1938 гг. на преподавательскую работу в школы республики было направлено 653 выпускника средних специальных учебных заведений.

Быстрое введение всеобщего в начале 1930-х гг. потребовало ускоренной подготовки учительских кадров. Пришлось прибегать к чрезвычайным мерам: в 1930 г. Наркомпрос республики

отправил на работу в начальные школы всех студентов местных педтехникумов (кроме первокурсников), всех учеников 9 класса финской девятилетки в Петрозаводске. На педагогическую работу в Карелию отправлялись по мобилизации комсомольцы из Ленинграда.

Большое значение имело создание в 1931 г. первого вуза в истории Карелии – Карельского государственного педагогического института. Поначалу работало только одно отделение – физико-техническое, на которое поступили 48 студентов. К началу 1934/35 учебного года институт имел уже четыре факультета: физико-математический, биологический, историко-филологический и рабфак. Вскоре выяснилось, что и с помощью пединститута не удалось полностью удовлетворить потребности школ Карелии в учительских кадрах. Поэтому в 1934 г. открылся учительский институт, который готовил преподавателей для семилетних школ.

В первые годы набор студентов в педагогический институт проводился по разверстке Наркомпроса. Выделяемые районам квоты выполнялись с трудом. Так, в 1933 г. вместо планируемых 120 человек удалось принять всего 65. С середины 1930-х гг. для поступающих в институт вводятся вступительные экзамены, однако сдать их могли далеко не все абитуриенты. В 1935 г. 45 % новых студентов пришлось зачислить с неудовлетворительными экзаменационными оценками.

Наряду с русскими в институте существовали национальные группы (финнов, карелов, вепсов), где обучение по ряду предметов велось на финском языке. С 1934 г. состав заочников стал исключительно национальным, и работа с ними велась только на финском языке. Тревожным и напряженным для этих подразделений института стал 1937/38 учебный год, когда в республике развернулись массовые репрессии против финнов-мигрантов, составлявших в 1920-е – первой половине 1930-х гг. республиканскую элиту. Осенью 1937 г. в педагогическом институте было уволено 19 преподавателей и сотрудников, 16 студентов («изъяли органы НКВД»). В 1937/38 учебном году вместо распущенного факультета финского языка и литературы организуется отделение русского языка и литературы.

Чтобы повысить контроль за качеством знаний студентов, во второй половине 1930-х гг. в институте введена система зачетов и экзаменов. В 1939 г. впервые прошли государственные эк-

замены для оканчивающих учительский институт. На них присутствовал первый секретарь Карельского обкома ВКП(б) Г.Н. Куприянов, нарком просвещения республики Яковлев и др. Всего за 1930-е гг. пединститут подготовил 219, а учительский институт – более 300 выпускников.

10 июля 1940 г. СНК СССР принял постановление «Об открытии Карело-Финского государственного университета», который создавался на базе педагогического института. В 1940 г. на первый курс зачислено 417 юношей и девушек, как правило, имевших стаж практической и общественной работы. Рождение университета существенно повлияло на дальнейшую судьбу Петрозаводска, ставшего со временем одним из крупнейших учебных и научных центров на Северо-Западе России.

Одним из ведущих каналов подготовки школьных учителей в 1930-е гг. оставалась курсовая подготовка. За 1930–1933 гг. в школы республики было направлено не менее 800, в 1938 г. – более 700 человек, получивших подготовку лишь на краткосрочных курсах. Это позволило быстро нарастить численность учителей. Согласно данным переписи 1939 г., в Карелии работало 3282 учителя. Однако курсовая подготовка означала явно низкий образовательный уровень педагогических кадров. В 1930-е гг. около половины учителей начальных классов не имели среднего образования. Подавляющее большинство преподавателей неполных средних и средних школ (до 90 %) не имели высшего образования. Значительное число учителей не получили законченного педагогического образования (в семилетках – около 80 %).

То, что недостаток профессионализма учителей тяжело сказывался на уровне подготовки выпускников школ, осознавали и власти. В 1936–1937 гг. в школах Карелии прошла аттестация учителей. От аттестации освобождались лишь те, кто недавно окончили педвузы и педтехникумы. В 1936–1937 гг. в ходе аттестации в КАССР из 1987 преподавателей звание учителя получили всего 26 %. Половина учителей была допущена к педагогической работе временно при условии, что в течение двух лет они получают педагогическое образование. Только при таком условии им гарантировалась работа в школе. В ходе проверки около 8 % преподавателей были освобождены от педагогической деятельности вследствие непригодно-

сти. Ниже всего уровень профессиональной подготовки был у учителей 5–7-х классов, поскольку именно в среднее звено направлялось больше всего учителей-краткосрочников [9]. По результатам аттестации была поставлена задача – в короткий срок организовать в Карелии обучение и переподготовку учительских кадров. Для решения этой задачи в сентябре 1938 г. на базе Педагогического института создан Институт повышения квалификации учителей [10].

Власти стремились поднять престиж учительского труда. В 1930-е гг. началось проведение республиканских конкурсов лучших педагогов, созывались Всекарельские слеты учителей-ударников. Были введены меры материального поощрения лучших учителей: денежные премии, предоставление бесплатных путевок в дома отдыха. В 1937 г. 5 учителей Карелии были избраны депутатами Верховного Совета КАССР. В июле 1940 г. беспартийный учитель А. Г. Бонч-Осмоловская стала заместителем Председателя Президиума Верховного совета Республики [11]. В мае 1939 г. за выдающиеся успехи в обучении и воспитании детей Советское правительство наградило орденами и медалями 19 педагогов Карелии. От профессиональ-

ного уровня школьных учителей зависела готовность нового поколения к жизни в индустриальном обществе, которое с огромным трудом создавалось в 1930-е годы. Через систему образования передавались национальные традиции, воспитывались патриотизм и гражданственность, что было особенно важно в преддверии надвигающейся войны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Национальный архив Республики Карелия. Ф. 630. Оп.1. Д. 41/348. Л. 97–99.
2. Там же. Ф. 1192. Оп.2. Д. 2/18. Л. 9. Д. 12/128. Л. 1.
3. Там же. Ф. 630. Оп.1. Д. 10/98. Л. 202
4. Там же. Д.48/397. Т.1. Л. 62–63.
5. Там же. Д. 31/259. Л. 72, 81.
6. Там же. Оп.1. Д.2/11. Л.3.6.
7. Там же. Ф. 690. Оп.1. Д.17/189. Л.3.
8. Там же. Ф. 630. Оп.1. Д. 53/431. Л.166.
9. Там же. Д.40/337. Л.143–145. Д. 86/708. Л.17–20.
10. Там же. Ф. 690. Оп.3. Д. 106/968. Л. 232.
11. Там же. Ф. 1192. Оп.1. Д.1/1в. Л.16.
12. Культурное строительство в Советской Карелии. Народное образование и просвещение. 1926–1941: документы и материалы. – Петрозаводск, 1986. – С. 31, 34, 71.
13. Всекарельский съезд представителей трудящихся карел. Первый Всекарельский съезд Советов. Протоколы. – Петрозаводск, 1990. – С. 193.
14. Ежегодник. Вып.IV. 1929. – Петрозаводск, 1931. – С. 75.

УДК 316. 33

ББК 87.66: 60. 50

А. И. Пьянов

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ИХ РОЛЬ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СЕМЬИ

Северо-Кавказский государственный технический университет

E-mail: alexpua2006@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы влияния ценностных ориентаций на процессы интеграции и дезинтеграции семьи. На основе проведенных исследований обосновывается роль духовных ценностей как фактора укрепления институциональной стабильности семьи.

Ключевые слова: ценностные ориентации, семья, институциональный, интеграция, дезинтеграция, духовные ценности.

A. Pjanov

VALUABLE ORIENTATIONS AND THEIR ROLE IN FAMILY FUNCTIONING

North Caucasus State Technical University

Problems of influence of valuable orientations to processes of integration and family decomposition are considered. On the basis of research substantiates the role of spiritual values as factor in strengthening of institutional stability of the family.

Keywords: valuable orientations, a family, institutional, integration, decomposition, spiritual values.

Смена общественного строя ввергла Россию в транзитивное состояние, привела к переоценке ценностей, ломке стереотипов, разрушительным демографическим изменениям. Главным

социальным звеном, которое подвергается тяжелейшим испытаниям, является фундаментальная и интегративная единица социума – семья. Именно семья стала основным объектом соци-

альных рисков. Сегодня главным условием выживания российского общества является укрепление институциональной стабильности семьи.

В настоящее время относительно семьи в обществе складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, результаты многочисленных исследований говорят о том, что семья – одна из важнейших жизненных ценностей современных россиян [6, 9, 10]. С другой стороны, семья – одна из наиболее неблагополучных, кризисных сфер жизнедеятельности социума. Это проявляется в дезорганизации социетальных функций семьи, неустойчивости браков, нуклеаризации и малодетности [2, 3]. Постоянно увеличивается численность мужчин и женщин средних возрастов, которые могли бы вступить в брак, но не имеют возможности найти себе спутника жизни согласно своим ожиданиям [3, 16]. Приблизительно пятая часть современных подростков находится в постоянном конфликте со своими родителями, причем количество конфликтов увеличивается по мере продвижения от младшего подросткового к юношескому возрасту [7].

Впрочем, проблемы современного состояния семьи как социального института, малой социальной группы и специфической социально-психологической общности в России можно было бы перечислять бесконечно. Во многом это связано с изменениями в ценностных ориентациях современной семьи. Ценности – это обобщенные представления людей о целях и нормах своего поведения, воплощающие исторический опыт человечества и концентрированно выражающие смысл культуры каждого этноса. Это существующие в сознании каждого человека ориентиры, с которыми индивиды и социальные группы соотносят свои действия [1]. На основе ценностных ориентиров складываются конкретные социокультурные типы брачного и семейного поведения.

Ценностные ориентации современных супругов сильно изменились по сравнению с прошлым. Если столетие назад в брачных отношениях присутствовали понятия морали, идеи социального равенства, долга (по частоте упоминаний в источниках), то сегодняшние семьи больше беспокоят вопросы справедливого распределения меры участия обоих супругов в решении хозяйственно-бытовых и воспитательных проблем, неудовлетворенности в сексуальной сфере [2, 4, 16].

Представители концепции «кризиса семьи» в российской социологии видят его причину в том, что большинство людей в наше время хотя и удовлетворяют свои духовные потребности (стремление к актуализации своего «Я», к саморазвитию и самосовершенствованию) не внутри семьи, а вне нее [2, 9]. Если следовать этой логике, то супруги из неблагополучных семей должны достигать больших успехов в сфере внесемейной, удовлетворяя там потребности в самоактуализации и саморазвитии. Но, как показывают исследования, в большинстве неблагополучных семей этого не происходит. Данные, полученные А. Н. Елизаровым, свидетельствуют, что сами потребности в самоактуализации и саморазвитии у членов неблагополучных семей не развиты или находятся в зачаточном состоянии. Отсюда вполне логично связать семейное благополучие с высокой значимостью в жизни семьи духовных ценностных ориентаций, а семейное неблагополучие с их низкой значимостью [6, 7].

Ценностные ориентации возникают всякий раз при встрече определенного уровня потребностей и определенного уровня ситуаций их удовлетворения. Поэтому, определяя основание для классификации ценностных ориентаций, разумно исходить из той или иной классификации человеческих потребностей. В. А. Ядов, опираясь на классификацию потребностей, предложенную Г. Г. Дилигенским, делает акцент на том, с какой социальной группой тот или иной человек в наибольшей степени отождествляет свое существование. На первом месте стоит отождествление с потребностями своего «Я», далее идут потребности ближайшего семейного окружения, потом потребности многочисленных контактных групп и коллективов (соответственно различным областям производственной и внепроизводственной деятельности) и, наконец, потребности целостной социальной системы (например, человечества в целом). Развитие личности В. А. Ядов отождествляет именно с прохождением этой цепочки, в силу чего потребности человеческого «Я» все более обогащаются [12].

С точки зрения этой парадигмы, ценностные ориентации, связанные с вовлеченностью в сферу труда, оказываются противопоставленными ценностным ориентациям, связанным с вовлеченностью в семейно-бытовую, рекреационную и досуговую активность. При этом само собой получается, что «семейно-бытовая ак-

тивность» однозначно отождествляется с «деятельностью по потреблению материальных и духовных благ», а производство того и другого выносится за пределы семьи. Это совершенно не соответствует отстаиваемому нами взгляду на семью как на активного субъекта производства если не материальных, то духовных благ. Наиболее близка нашему пониманию классификация базисных потребностей человека, предложенная П. В. Симоновым [13]. Исходя из нее, можно условно выделить три группы ценностных ориентаций, в основе которых лежат:

1) витальные потребности – в пище, воде, сне, защите от негативных внешних факторов и т. д. В этом случае ценности являют собой множество «материальных квазипотребностей» в одежде, жилище, в обслуживающей технике и т. д.;

2) аффилиативные потребности – принадлежность к определенной социальной группе и стремление занимать определенное (не обязательно лидирующее) место в ней, пользоваться привязанностью и вниманием окружающих, быть объектом их уважения и любви;

3) духовные потребности – познание окружающего мира и своего места в нем, смысла и назначения своего существования, стремление к саморазвитию и самосовершенствованию, альтруизм.

Приведенная классификация в наибольшей степени аппроксимирует результаты, полученные в ходе исследования распадающихся семей. Она также соответствует традиции разделения человеческих ценностей, сложившейся в истории европейской и российской культуры [17].

В предпринятом исследовании роли духовных ценностей в укреплении институциональной стабильности семьи в качестве одного из его аспектов рассматривался вопрос о том, как родители из неблагополучных, конфликтных семей обосновывают свои требования по отношению к ребенку, из каких ценностей они при этом исходят. На этапе сбора информации использовался модифицированный вариант методики предельных смыслов – предельных ценностей Леонтьева – Розова [8, 11]. Испытуемых просили ответить на вопрос: «Зачем Вашему сыну (дочери) учиться?» (одно из наиболее часто повторяющихся требований родителей из конфликтных семей по отношению к своему ребенку). К полученному ответу опять ставился вопрос: «Зачем?» И так до тех пор, пока испы-

туемый не мог ничего больше ответить. Данная процедура повторялась трижды. Полученные графы («цепочки») ответов обрабатывались методом контент-анализа. Выяснялось, на какой именно тип ценностей (витальные, аффилиативные или духовные) опирались родители, обосновывая необходимость для своего ребенка работать или учиться.

Данные, полученные при опросе родителей из конфликтных семей с различной степенью дезинтеграции, сравнивались с данными, полученными при опросе родителей из благополучных семей с высокой степенью интеграции. Для отбора последних сначала было опрошено 152 школьника старших классов с помощью анкеты. Для дальнейшего исследования отбирались только те случаи, когда опрашиваемые сообщали, что для их семьи характерны теплые, сердечные отношения, что дети хотят быть похожими на родителей. На следующем этапе опрашивались родители на предмет наличия конфликтных отношений с детьми и возможного девиантного поведения. Таким образом, было отобрано 16 семей с высокой степенью интеграции и благополучия. Ответы родителей из этих семей сравнивались с ответами родителей из неблагополучных семей, основанными на девиантном поведении ребенка (116 семей). В таблице приводится частота опоры родителей из двух типов семей на тот или иной тип ценностных ориентаций при обосновании для своего ребенка необходимости учиться или работать (см. таблицу).

Количество упоминаний соответствующих типов ценностей в двух типах семей (в %)

Типы семей	Ценностные ориентации		
	Витальные	Духовные	Аффилиативные
Неблагополучные	67	17	16
Благополучные	34	44	22

Как видно, родители из конфликтных семей более всего склонны опираться на витальные ценности (67 % от общего числа упоминаний). Имеется в виду в первую очередь направленность на материальное благополучие и выживание. Родители же из благополучных семей более склонны обращаться в этом случае к духовным ценностям (44 % от общего числа упоминаний). На первом месте – жить интересной, творческой жизнью по мере овладения профессией. Из этого можно сделать вывод, что в де-

зинтегрированных семьях доминируют витальные ценностные ориентации, а в высокоинтегрированных – духовные. Представленные различия статистически значимы при $p < 0,001$. Оценка статистической значимости проводилась с помощью критерия хи-квадрат.

Оказалось, что родители из неблагополучных и из благополучных семей опираются в своих рассуждениях на разные виды аффилиативных ценностей. Для первых особенно значим статусный момент, который очень мало значим для вторых. Последние более нацелены на повышение компетентности в общении, особенно с близкими людьми. При этом они чаще, чем первые, рассматривают учебу как путь, ведущий к счастливой семейной жизни. Это, видимо, происходит потому, что в силу доминирования духовных ценностных ориентаций брак видится им прежде всего как духовный союз.

Есть основания полагать, что невысокая значимость духовных ценностей для родителей из неблагополучных семей определяет их неспособность передать своим детям соответствующие духовные ценности, которые могли бы направить поведение детей в социально одобряемое русло. Как показывают результаты данных исследований, для детей из подобных семей, как правило, духовные ценности значимы еще меньше, чем для родителей. При этом дети отвергают и те ценности, которыми родители все-таки дорожат: необходимостью работы, выглядеть в глазах людей «не хуже других», выдерживаться от асоциального образа жизни. Дети склонны сбрасывать с себя эти ограничения и все более вовлекаться в девиантное поведение. Их доминирующими ценностями становятся избегание серьезных усилий и поиск развлечений.

Родительско-юношеский конфликт, в основе которого лежит девиантное поведение ребенка, предстает как функция и фактор развития семьи. Функция в том смысле, что выявляет латентное нарушение жизнедеятельности семьи (а именно – низкую степень опосредованности жизни ее членов духовными ценностями), вследствие чего он и возникает. Фактором развития семьи он становится потому, что может разрешиться в положительную сторону только тогда, когда жизнь сначала родителей, а потом и детей (хотя можно предположить и движение наоборот) начинает определяться в первую очередь духовными ценностями. Отсюда мож-

но прийти к выводу о том, что ведущей деятельностью семьи является сохранение, развитие и передача последующим поколениям именно духовных ценностных ориентаций. Конечно, не исключено и то, что семья может сохранять, развивать и передавать другим поколениям и недуховные ценностные ориентации. Но в таком случае процесс социализации значительно затрудняется: дети легко отвергают те позитивные недуховные ценности, которыми родители все-таки дорожат; их поведение начинает определяться примитивными эгоистическими влечениями, а не стремлением к позитивным ценностям; они легко растрачивают то, что родителям удалось накопить.

Семья как малая группа и специфическая социально-психологическая общность представляет собой то место, где накапливается и реализуется социально-воспитательный потенциал. Члены семьи особенно значимы друг для друга, что порождает желание видеть другого лучше, помогать ему стать еще лучше.

В принципе духовные ценностные ориентации должны предшествовать браку или зарождаться уже на первых этапах супружества. Как отмечает В. А. Сысоенко, после заключения брака должно произойти постепенное слияние двух «Я» – мужа и жены, отождествление потребностей, интересов, желаний, намерений. Лучший вариант тот, в котором достигается максимально возможное слияние интересов и потребностей. Положительную роль в этом процессе играют готовность супругов открыто обсуждать возникающие разногласия и желание искать компромисс; отрицательную – установка на манипулирование супругом, что предполагает отказ от искренности в отношениях и выработку изоэгранных методов воздействия на него с целью подчинить себе и тем самым одержать победу. Если по каким-либо причинам интересы и желания не становятся общими, автономность двух «Я» сохраняется, то брак становится конфликтным и неустойчивым [15].

Что же определяет установки супругов, тормозящие становление единства в молодой семье? По мнению И. Ф. Дементьевой, эгоистические установки молодых супругов (когда на первом месте стоят собственные желания и интересы) связаны с определенными особенностями воспитания в современном обществе. Родительская опека стала чрезмерной. В условиях сравнительно высокого материального благосостояния отошла в прошлое экономическая

необходимость участия детей в домашнем труде. Воспитание не преследует цели привить ребенку трудовые навыки, наоборот, идет активный поиск чистой работы, высшего образования для детей; зачастую на первый план выступают ложнопостыдные соображения родителей. Все это ведет к эгоистическим установкам молодых людей и потенциальной нестабильности их семей [4].

Отсюда следует, что с момента заключения брака он становится своего рода институтом социализации супругов. Вступление в брачные отношения предполагает начало внутренней работы, духовных усилий, духовного роста. Необходимо отказаться от собственного эгоизма, что уже есть саморазвитие и самосовершенствование. В случае, если жизнь членов семьи все более опосредуется духовными ценностями, брак становится устойчивым, стабильным, семья – высокоинтегрированной. Таким образом, интеграция семьи напрямую зависит от роли духовных ценностных ориентаций в ее жизни, которые являются одним из важнейших факторов укрепления институциональной стабильности современной семьи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреева, Г. М. Социальная психология / Г. М. Андреева. – М.: Омега-Л, 2006. – С. 188–210.
2. Антонов, А. И. Кризис семьи и пути его преодоления / А. И. Антонов, В. А. Борисов. – М.: ИС АН СССР, 1990. – 36 с.
3. Борисов, В. А. Демография / В. А. Борисов. – М.: Нота Бене Медиа Трейд, 2003. – 344 с.
4. Дементьева, И. Ф. Первые годы брака: проблемы становления молодой семьи / И. Ф. Дементьева. – М.: Наука, 1991. – 111 с.
5. Елизаров, А. Н. К проблеме поиска основного интегрирующего фактора семьи / А. Н. Елизаров // Вестн. Моск. ун-та. – 1996. – № 1. – С. 42–49. (Сер. 14. Психология).
6. Елизаров, А. Н. Роль духовных ценностных ориентации в процессе интеграции семьи / А. Н. Елизаров // Вестн. Моск. ун-та. – 1997. – № 3. – С. 59–67. (Сер. 14. Психология).
7. Иудин, А. А. Актуальные проблемы социализации молодежи / А. А. Иудин, Д. Г. Стрелков. – Нижний Новгород, 2003. – С. 46.
8. Леонтьев, Д. А. Особенности смысловой структуры мировоззрения при хроническом алкоголизме / Д. А. Леонтьев, В. Н. Бузин // Вестн. Моск. ун-та. – 1992. – № 3. – С. 22–30. (Сер. 14. Психология).
9. Марковская, Н. Г. Место семьи в системе ценностных ориентации личности: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Н. Г. Марковская. – М., 1990. – 25 с.
10. Мацковский, М. С. Ценность семьи в сознании различных слоев населения / М. С. Мацковский, В. В. Бодрова // Семья в представлениях современного человека. – М., 1990. – С. 154–166.
11. Розов, М. А. Проблема ценностей и развитие науки / М. А. Розов // Наука и ценности / под ред. А. Н. Коцгергина. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 2005. – С. 5–16.
12. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / под ред. В. А. Ядова. – Л.: Наука, 1979. – 264 с.
13. Симонов, П. В. Происхождение духовности / П. В. Симонов, П. М. Ершов, Ю. П. Вяземский. – М.: Наука, 1989. – 352 с.
14. Собкин, В. С. Жизненные ценности и отношение к образованию: кросскультурный анализ / В. С. Собкин, П. С. Писарский. – М.: ЦСО РАО, 1994. – 151 с.
15. Сысоенко, В. А. Супружеские конфликты / В. А. Сысоенко. – М.: Мысль, 1998. – С. 34–36.
16. Шаповалов, В. Ф. Семья и брак в России / В. Ф. Шаповалов // Общественные науки и современность. – 2007. – № 3. – С. 163–175.
17. Швырков, В. Б. Об общечеловеческих ценностях с позиций системно-эволюционного подхода (глазами психофизиолога) / В. Б. Швырков // Психологический журнал. – 1993. – Т. 14. – № 6. – С. 124–137.
18. Ellenson, A. Human relations / A. Ellenson. – N. Y.: Prentice Hall, 1982. – 210 p.

ББК Ф69(2)42; Т3(2)52-43

*С. Е. Прошечкин***ВЛИЯНИЕ НЕОНАРОДНИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ НА ПОДЪЕМ
КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.**

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: Seper53@Mail.ru

Статья основана на архивных, еще не введенных в научный оборот документах, и посвящена исследованию революционной деятельности эсеровских организаций в Саратовской губернии. В работе особое внимание уделяется определению условий и особенностей социалистической пропаганды среди крестьянского и рабочего населения губернии, причин, способствовавших распространению оппозиционных настроений среди различных социальных слоев, и их конкретному проявлению.

Ключевые слова: агитация, губерния, классовая борьба, крестьяне, неонародники, партия, революционное движение, эсеры.

*S. E. Proshechkin***NEONARODNIK PROPAGANDA INFLUENCE ON THE PEASANT MOVEMENT RISE IN THE
SARATOV PROVINCE ON THE TURN OF XIX–XX CENTURIES**

Volgograd State Technical University

The article is based on the not analyzed archive documents and is devoted to the investigation of the SR organizations revolutionary activity in the Saratov province (region). Special attention is paid to the definition of conditions and peculiarities of socialist propaganda among the peasant and working class population of the region. Reasons and manifestation of opposition attitudes rise in various social groups are discussed.

Keywords: agitation, province, class struggle, peasants, neonarodniks, party, revolutionary movement, SR (social revolutionaries).

Саратовская губерния еще с 60–70-х годов XIX в. являлась одним из центров пропагандистской деятельности народников. Здесь агитационную работу среди крестьян и рабочих вели такие видные деятели народнического движения, как О. В. Аптекман, В. Н. Фигнер, А. Д. Михайлов, Г. В. Плеханов, А. К. Соловьев и др. После разгрома народовольческого движения отдельные небольшие группы демократической интеллигенции продолжали вести социалистическую пропаганду среди населения губернии, несмотря на жесткое противодействие властей.

Деятельность теперь уже неонародников в губернии активизируется в 90-е годы XIX в. В конце февраля 1897 г. в Камышине при обыске у крестьянина с. Митякина Александра Ефимовича Смирнова были обнаружены брошюры и листовки антиправительственного содержания, изданные от имени группы русских офицеров лондонской «Вольной русской типографией».

Расследование показало, что в Саратове, Камышине, Рудне, Ростове-на-Дону, Таганроге существовали пропагандистские группы, имевшие связь с лондонской типографией, издававшей газету «Русский рабочий» [1; Ф. 124. Оп. 6. Д. 289. Л. 17–20]. Еще ранее в сентябре 1894 г. антиправительственные издания были обнаружены на х. Авилове соседнего Хоперского округа.

Все чаще под влиянием этой пропаганды крестьяне открыто высказывают недовольство деятельностью высших органов государственной власти. В заключении прокурора Саратовской судебной палаты от 10 мая 1893 г. отмечалось: «Степан Иванов Намнясев летом прошлого года в помещении волостного правления, указывая на портрет Государя Императора, позволил себе произнести дерзкие выражения, относящиеся к Его Императорскому Величеству, и порицать образ правления; кроме того, Немнясев говорил Антиповскому волостному писарю Карпову, что он читает много книг социалистического содержания и имеет печатное письмо «К голодающим крестьянам», полученное им от какого-то служащего у Нобеля в Царицыне. При производстве дознания по сему делу установлено, что весною минувшего года в волостном правлении крестьянин Степан Немнясев, ...указывая глазами на портрет Государя Императора, сказал: «Посмотри какая у Государя пьяная рожа».

При обыске у С. И. Немнясева были обнаружены листовки и брошюры, напечатанные в типографии народовольцев, в которых порицалась деятельность правительства и Николая II

[1; Ф. 124. Оп. 2. Д. 117. Л. 10–13]. В конце 1992 г. С. И. Немнясев жил в Царицыне, где, судя по всему, и попал под влияния неонароднической пропаганды.

25 марта 1894 г. крестьянин Иван Платонов Федоров (дер. Чемерлей Наскафтымской волости Кузнецкого уезда Саратовской губ.) в разговоре о правительственной ссуде хлебом в голодный год высказал, что, как читал он в книгах, в голодный год кормили народ не Царь, а богатое купечество и помещики; что есть страны, где без Царя живут лучше и что там бедных людей нет, податей не платят, живут богатые и бедные на одном положении, все распределяется поровну каждому..., что у нас скоро Царя совсем не будет, ... так, лет через 30 у нас царя не будет» [1; Ф. 124. Оп. 3. Д. 163. Л. 10–11].

В 1899 г. под влиянием неонароднической пропаганды в Балашовском уезде состоялся ряд поджогов и захватов помещичьей земли. Особенно беспокойно, по оценке властей, было в с. Ключи. В д. Глебовке «бесчинство» в имении Молчанова, куда вызваны войска. В с. Ивановке-2-й крестьяне находятся под влиянием кружка эсера Феологова. В уезде широко подпольные издания [3; Ф. 1. Оп. 1. Д. 6238. Л. 18].

Не случайно 1900 год бы назван Саратовским губернатором «крайне тревожным» в связи с ростом крестьянского движения» [2; Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5552. Л. 199]. Он же в политическом отчете за 1900 г. отмечал:

«Среди крестьян преступная пропаганда имела большой успех, в особенности в Балашовском уезде, представляющем собой центр агитации, главными виновниками которой являются на месте земские врачи, фельдшерицы, учителя и другие лица, в том числе сами крестьяне... Агитация здесь ведется так умело и осторожно, что все усилия жандармской и общей полиции только в последнее время имеют некоторый успех. Между тем успех агитации очень значителен. Крестьянское население прониклось революционными идеями, учение социалистов «находит у него хорошо подготовленную почву. Отношение его к властям враждебное.

Неспокойно и в Сердобском у. в селах Хованщина и Владыкино.

В Петровском у. ряд поджогов. В Аткарском – усилилась пропаганда в последнее время, среди крестьян беспокойно. В Камышинском были аграрные волнения. В Петровском у.

в с. Махкассах – кружок среди крестьян. Организатор – крестьянин Кожанов» [3; Ф. 1. Оп. 1. Д. 6238. Л. 4, 11, 12].

В этом же году мощная забастовка сельскохозяйственных рабочих потрясла имение А. Д. Котельниковой в Балашовском уезде [3; Ф. 53. Оп. 1. Д. 112. Л. 1–14].

1 апреля 1902 г. полиция в Саратове при обыске в квартире колонистки Анны Крейнерт обнаружила 408 различных в основном изданных партий социалистов-революционеров «преступных произведений», пишущую машинку, мимеограф*, «около пуда» типографского шрифта, несколько паспортных бланков, подложную печать Юрьевского уездного полицейского управления и т. п. [1; Ф. 124. Оп. 11. 1902. Д. 654. Л. 46]. Проведенное расследование установило, «что в начале 1902 г. в Саратове сформировался Комитет партии социалистов-революционеров, члены которого, стремясь к ниспровержению существующего в России государственного и общественного строя, поставляли своей ближайшей задачей пропаганду противоправительственных идей во всех слоях общества... С этой целью участники Комитета составляли и печатали на гектографах** и мимеографах в значительном количестве преступные произведения, а также вошли в сношение с проживающими за границей единомышленниками относительно водворения в Империю нелегального органа «Революционная Россия», равно как и других запрещенных сочинений, причем устроили для хранения таковых особые тайные склады» [1; Ф. 124. Оп. 11. 1902. Д. 654. Л. 46].

Во главе комитета находились П. Крафт, Г. Харизоменов, П. Кадиксов, Л. Буланов, В. Хатемкина и др. Социальный состав организации был довольно пестрым: учителя земских школ, учащая молодежь, служащие государственных и земских организаций, литераторы, ветеринарные врачи, крестьяне и лица без определенных занятий (профессиональные революционеры? – С. П.). Обязанности членов группы, состоявшей не менее чем из 37 человек (столько человек было привлечены к следствию), были четко распределены. П. Крафт вел

* Мимеограф – устаревшее название ротатора – аппарата для размножения рукописного текста небольшими тиражами с помощью трафарета, натянутого на цилиндр.

** Гектограф – простейший прибор для размножения текста и иллюстраций. Изобретен в России М. И. Алисовым в 1869 г. На гектографе получали до 100 копий оригинала.

переписку с редакцией центрального печатного органа партии журнала «Революционная Россия», налаживал связи с эсерами в других городах страны, заведовал приемом и пересылкой нелегальной литературы. В. Хатемкина занималась вербовкой новых членов, а П. Кадиксов, Г. Харизоменов и Л. Буланов – организацией тайных складов для хранения литературы и оружия; они же имели тесные контакты с «Боевой организацией» партии социалистов-революционеров. Организация имела связи с революционными группами в Екатеринославе, Ростове и Казани, вела пропагандистскую работу среди рабочих и ремесленников Саратова, слободы Покровской Новоузенского уезда Самарской губернии (на противоположном от Саратова берегу Волги. – С. II.), крестьянского населения Саратовской и Самарской губерний.

Не случайно Степан Балмашев – убийца министра внутренних дел Д. С. Сипягина с декабря 1901 г. по март 1902 г. жил в Саратове. Другая группа эсеров существовала в Мариинском земледельческом училище в пятидесяти верстах от Саратова. Совместно с эсдеками социалисты-революционеры издавали и распространяли газету «Голос труда». В Саратов планировалось перенести печатание и центрального органа партии газеты «Революционная Россия». В ночь на 1 ноября 1902 года в Саратове «произведено 63 обыска, 32 ареста, в ходе которых было обнаружено большое количество противоправительственных листовок, брошюр, прокламаций, мимеограф, «части типографии» – докладывал прокурор Саратовской судебной палаты Макаров министру юстиции Н. В. Муравьеву [1; Ф. 124. 1902 г. Оп. 11. Д. 654-а. Л. 1–2]. П. Крафта по повелению Николая II на два года посадили в тюрьму, а потом отправили на 10 лет под надзор полиции в Архангельскую губернию, других руководителей – Г. Харизаменова, Л. Буланова, В. Хатемкину, А. Крейнерт сослали в Восточную Сибирь на 8 лет, а рядовых членов организации на сроки от 3 до 8 лет в Архангельскую, Олонецкую, Вологодскую губернии.

Однако и после ареста руководства Саратовского комитета партии эсеровская пропаганда оставалась на высоком уровне, велась и в других городах губернии, в частности, во втором по величине городе Саратовского Поволжья, важном промышленном и торговом центре – Царицыне.

Там 26 февраля 1903 г. был задержан с посылкой, присланной из Саратова, крестьянин

Иван Петров Семенов. При обыске у него были обнаружены 8 экз. брошюры «Беседы о земле» и 38 листовок «19 февраля 1903 г.». Одновременно в Саратове в квартире ученика 6-го класса Саратовского Мариинского реального училища Петра Владимировича Гуревича (отправителя посылки. – С. II.) во время ареста найдены 31 экз. газеты «Искра», 15 номер журнала «Рабочая мысль» и другая противоправительственная литература [1; Ф. 124. Оп. 11. Д. 654-а. Л. 1–2].

В марте 1903 г. в Царицыне обнаружена прокламация «Памяти жертв 1 марта 1881 г.» и в большом количестве другая революционная литература [1; Ф. 124. Оп. 12. Д. 994. Л. 3; Д. 989. Л. 3].

Там же 25 сентября у Сарептинского затона на берегу Волги найдена социал-демократическая литература. Исполняющий обязанности прокурора Саратовской судебной палаты Горемыкин 19 августа 1903 г. отмечал, что в найденных брошюрах и листовках «...проповедуется мысль о том, что рабочие должны сами добиваться ... улучшения своего положения, так как им ничего не дожидаться «от чиновников полицейского государства», что рабочим нужно соединиться вместе и открыто вести борьбу с фабрикантами: только таким путем они могут защитить себя от притеснений» [1; Ф. 124. Оп. 11. Д. 1800. Л. 10].

Читая эти строки, невольно напрашивается сравнение с нашим временем, когда захватившая власть группа представителей олигархического капитала вновь подвергает широкие слои населения безудержной эксплуатации в угоду кучке жирующих нефтяных и газовых магнатов.

Мощный подъем крестьянского движения 1902 г. в Харьковской (другом важном центре эсеровской пропаганды. – С. II.) и Полтавской губерниях нашел отклик и в Поволжье. В полученном жандармами агентурным путем письме от 28 января 1903 г. отмечается: «В Саратовской и Самарской губерниях черт знает, что творится. Павлов, приехавший только что оттуда говорит, что там форменная революция. О прокламациях там и не говорят: это дело заурядное; они всюду кучами валяются. По деревням разгуливают высланные студенты, раздают прокламации, говорят речи. В деревне Кванько собралась толпа мужиков, человек 2000. Немедленно приехал туда Губернатор Энгельгард, два Земских Начальника, становой, урядников много, следователи, Прокурор и пр. Была

приведена рота солдат. Первыми подошли к толпе урядник и становой, но были почти что растерзаны, затем толпа избивала волостного старшину. Тогда вытребовали еще роту солдат. Энгельгард хотел говорить, но его заглушили криком и руганью. Толпа, увеличившаяся до 30000 (цифра явно завышенная. – С. П.), окружила волостное правление с Губернатором и прочими властями и продержала их там двое суток. На третьи сутки прибыли из Саратова казаки и освободили власти из плена» [1; Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1898. Д. 9. Ч. 29. Л. 6].

В Всеподданнейшем докладе на имя Николая II Саратовский губернатор П.А. Столыпин отмечал: «В 1902 г. аграрные беспорядки в Балашовском, Сердобском, Петровском, Аткарском уездах, для подавления которых – войска.

В Сердобском уезде слухи, что скоро все земли помещиков – крестьянам. Местный крестьянин Иван Серков – что у него есть неоспоримые доказательства прав крестьян на землю и показывал шкатулку, в которой якобы хранились эти документы. Местный полицейский урядник взял эту шкатулку из дома Серкова, когда его не было дома. Там оказались прокламации. Это к возбуждению крестьян. Был изувечен пристав, избиты урядник, старшина, сотский. В Хованщину явился сам губернатор с двумя ротами солдат, но толпа не допустила ареста зачинщиков, пришлось вызвать из Саратова полусотню казаков.

В Балашовском уезде был ряд захватов крестьянами помещичьего имущества и поджогов. «...Отношение крестьян к властям были вызывающие», особенно в с. Ключи. В д. Глебовке Балашовского уезда крестьяне напали на усадьбу землевладельца Сафонова. Была вызвана рота солдат и отряд казаков. Зачинщики наказаны розгами.

В селе Макарово Балашовского уезда 8 июля крупные беспорядки на ярмарке. Крестьяне напали на патруль казаков из трех человек, на помощь которым пришел исправник с отрядом казаков. Произошло столкновение. Крестьяне вооружились кольями. Арестовано 15 человек.

В Петровском уезде ряд поджогов имущества землевладельцев. «Неспокойно в Аткарском уезде. В Камышинском уезде волнения в с. Верхней Добринке и Жирном» [2; Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5714. Л. 181–187].

Из рапорта начальника Саратовского розыскного отделения Директору Д.П.: «Настроение крестьян Сердобского уезда имеет крайне злоб-

ный, хотя и сдержанный характер и что в особенности подобное настроение замечается в волостях Давыдовско-Голицынской и Черкасской, смежных с Пензенским уездом, крестьяне которых открыто заявляют: «Ну теперь ждать недолго, скоро все это переменится» [1; Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1902. Д. 360. Ч. 28. Л. 13].

В августе 1902 г. у крестьянина слободы Купавы Тихона Ефимова Кокоречкина обнаружены революционные брошюры «О податях и налогах», а у крестьянина Василия Пятибрatова «Народные листки», «Письмо к фельдфебелю» графа Толстого, а у крестьянина Якова Николаева «Народные листки» № 9, 1901 г. и «Как попы поработили народ учением Христовым». В брошюре «О податях и налогах» эсеры планировали: «Устроить тайные братства с целью просвещать народ и в недалеком будущем свергнуть самодержавие и установить, как в старину, Земский Собор» [1; Ф. 124. Оп. 11. Д. 573. Л. 14–15].

30 августа 1902 г. около линии Рязанско-Уральской железной дороги напротив с. Мокрой Ольховки Камышинского уезда, а также станциями Неткачево и Купцово были обнаружены противоправительственные «Революционная Россия», «Вторая воля», «Почему не всякому разрешено помогать крестьянам, пострадавшим от неурожая?», «Кривая доля», «О податях и налогах», «Горемыки благодатного острова», статья Л. Н. Толстого «Неужели так надо?» и др. [1; Ф. 124. Оп. 11. Д. 671. Л. 10].

В конце 1902 г. крестьянское движение пошло на убыль, что нашло свое отражение в докладе губернатора П. А. Столыпина министру внутренних дел В. К. Плеве в декабре 1902 г.: «В общем же картина безусловной покорности к начальству, почтительное отношение и ожидание от Правительства улучшения земельно-экономического положения...

На общем фоне крестьянской массы, вполне поддающейся воздействию административной власти и индифферентной ко всему, кроме вопросов земельного устройства, резко выступают группы крестьянской молодежи, отличающейся крайним озорством, начитавшейся прокламаций, совершенно не дисциплинированной и выделяющей из своей среды отдельных личностей, готовых на активное сопротивление и поджоги» [1; Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1902. Д. 360. Ч. 28. Л. 27].

Далее в этом же документе П. А. Столыпин пишет о том, что народные дома, чайные, биб-

лиотеки – не нужны, а скорее отрывают крестьян от здорового труда. Следует отметить, что уже очень скоро при проведении земельной реформы, названной его именем, этот же человек, правда уже на посту главы правительства, резко меняет свою точку зрения и будет ратовать за широкое культурное просвещение народа.

В 1903 г. с началом полевых работ крестьянское движение вспыхивает с новой силой, хотя по своему размаху и не достигает уровня 1902 г.

В мае 1903 г. правительство издало закон об учреждении в 46 губерниях страны полицейской стражи в помощь сельской полиции для борьбы с революционным движением. К одной из первых закон был применен к Саратовской губернии, которая еще в 1902 г. была объявлена на положении усиленной охраны.

Во Всеподданнейшем отчете за этот год тот же П. А. Столыпин отмечал: «В 1903 г. аграрные беспорядки в Балашовском, Сердобском, Петровском, Аткарском уездах. В Балашовском у. в 1903 г. было 75 поджогов на аграрной почве. Пропаганду вели учителя, писари, студенты.

В д. Шепелевке – кружок крестьян, о чем известно стало в августе, прибыл губернатор с казаками. 16 человек арестовано.

В Сердобском уезде было 30 поджогов землевладельцев. Причем крестьяне инертны к тушению и даже не давали работать пожарным командам, мотивируя это тем, что помещики не несут расходы на их содержание.

В с. Ртишево кружок крестьян (эсеровской направленности), поджоги, арест 10 крестьян. Пропаганду вели учителя.

В Аткарском уезде в 1903 г. – 11 поджогов. Пропаганду – учителя. «В селе Малых Копенах сельский сход составил приговор об отобрании земли у соседнего помещика, в случае если он не согласится сдать эту землю по цене, определенной самим сельским сходом. В Петровском уезде поджоги там же, где и в 1902 г. В Царицынском у. поджоги в имениях близ села Ольховки. Крестьяне равнодушны к поджогам и не принимают участие в тушении пожаров».

С мая 1902 года по декабрь 1903 года по поджогам в Саратовской губернии возбуждено 184 следственных дела [2; Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5755. Л. 88–96].

В конце февраля 1903 г. в с. Мокрой Ольховке Камышинского уезда мещанин г. Симбирска Александр Егорович Коновцев вел про-

паганду среди крестьян о том, «...что 21 июня или июля в Петербурге будут освещать церковь, памятник и мост и что в это время будет вместо торжества плач, так как студенты «списались» чтобы убить Государя и Министра внутренних дел..., студенты хотят сделать республику, чтобы не было Царя, а Президент. И все были бы равные, а то у нас порядки неправильные» [1; Ф. 124. Д. 1656. Л. 11].

В 1904 г. эсеровская пропаганда принимает выраженную антивоенную направленность, а крестьянское движение остается на достаточно высоком уровне. Саратовский комитет партии в январе 1904 г. направляет в Ростов трех своих представителей (крестьян): Александра Алексеева Фокеева, Ивана Борисова Самсонова, Федора Гаврилова Овчинникова. Там при их участии возник кружок, члены которого обсуждали вопрос о революции в России и распространяли эсеровскую и эсдековскую литературу [1; Ф. 110. 1904. Оп. 1. Д. 841. Л. 1–39].

Все чаще под влиянием социалистической пропаганды в сознании народа утверждается мысль о необходимости изменения существующего в России политического строя. Наглядно об этом свидетельствует следующий документ:

«Его Высокопревосходительству
Господину Министру Юстиции
Прокурора Саратовской Судебной Палаты
Секретно

Рапорт № 2425

24.06.1904 г.

В конце мая сего года на принадлежащем помещику Устинову Софьинском хуторе, Жуковской волости, Петровского уезда, Саратовской губернии ... конторщик из главной конторы Устинова Дмитрий Смирнов во время общего разговора о бывшей в с. Екатериновке Аткарского уезда разброске прокламаций сказал: хорошо делают, что разбрасывают, время для этого подходящее, нужно пользоваться войной и устроить в России республику; Государь для нас вреден, править должен выбранный на время, как волостной старшина, а то завели войну за какой-то Порт-Артур, жертвуют человеческими жизнями, люди гибнут, а правители... только пьянствуют» [1; Ф. 124. Оп. 13. Д. 1391. Л. 3].

Аналогичная пропаганда велась в это время в Аткарском, Балашовском, Камышинском, Сердобском и Царицынском уездах. В это время в саратовской деревне все чаще встречается

такая новая, заимствованная у городского пролетариата, форма борьбы, как забастовка. Арендные крестьянские забастовки и стачки сельскохозяйственных рабочих становятся действенным методом борьбы за свои права.

25 июля 1904 г. мощная стачка пришлых и местных сельскохозяйственных рабочих состоялась в с. Аркадак Балашовского уезда, где в воскресный день найма на работу скопилось одновременно до 5 тыс. человек. Произошло столкновение с казаками и полицией, во время которого крестьяне пустили в ход камни и оглобли. Причем казаки и полицейские вынуждены были отступить. Аресты производились уже через два-три дня как в Аркадаке, так и по соседним селениям. Всего было арестовано 45 человек [4, с. 1–24.].

Итак, на рубеже XIX–XX вв. в Саратовской губернии, традиционном центре деятельности народников, активизируется революционная, в основном эсеровская, пропаганда среди крестьян, что находит свое отражение в неуклонном росте крестьянского движения в этот период.

Нередко это движение принимает ожесточенные формы, что проявляется в открытом сопротивлении властям, полиции, воинским карательным командам. Появляются новые формы борьбы: сельскохозяйственные и арендные забастовки и стачки, бойкоты. И, видимо, неслучайно в годы первой русской революции Саратовская губерния занимала первое место в России по числу и ожесточенности антиправительственных крестьянских выступлений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102: Департамент полиции особый отдел, Ф. 110: Штаб отдельного корпуса жандармов, Ф. 124: Министерство юстиции.
2. Российский Государственный исторический архив. Ф. 1263: Комитет министров.
3. Государственный архив Саратовской области. Ф. 1: Канцелярия Саратовского губернатора, Ф. 53: Саратовское губернское жандармское управление.
4. Лечебно-продовольственные пункты на рынках найма сельскохозяйственных рабочих в Саратовской губернии. – Саратов: Саратовская губернская земская управа, 1904. – 113 с.

ББК С542.2

Э. Г. Баландина

МЕТРОСЕКСУАЛ В ГОРОДЕ: ЯВЛЕНИЕ, СТИЛЬ, АЛЬТЕРНАТИВЫ

Волгоградская академия государственной службы

E-mail:belgri@mail.ru

Автор статьи анализирует заметный в последнее время сегмент населения больших городов – метросексуалов. Они являются идеальными потребителями и по этой причине иногда рассматриваются исключительно как продукт общества потребления. В действительности – и это подчеркивается в статье – метросексуалы имеют своих исторических прототипов от денди до стилига. Метросексуалы играют заметную роль в современной городской культуре, но в ней же есть альтернативные метросексуалам типы: ретросексуалы, уберсексуалы и др.

Ключевые слова: метросексуал, ретросексуал, уберсексуал, городская культура, общество потребления, социально-культурный тип.

E. G. Balandina

METROSEXUAL IN THE CITY: PHENOMEN, STYLE, ALTERNATIVES

Volgograd Academy of Public Administration

Author analyzes visible phenomenon of last years: metrosexuales. They are ideal consumers; their a major feature is love to themselves. They are taken care of appearance, health and so on. This segment of cities people became influential, especially in the urban culture, that is why they and their alternatives are need study from social, humanitarian and philosophical sciences.

Keywords: metrosexual, retrosexual, ubersexual, urban culture, consumer society, social-culture type.

Вброшенный в 1994 году с легкой руки журналиста Марка Симпсона термин «метросексуал» через десять лет стал одним из самых популярных понятий, обозначающих достаточно определенный круг жителей больших городов, преимущественно мужчин. Были попытки наметить и женский вариант метросексуальности, но особого успеха они не имели. Термином «метросексуал» обозначили мужчин, которые, как это представляется традиционно ориентированным мужчинам, уделяют слишком много внимания своей внешности. Первоначально метросексуальность ассоциировалась с нетрадиционной сексуальной ориентацией, но это мнение было признано ошибочным. В качестве причин появления метросексуалов выдвигались следующие. Во-первых, метросексуальность объяснялась заметным феминным сдвигом в культуре, возросшим влиянием женщин в самых разных сферах. Одно из следствий этого сдвига было изменение образа мужчины, наиболее приемлемого в оценках женщин. Мужчины должны были ориентироваться на эти оцен-

ки, на то как они будут восприниматься женщинами. Во-вторых, метросексуальность связывалась с идеологией общества потребления, постоянной необходимостью производителей и торговцев вовлекать в активное потребление все новые группы людей. Ускорение и перенапряжение спроса на рынке потребительских товаров, необходимость постоянного обновления невозможны без активного и постоянного потребителя, своего рода Кадавра супермаркетов, бутиков, фитнес-центров, и косметических салонов. Наконец, в-третьих, метросексуалам как явлению отказывали в новизне, считая их наследниками гораздо более ранних культурных образцов и героев. Видимо, у этого явления, как и у большинства феноменов, появляющихся на поверхности быстро меняющегося мира, нет одной определенной причины, и можно говорить о комплексе не столько причин, сколько условий, провоцирующих то или иное явление. Большинство подобных явлений связано с микротенденциями в социальном развитии. Исследование микротенденций представляет собой

относительно новое направление в социальных науках, хотя начало положено работами Ж. Бодрийара, Р. Барта и др. [1].

Особое внимание на микротенденции в жизни современного общества обращено в книге Марка Дж. Пенна и Кинни Э. Залесн «Микротенденции. Маленькие изменения, приводящие к большим переменам» [2]. Авторы утверждают, что качеством современного общества является возрастающее значение неявных и небольших по масштабу и объему явлений, которые в силу разных причин и порой совершенно неожиданно становятся значимыми в жизни социума. Влияние микротенденций и взрывной характер их последствий заметнее всего в политике и маркетинге, но и в других сферах их следы и следствия обнаруживаются без труда. Таким образом, распространенная мысль о том, что жизнь общества практически без остатка регулируется и объясняется закономерностями нескольких ведущих тенденций: экономических законов или политических решений, ставится под сомнение. Вместо упорядоченного и закономерного движения в будущее мир потрясает невнятица возможных и даже кажущихся невозможными вариантов, которая аккумулируется в микротенденциях – незаметных первоначально и вроде бы незначительных изменениях стиля, образа жизни отдельных людей или небольших групп, по тем или иным причинам приобретающих неожиданное влияние. Для примера можно привести влияние диссидентов на всю жизнь России во второй половине 80-х – первой половине 90-х годов XX века. Малочисленное, не имевшее, как казалось, никаких ресурсов политическое подполье более чем на десятилетие стало определять собою развитие страны. Подобные микрогруппы существуют не только внутри государств или иных организованных сообществ. Современные средства информации (в частности, Интернет) способны создавать интернациональные общности, способные изменить экономические, политические и культурные тенденции. Конечно, реальное влияние блоггеров или участников социальных сетей пока что невелико, но ничтожным его назвать уже нельзя. Неважно, каковы их предпочтения, но найти среди более чем миллиарда пользователей Интернета несколько сот тысяч сторонников под любую идею, сколь безумной она не казалась бы, уже вполне реально [3]. Единственным препятствием являются в этом, пожалуй, языковые барьеры, но высота этих

барьеров при активном распространении международного английского языка с каждым поколением снижается. М. Дж. Пенн и Кинни Э. Залесн утверждают, что если бы Бен Ладену удалось склонить на свою сторону лишь 1 % мусульманского населения мира, в его распоряжении оказалось бы не менее 10 миллионов террористов, с которыми международному сообществу вряд ли удалось бы справиться [2, с. 17].

Появление и распространение метросексуалов и других социальных микрогрупп как раз относится к микротенденции. Автор этого термина и следующие по его стопам журналисты считают явление метросексуальности новым, относят его появление к 80-м и даже 90-м гг. XX века, то есть исключительно к «обществу потребления» [4]. На самом деле прототипов современных метросексуалов можно найти не в 70-х гг. XX века, как это считает М. Симпсон, а значительно раньше. Метросексуальность в мужской культуре имеет очень глубокие корни, под разными названиями она присутствует в различных сообществах с мифологических времен.

При желании истоком этого явления можно считать известный по греческой мифологии нарциссизм. Вот и М. Симпсон полагает, что концептуальной основой метросексуальности является нарциссизм, точнее, тот его вариант, который описан З. Фрейдом. Он первоначально рассматривал нарциссизм как признак гомосексуального выбора. Возможно, по этой причине довольно долго метросексуализм ассоциировался с гомосексуализмом. Но позже рамки употребления этого термина расширяются, и в специальном исследовании, оставляя нарциссизм в области либидональных влечений, З. Фрейд рассматривает нарциссизм как своего рода резервуар для разгрузки либидоносного «Я», если объектная разгрузка по какой-либо причине невозможна [5]. Дальнейшие интерпретации фрейдовского понятия нарциссизма различаются существенно. Ж. Лакан трактует это понятие преимущественно в рамках психоаналитического опыта как интериоризацию межсубъектных отношений [6]. Э. Фромм, описывая разные формы нарциссизма, настаивает на социокультурном его характере, не только индивидуальный, но и групповой, и даже общественный нарциссизм [7]. Явление нарциссизма, приобретая разнообразные формы, находится в фокусе внимания исследователей не одно десятилетие.

С этой точки зрения метросексуальность может быть представлена как нарциссизм той части мужчин в современном обществе, которые называются «профессиональными потребителями». Обычный образ метросексуала – молодой или относительно молодой мужчина, житель большого города, озабоченный своей внешностью и внешним видом, сосредоточенный на своих проблемах и рассматривающий внешний мир исключительно как среду собственного благоприятного, но чаще неблагоприятного обитания. Прыщик на носу для него является вполне подходящим поводом для ненависти ко всему миру и сетований на несправедливость последнего.

К отличительным чертам метросексуала относят не только его склонность к любованию собой, заботу о внешнем облике, но и определенный набор психологических характеристик. Метросексуал чувствителен до сентиментальности и не стесняется подчеркивать свою эмоциональность. В этом отношении он своего рода оппонент идеалу настоящего мужчины, сформированного культурой Нового времени – сдержанного, немногословного, рационального. В соединении с образованием и воспитанием такой мужчина являет собой образ джентльмена, без образования и воспитания, но обязательно подчеркивающий свою мужественность – это мачо. Мачо и джентльмен – основные мужские типы в европейской культуре, имеющие позитивные характеристики, являвшиеся долгое время образцами для подражания. К прототипам метросексуала в традиционной маскулинной культуре отношение было в целом нейтральное или позитивное, но с легким (иногда не очень) оттенком снисходительного пренебрежения. Таковы светский лев или денди: мужской типаж, превосходно отображенный в европейской художественной литературе XIX века. Феномен дендизма хорошо исследован О. Вайнштейн [8–11]. Сами метросексуалы любят ассоциировать себя с денди, и, конечно же, нетрудно заметить между ними нечто общее. Но более глубокое рассмотрение этого вопроса заставляет сосредоточить внимание на существенных различиях дендизма и метросексуальности. Возможно, что метросексуальность действительно восходит к дендизму, однако природа современного мегаполиса – места обитания метросексуалов накладывает специфический отпечаток на это явление. Денди, столпом и идеальным образцом которых принято

считать Оскара Уайльда, *создают* свой образ с нуля и в каждой жизненной ситуации заново. Их заботит собственная уникальность, в чем бы она не выражалась. Их поведение может быть сдержанным или нарочито эпатажным, они дистанцируются от самих себя, чтобы иметь возможность любоваться собственным отражением в зеркале других людей.

Метросексуалы отличаются от денди тем, что они *выбирают* уже готовые определенные знаки, модные брэнды, которые позволяют им чувствовать себя и быть на высоте потребительской волны. Второе, что отличает классического денди от метросексуала, это их классовая принадлежность. Денди принадлежали к аристократическим или, на худой конец, к буржуазным кругам и богеме. Нынешние метросексуалы не имеют определенной социальной принадлежности, могут принадлежать к любой группе, любому социальному слою, они не имеют укорененности в структуре общества и представляют собой скорее культурный, чем социальный тип. Между классическим денди и современным метросексуалом находится целый ряд промежуточных культурных типов: щеголи, франты, пижоны. Каждая европейская страна имеет национальные образчики, генетически сходные с метросексуалами. Английские нарциссисты и теды, свингующая молодежь в Германии, петиметры и инкройябли во Франции, франты, щеголи, пижоны и стилиаги в России.

Метросексуалов во многом формирует потребительский рынок, поставляющий не только модные товары и услуги, но и тот стиль жизни, который называется гламурным и всячески поддерживается средствами массовой информации – в этом согласны почти все исследователи. Происходит смещение интересов мужчин от производства к потреблению. Традиционно мужчина воспринимался как производитель, добытчик, тогда как женщина воспринималась в качестве потребительницы и растратчицы накопленных семейных и общественных ресурсов. Изменение классических ролей мужчин в экономике, прививание им интереса к тому, что называется шопингом, некоторая феминизация части современных мужчин, воспитываемых женщинами на всех стадиях своей жизни, создали условия для появления метросексуалов во всех слоях общества. Дополнительным условием здесь является достаточное количество денежных средств для обеспечения жизни по гламурным образцам. Современный рынок то-

варов наполнен товарами специально для мужчин, начиная от модных брендов в одежде, обуви и нижнем белье до дорогостоящих мужских игрушек – инструментов, специального оборудования, автомобилей, технических устройств. Разумеется, всеми этими предметами могут пользоваться и женщины, но предназначены они преимущественно для мужчин, что намеренно подчеркивается рекламой, о роли которой следует сказать несколько слов.

Реклама сегодня – это нечто большее, чем информация о товарах и приглашение приобрести их. Реклама во многом формирует образ жизни, образ мыслей, формы коммуникаций и мировоззрение масс людей. Реклама ориентирует нас не только в мире товаров и услуг, но и в мире экономики, политики, культуры. Мы точно знаем, что мы должны есть, пить, читать, какие фильмы и спектакли смотреть, на какие жизненные ценности ориентироваться, какие мысли высказывать. Постепенно реклама приобретает характер универсальной информационной системы, подобной мифу: она столь же безапелляционна в своих высказываниях, обладает изначально абсолютной истиной относительно того, что является номером один в любой области, нетерпима к нарушению ее права на истину и – это главное – обеспечивает полный спектр информационных услуг для того, чтобы быть «продвинутым членом общества».

В России наиболее заметным явлением, непосредственно примыкающим к метросексуалам, были стилиаги 1950–60-х годов – маргинальная группа молодежи, преследовавшаяся в СССР общественными и политическими организациями той поры по идеологическим мотивам. Интерес к стилиажеству был воскрешен недавно, благодаря фильму В. Тодоровского «Стилиаги». Стилиаги представляли собой группу молодых людей, жителей больших городов, которые ориентировались на культуру западных стран, преимущественно американскую. Примечательно, что в самой Америке это явление рассматривалось как исключительно русское или, по крайней мере, восточноевропейское, социалистическое. Стилиаги демонстрировали не столько пренебрежение к официально культивировавшимся ценностям социалистического образа жизни как осмысленную политическую позицию, сколько выражали недовольство вмешательством в частную жизнь, навязыванием единообразных стандартов поведения, мышления и стиля жизни. В западном образе жизни

стилягам виделась некая альтернатива тому, что пропагандировала, даже навязывала официальная идеология. По своему социальному составу к стилиагам относилось, главным образом, молодое поколение советской элиты, в среде которой понимание двойных стандартов советской морали и советского образа жизни секретом отнюдь не были. Мечты о новой красивой жизни воплощались в необычный, частью эпатажный вид молодых людей, придававших главное значение одежде, манере поведения и ценностям высокого стиля в понимании той поры. Термин «стилиага» семантически связан с понятием стилизации – копирования готовых стандартов. Советские стилиаги копировали то, что им казалось альтернативой суровой прозе послевоенных лет. Сами стилиаги называли себя «штатниками» или не называли никак, но, по всей видимости, скрытая семантика слова «стилиаги» точнее отражала суть явления. Стилиаги не были теми сплошь карикатурными персонажами, какими их рисовали фельетоны в сатирических изданиях. Их литературные и художественные вкусы, хоть и не отличались разнообразием, не были тупыми и примитивными. В кино – лучшие образцы западного кино: комедии и вестерны, бог весть как попадавшие иногда на экраны советских кинотеатров. В музыке – джаз, рок-н-ролл, композиции Дюка Эллингтона, Луи Армстронга, Бенни Гудмена. Как почти всякая субкультура, явление стилиажества было неоднозначным, что проявилось в его более поздних оценках. Но определенно можно сказать, что то восприятие стилиаг чуть ли не как врагов советской власти, государства и общества обязано не стилиагам. Так их воспринимали, описывали и оценивали партийные, комсомольские и советские органы власти. Стилиаги, которых смело можно назвать протометросексуалами, были защищающейся и более слабой стороной, которая использовала немногие доступные им средства. Для них была характерна внешне подчеркиваемая аполитичность, хотя не все они чуждались политики; нарочито вызывающие и обращающие на себя внимание одежда и поведение, групповая замкнутость, дистанцирование от официальных комсомольских мероприятий. Своего рода «расцвет стилиажества» относится к концу 1950-х годов. После фестиваля молодежи 1957 года это явление пошло на убыль, а затем и на спад. Во-первых, иностранная молодежь показала жителям больших горо-

дов разнообразие молодежных стилей жизни, не ограничивавшихся тем, на который ориентировались стилиаги; во-вторых, стилиажество как социокультурное явление в молодежной среде сменилось другими трендами: битломанией и хиппизмом, что к рассматриваемой теме отношение имеет лишь косвенное. Можно заметить, что с течением времени и при смене вех в культурных ориентациях отношение к стилиагам изменилось и довольно основательно. До 1990-х годов если стилиага появлялся на экране, на сцене, на литературных страницах, то, как правило, это был недалекий тип, озабоченный своим внешним видом, тунеядец, потенциальный предатель Родины, преклоняющийся перед всем иностранным, не понимая и не зная на самом деле ничего иностранного толком: ни языка, ни культуры, ни ментальных особенностей западного человека. В 1990-е годы и позже тон в отношении стилиаг изменился. Оказалось, что многие известные и уважаемые деятели отечественной культуры: Галина Волчек, Аркадий Арканов, Алексей Козлов не только были в свое время стилиагами, но и гордятся принадлежностью к миру стилиаг. Из «предателей Родины» стилиаги превратились в провозвестников нового мира, более свободного, раскованного и творческого. Апофеозом нового отношения к стилиажеству, реабилитацией этого явления и стал фильм «Стилиаги», в котором протометросексуал-стилиага представлен как свободный человек, ставший жертвой тоталитарного режима. Для этого есть несколько причин: смена политических и идеологических оценок нашего прошлого, более объективный и толерантный подход к явлениям культуры, общая тенденция развития российского общества по направлению к обществу потребления.

В 1970-е годы стилиаги сошли со сцены городской жизни и уступили первенство панкам, рокерам, металлистам и другим молодежным субкультурам, которые именовались «неформальными». Но в 2000-е годы о стилиагах заговорили вновь, они возродились под названием «метросексуалы» и уже не вызвали столь заметного отторжения от ткани городской культуры. Культура стала более терпимой к разнообразию; официальной идеологии, направленной на воспитание молодежи не было; мировые цивилизационные образцы стали доступными – каждый мог выбирать собственный облик и собственный стиль. Как бывает часто, метросексуальность появилась в быту много раньше,

чем была названа. Уже в 1970–80-е годы, это явление, пока еще не имевшее названия, встречалось, особенно в богемной среде. Достаточно вспомнить кружевные рубашки, длинные ухоженные волосы, бархатные пиджаки. Образцом и идеалом метросексуала этого времени можно считать певца и композитора Владимира Мигулю. Примерно в это же время начали меняться идеалы и герои, предназначенные для подражания: носители мужественных профессий и интеллектуалы 1950–60-х годов начали сменяться артистической и музыкальной богемой, а затем представителями шоу-бизнеса. Они существовали наряду с официальными героями нашего времени, укорененными в традиционном образе мужчины: космонавтами, полярниками, альпинистами, строителями коммунистического мира. Влияние первых постепенно повышалось, влияние вторых неуклонно падало. Новые законодатели моды диктовали повышенное внимание к внешнему виду: героем и образцом для подражания стал вечно юный, с ослепительной улыбкой, гладким телом, рельефной мускулатурой полумальчик-полумужчина, явивший собой альтернативу и хлещущим пиво братанам, и пропахшим дымом костров геологам и альпинистам.

Решающим фактором стала поддержка женщинами старого нового образа мужчины. Женщины устали от вечно занятого, запыленного, неопрятного, заросшего бородой или вечно отсутствующего для важных государственных дел мужчины. Поддержка женщин, по всей видимости, оказалась решающей в частной жизни, которая начала занимать все большее место в жизненном пространстве горожан. Современный город все меньше воспринимается как производственная зона, герои-горожане – не работники промышленных предприятий, а офисные работники. Уже несколько поколений на первое место в городе ставят рекреативные зоны, сам город воспринимается как непрерывное пространство праздника тела. Торговые центры, бутики, фитнес-центры, клубы, кафе и рестораны – места, где демонстрируется тело – вытесняют на периферию досуга библиотеки, театры, музеи, концертные залы, где приоритет отдается духу. Метросексуальность вышла из тени и вошла в моду.

Играя все более заметную роль в жизни современного города, становясь в нем богаче, самостоятельнее и сильнее, женщины конструируют и побуждают к жизни тот образ муж-

чины, которого им хотелось бы иметь рядом с собой: привлекательного, ухоженного, хорошо одетого. Мужской нарциссизм стал одним из модных и востребованных брэндов, мужчина-нарцисс не требует серьезного к себе отношения, он является необходимым публичным аксессуаром успешной женщины, при условии нормального нарциссизма [7]. При случае метросексуал выполняет и функции подружки при выборе нарядов, косметики и парфюмерии, с ним можно делиться информацией и впечатлениями о посещении модных местечек в городе, он разбирается в кухне и винах. Он как бы дополняет привычный женский взгляд, побуждая женщину видеть себя глазами мужчины, но без слишком откровенного желания присвоить женщину как вещь. Метросексуализм является собой поведенческий и духовный унисекс, ролевое и функциональное сближение полов, характерное для современной городской культуры. Недаром одно из определений метросексуала: «мужчина-натурал, не подавляющий в себе женское начало». В этом смысле метросексуал воспринимается женщинами как наиболее удобный, привлекательный, необременительный и толерантный партнер в жизни, опять-таки при условии, что его метросексуализм не переходит границ, установленных женщиной.

Широко распространено мнение, что духовный мир мужчины-метросексуала ограничивается чтением мужских журналов, знанием модных брэндов в одежде, косметике, кухне и напитках. Но это неверно. Многие метросексуалы ничуть не хуже разбираются в литературе, музыке, кино, театре, они являются наиболее многочисленными потребителями и знатоками культурного продукта. Вкусы их в этой области часто изысканны, они не представляют собой массового читателя или зрителя. Духовная брэндовость для метросексуала ничуть не менее важна, чем модный галстук или запах их туалетной воды. Часто метросексуалы представляют собой наиболее продвинутых в культурном отношении городских жителей-мужчин, и этим они схожи с такими группами, как интеллигенты и интеллектуалы. У интеллигента, интеллектуала и метросексуала действительно много общего: как правило, высшее образование, высокая культура, включая культуру поведения, часто ухоженная внешность. Но различать эти группы необходимо, они совпадают не полностью, между ними больше различий, чем сходства.

Интеллигенты и интеллектуалы – люди, значительно более свободные в выработке поведенческих и жизненных особенностей. Выработка стиля жизни для них является побочным и непрограммируемым продуктом их деятельности, специального внимания его выработке они не уделяют. Метросексуал при всей своей стилизованности не имеет стиля, выработанного самостоятельно, он пристально следит за модой, во всем следует ей. Если же он создает моду, то такую, которой следуют другие. Внешний вид метросексуала – его публичный капитал, который должен приносить дивиденды в виде популярности, узнаваемости, желания подражать. Одним словом, метросексуал – это публичный мужчина.

Для интеллигента и интеллектуала принципиально важной является работа и карьера, которая определяет его социальный статус; для метросексуала социальный статус не имеет большого значения, как не имеет определяющего значения уровень дохода: он может быть средним. Вообще, с точки зрения метросексуала, социальный статус определяется не уровнем дохода, занимаемым в обществе местом или престижностью профессии, а тем, сколько человек готов потратить на себя, хотя вот среди совсем бедных людей метросексуалы почти не встречаются, любовь к себе требует немалых средств. Поэтому метросексуал даже при довольно скромных доходах может тратить на себя намного больше, чем люди с более высоким достатком. Его больше заботит, как он выглядит и что он может себе позволить.

Психологически мужчины-метросексуалы не очень эмоционально устойчивы, склонны к перепадам настроения и даже к мужским истерикам. Они неплохо чувствуют себя при решении конкретных проблем, в том числе бытовых, но пасуют, когда надо принять серьезное решение. Вряд ли в их числе можно встретить людей, которым приходится заниматься напряженной интеллектуальной деятельностью, они не имеют к ней склонности. Эмоциональность не мешает им интуитивно чувствовать ситуацию и выбирать в ней наиболее для себя комфортную линию поведения. Они не боятся показаться слабыми, иногда в сугубо практических целях акцентируют собственные слабости, добиваясь помощи и поддержки извне. У метросексуала отсутствует чувство коллективизма, нет тяги к власти, но к манипулированию он склонен. Это делает и его самого подвержен-

ным манипуляциям. До некоторой степени можно утверждать, что метросексуал сам есть произведение манипулятивных техник. В данном случае имеются в виду техники маркетинга, направленные на создание идеального потребителя. В данном случае эти техники, формируя заметную и влиятельную группу потенциальных и реальных покупателей, демонстрируют свои большие возможности,

В развитие мысли о том, что метросексуал есть продукт общества потребления, существует предположение, что метросексуальность не является социокультурным явлением, а представляет собой не что иное, как удачный маркетинговый ход. Такая позиция, в частности, выражена Питером Хименом, автором сборника эссе «Метросексуал поневоле: попытка убежать от жизненных невзгод» [12]. Хотя сборник и юмористический, он подмечает некоторые важные особенности метросексуальности как социального явления. П. Химен утверждает, что метросексуальность не создала ничего нового, но нашла более эффективный способ продавать дорогую косметику. Кроме того, это попытка сыграть на старом и хорошо известном принципе продвижения продукции, предварительно создав у потенциального клиента чувство тревожности от своей «несостоятельности» и предложив избавиться от этого чувства с помощью «чудодейственных средств». Способ, очень хорошо описанный О. де Бальзаком в повести «История величия и падения Цезаря Бирото» [13]. Что-то похожее есть в повести Патрика Зюскинда «Парфюмер», если не рассматривать ее исключительно как триллер.

Влияние метросексуальности не ограничивается исключительно сферой потребления, хотя в этой сфере наиболее заметно. Но если исходить из общей характеристики нашего общества как потребительского, а именно таковым оно не только определяется, но и убедительно аргументируется [14], легко предположить что идеология гламура выходит за пределы потребительской корзины и влияет на общий стиль жизни.

Образцы этого стиля задаются средствами аудиовизуальной информации, в первую очередь телевидением, где пропаганда успешной и беззаботной жизни, в которой главной жизненной проблемой является правильный выбор шампуня, зубной пасты, сорта кофе и рингтона мобильного телефона, ведется всеми средствами: рекламой, сериалами, популярными ток-

шоу и т. д. Второй подпитывающий слой метросексуализма – набор наиболее популярных профессий нашего времени: актеры, шоумены, спортсмены, телеведущие, модельеры, топ-модели, офисные и банковские служащие, юристы, поп-звезды, дизайнеры. Их представления о достойной и красивой жизни формируют массовые представления, они являются образцами для подражания. Таким образом, метросексуалы – не только группа более или менее молодых мужчин (и женщин, если иметь в виду женский метросексуализм), целью которых являются они сами, доминирующим чувством – любовь к себе, реализацией этого чувства – тщательный уход за своим телом, культурной программой – быть в курсе всего, что актуально, модно и трендово. Метросексуалы имеют и культурную функцию – задавать образцы поведения и внешности, быть объектом критики, насмешек и подражания, словом, быть культурным объектом и в каком-то смысле даже произведением искусства работы над собой. При желании можно найти и другие социокультурные функции метросексуалов, но указанная представляется автору главной. Наиболее внешне привлекательной чертой этой группы при всей их зависимости от модных тенденций, которые частично они и создают, является их выраженная раскрепощенность, принимаемая часто за свободу, хотя между свободой и раскрепощенностью есть существенная разница. Свобода в большей степени означает особое состояние духа, тогда как раскрепощенность означает манеру поведения. Но внешним образом свобода и раскрепощенность проявляют себя очень даже сходным образом. Свобода, которую метросексуал тоже имеет или к которой стремится, ограничивается выбором между несколькими модными трендами; он вынужден постоянно следить за их сменой, чтобы не пропустить момента, когда модный продукт сменится супермодным, при этом не должен меняться общий образ метросексуала, который должен показывать включенность данного субъекта в сообщество себе подобных. Наиболее трудная задача – задача сочетания признаков включенности с демонстрацией собственной уникальности. Для этого приходится прибегать иногда к экзотическим средствам вроде утрированно яркой косметики Сергея Зверева или бульварной раскованности Андрея Малахова, точнее, их телеобразов. В обычной жизни, без аудитории, грима и парика вряд ли можно

узнать в невзрачных молодых людях скандальных и ярких персонажей телевизионных шоу.

Как всякий другой социальный тип, метросексуал формируется и выражает собой визуально воспринимаемую среду, в которой он органичен. В этой среде стираются различия между реальностью и виртуальностью, и метросексуальные персоны напоминают зализанных персонажей компьютерной графики с неопределенной сексуальной ориентацией. Вне этой среды, но оставаясь в образе и не будучи подключенными к каналу гламура, они часто производят впечатление странное, не соответствующее реальной жизни, поэтому иногда нелепое и даже смешное.

В российском мужском сообществе у метросексуала есть свои альтернативы. Во-первых, более традиционный и привычный тип мужчины – мачо: крепкого, мужественного, в принципе равнодушного к своей внешности, тем более одежде, из косметических средств признающих разве что зубную пасту, мыло и пену для бритья. Мачо брутален, он курит, пьет пиво, из всех запахов больше всего любит запах собственного пота, обожает футбол, хоккей и любит порассуждать о политике. К женщинам относится с плохо скрываемым пренебрежением и не готов мириться с женским засильем нигде, кроме кухни. Образ мачо актуален для многих российских мужчин, особенно в глубинке. В городах образ мачо ассоциируется с крепкими коротко стриженными парнями в кожанках, в начале 1990-х – с «малиновыми пиджаками» на внедорожниках. Этой среде близки немногочисленные идейные борцы с яркими красками, кудрями и мужским маникюром – наследники суровых комсомольско-пролетарских традиций. Их идейная платформа состоит в том, что метросексуалы – продукт западной культуры, Запад – безусловное и тотальное зло, поэтому с ними надо бороться до полного искоренения и желательно при поддержке общества и государства. В литературе для обозначения «мачо» иногда пользуются понятием «ретросексуал».

Распространенным и быстро увеличивающим свою численность типом являются уберсексуалы (юберсексуалы) или яппи. В сельской глубинке этот тип, если и встречается, то в единичных экземплярах, для города он достаточно ординарен. Уберсексуалы представляют собой гибрид метросексуала и мачо, заимствуя у тех и других наиболее привлекательные чер-

ты. Они не избегают модной одежды, знают толк в мужской косметике, следят за своим внешним видом, открыто эмоциональны, но не фетишизируют никакие свои особенности. В большей степени они озабочены своим социальным статусом и карьерой, сохраняют способность к принятию решений, склонны демонстрировать волю и силу духа. Как правило, они занимаются спортом, разбираются в технике, но не гнушаются и теми занятиями, которые считаются чисто женскими. Более того, многие из них имеют женские хобби: вышивание, ухаживание за домашними растениями или животными. Они не бывают в шоке, свои проблемы стараются решать самостоятельно и всегда готовы помочь другим, если это возможно. Они утонченны как метросексуалы и мужественны как мачо, они зарабатывают деньги и умеют их с толком потратить. К женщинам они относятся как к равноправным партнерам во всех отношениях, включая сексуальные. Трудно сказать, какова роль женщин в появлении и распространении подобного типа мужчин, но женщинам, пережившим период интереса к метросексуалам в начале 2000-х годов, этот тип сегодня кажется самым обольстительным. Рост женского влияния в городской культуре будет способствовать распространению именно этого типа мужчин, признающегося сегодня практически идеальным.

Наконец, в мужском населении наших городов обнаруживается один реликтовый тип: романтики, воспитанные на песнях Б. Окуджавы и Ю. Визбора. Это скромные инженеры, ученые, врачи, педагоги – все те, кого принято называть народной интеллигенцией. Возможно, реликтовость данного типа несколько преувеличена, в количественном выражении их не так уж мало, но заметного явления в городской культуре они собой не представляют. Их стихия – туристские походы, фестивали и концерты бардовской песни, байдарочные маршруты и т. п. Они также почти равнодушны к одежде, но она должна быть максимально комфортной. Стилевые особенности их одежды: опрятные свитер, джинсы, ветровка, по необходимости костюм, но без галстука. Минимум косметических средств, внимание к физическому здоровью, безразличие к успеху и деньгам как значимым целям. Смотрят спортивные передачи, боевики и старые советские фильмы про войну. В принципе почти равнодушны к большой политике, но о значимых событиях осведомлены очень хорошо. Главные ценности, которые они разделяют:

верность, дружба, любовь – все настоящее или кажущееся им таковым. В эти ценности они верят, очень остро переживают их отсутствие или недостаток.

Сегодня они не определяют собой стиль городской культуры, и, если можно говорить о каком-то влиянии этой категории мужчин на современный его облик, то оно слабо заметно в массе, хотя тип остается достаточно привлекательным для мужчин и женщин за 30.

Этот тип практически выключен из категории не только профессиональных потребителей, но и потенциальных потребителей как таковых, поэтому для маркетологов – штурманов общества потребления – не представляет интереса. Минимизация жизненных потребностей делает их непривлекательными для мегамашин потребления. По этой причине образ обычного человека интеллигентной профессии, так же как фигура идейно-пролетарского борца с метросексуализмом, отсутствует не только в рекламных роликах, но и в кинематографе, излюбленном героем которого сегодня является либо метро-, либо уберсексуал.

Естественно, что каждый конкретно взятый индивид редко представляет собой чистый тип. Обычно в нем сочетаются черты разных культурных микрогрупп, но не в одинаковой степени. Последнее обстоятельство позволяет более или менее отчетливо выделить «нозологические единицы» мужского населения больших городов и поставить общий диагноз состояния социально-культурной жизни.

Автор не берется утверждать, что ему удалось рассмотреть все типы мужского населения в современном большом городе, но даже попытка дать более или менее детальное представление об этом населении убеждает в том, что для исследования городской культуры не-

обходимо и полезно выделение в ней особых социокультурных групп, обладающих разными функциями, степенью влияния, распространенностью. Эти группы определяют облик наших городов, стиль жизни в них, иногда незаметно. Но, возвращаясь к мысли о микротенденциях, мы скажем, что не только глобальные тенденции имеют значение. Не меньшее влияние способны оказывать кажущиеся хаотическими и незначительными изменения в жизни города, а при определенных обстоятельствах они могут обратиться в ведущие и значимые стороны современной жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бодрийар, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийар. – М., 2007; Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. – М., 1996 и др.
2. Пенн, М. Дж. Микротенденции. Маленькие изменения, приводящие к большим переменам / М. Дж. Пенн, К. Э. Залесн. – М., 2009.
3. В конце 2008 года насчитывалось более чем 1,4 млрд пользователей Интернета // <http://www.antula.ru>
4. Симпсон, М. Знакомьтесь, метросексуал / М. Симпсон // Критическая масса. – 2004. – № 3.
5. Фрейд, З. К введению в нарциссизм / З. Фрейд // <http://www.bookssite.ru>
6. Лакан, Ж. Семинары. Кн. 1, 2 / Ж. Лакан. – М., 1998, 1999.
7. Фромм, Э. Душа человека / Э. Фромм. – М., 1992. – Гл. 4.
8. Вайнштейн, О. Денди: мода, литература, стиль жизни / О. Вайнштейн. – М., 2006.
9. Вайнштейн, О. Поэтика дендизма: литература и мода / О. Вайнштейн // Иностранная литература. – 2000. – № 3.
10. Вайнштейн, О. Три этюда о денди / О. Вайнштейн // Иностранная литература. – 2004. – № 6.
11. Вайнштейн, О. Зрительные игры XIX века: оптика английских денди / О. Вайнштейн // НЛЮ. – 2004. – № 70.
12. См. <http://www.porti.ru>.
13. Бальзак, О. де. Человеческая комедия / О. де Бальзак. – М., 1952. – Т. 8.
14. Бодрийар, Ж. Общество потребления / Ж. Бодрийар. – М., 2006.

УДК 316. 334. 3
ББК С 56.60.56

И. Ю. Ляпина, С. О. Лебедева

**ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ
СРЕДНЕГО РОССИЙСКОГО ГОРОДА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

**Волжский политехнический институт (филиал)
Волгоградского государственного технического университета**

E-mail: Irina-lyasina@mail.ru

В данной статье рассматриваются наиболее существенные факторы, оказывающие преимущественное влияние на формирование и динамику политической культуры населения среднего российского города в современных условиях. Авторы предприняли попытку создания методики оценки политической культуры населения для среднего российского города.

Ключевые слова: политическая культура, политическое сознание, политическое поведение, население, политический процесс.

I. Y. Lyasina, S. O. Lebedeva

**POLITICAL CULTURE DETERMINANTS OF THE POPULATION IN AN AVERAGE MODERN
RUSSIAN CITY**

**Volzhsy Polytechnical institute (branch) of
Volgograd State Technical University**

The paper deals with the most essential factors that make an impact on the dynamics of the political culture of the population in an average modern Russian city. The attempt to create political culture assessment methods has been made.

Keywords: political culture, political consciousness, political behaviour, population, political process.

Важнейшей характеристикой любой политической системы является состояние политической культуры ее населения, поскольку именно она детерминирует динамику множества политических процессов в обществе и, более того, перспективы развития той или иной страны. Особое влияние политическая культура, являясь органической частью политической системы общества, оказывает на такие политические процессы в нем, как: деятельность общественных организаций и движений; политическое участие граждан, формирование их политического сознания, во многом определяет нормы и ценности, доминирующие в политической практике общества.

Именно политическая культура и политическое сознание населения выступают теми субъективными характеристиками социально-политической динамики, исследование которых позволяет сформировать полное и всестороннее представление о большинстве процессов социально-политической жизни страны, являющихся, в свою очередь, важнейшими факторами проектирования (создания) самой политической системы. При этом любые изменения в политической системе общества отражаются на существенных сторонах политической культуры населения, ведут к смещениям в системе

ценностей, видоизменяют набор моделей политического поведения, репертуар возможных действий субъектов. Эти изменения способны со временем менять направленность развития и самой политической системы.

Особый интерес ученых вызывают политические системы тех стран, которые находятся на стадии реформирования и модернизации, поскольку в таких условиях происходят наиболее заметные изменения в важнейших компонентах политической культуры населения.

Современная российская политическая система в конце XX – начале XXI века демонстрирует незавершенность преобразований, начавшихся в постсоветский период, что, по мнению исследователей, отражается на политической культуре населения страны и вызывает повышенный интерес ученых.

На сегодняшний день в современной отечественной научной литературе существует множество подходов к изучению политической культуры России, так как само явление находится в сфере интересов нескольких научных дисциплин и исследуется на стыке наук. С одной стороны, наличие различных научных исследований, несомненно, обогащает багаж знаний о политической культуре, с другой стороны, создает трудности как с универсализацией

самого понятия, так и с характеристикой политической культуры населения в современной России и отдельных ее элементов [7, с. 8]. Многие исследования подвергаются серьезной критике и переоценке [5]. Обращая свое внимание на такую сложную дефиницию, как политическая культура, авторы предлагают понимать ее как ценностно-нормативную систему, воплощенную в политическом опыте, политических ценностях, ориентациях и навыках, детерминирующих политическую активности индивида и групп при достижении своих властно значимых целей.

Немаловажным является и тот факт, что сами исследователи являются носителями того или иного типа политической культуры с различными системами ценностей, идеологическими установками, взглядами на историческое наследие страны и значимость для ее развития отдельных эпох и событий. Все это не может не влиять на выбор исторических источников для анализа и аргументации, не лишает любую работу глубокого субъективизма.

Тем не менее большинство исследователей современной политической культуры России сходятся в понимании того, что политическая культура современного российского общества внутренне противоречива и гетерогенна. В ней одновременно сосуществуют множество субкультур, при этом они не только накладываются друг на друга, но и находятся в постоянном конфликте. Наиболее заметно, на взгляд авторов, противостояние между: элитарной (политической и партийной элиты, бюрократии) и массовой (рядовых граждан) субкультурами; субкультурами различных регионов с их не одинаковыми возможностями, ресурсной базой, особенностями социального и национального состава (особенно противостояние «центр – периферия»); авторитарной и демократической субкультурами (с противоположными системами ценностей и идеалов у их носителей); субкультурами различных поколений; национально-религиозными субкультурами.

Особенностью современного этапа развития политической культуры российского общества является, по мнению Н. А. Баранова, не столько разнообразие субкультур, сколько то, что значительное их число охвачено скрытой или явной борьбой, столкновением, что свидетельствует об отсутствии политического базового консенсуса и общенационального согласия. В свою очередь эти факторы создают разлад

между различными социальными группами и ставят под сомнение успешность реформирования общества, социальную и политическую стабильность в нем [1].

Все эти противоречия не могли не сформироваться на протяжении длительного и сложного исторического развития нашей страны и ее огромной территории. По этим же причинам преодоление существующих конфликтов в ближайшем будущем не представляется возможным, а в настоящем создает серьезные трудности для любых исследований как самой политической культуры России, так и отдельных ее элементов в национальном масштабе.

Среди основных характерных черт политической культуры населения современной России, исследователи выделяют следующие: персонализированное восприятие власти; подданническое отношение к ней; неверие в представительные органы власти, приоритет групповой справедливости перед принципами индивидуальной свободы; предрасположенность к конформизму; низкая заинтересованность граждан в политическом участии; правовой нигилизм; нетерпимость к другим мнениям, принципам; предрасположенность к силовым методам разрешения конфликтов, неприятие консенсусных технологий разрешения общественных проблем [7, с. 148–149].

Таким образом, политическая культура современной России пока представляет собой нечто противоречивое: в ней происходят одновременно процессы скрытой борьбы разнонаправленных политических тенденций, столкновение различных политических субкультур, трансформация ценностей политического сознания, что не дает политической культуре современной России выполнять свою роль инструмента консолидации общества путем преодоления конфронтации и поиска объединяющих начал.

По мнению авторов, все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что крупномасштабные всероссийские исследования политической культуры России в настоящий момент не могут быть достаточно информативны и достоверны, поэтому целесообразно, обратив внимание на исследовании локальных политических культур, например, таких, как политическая культура городского населения.

Как уже отмечалось, в российской науке существует множество подходов к изучению политической культуры, в том числе ее региональный аспект, представленный в работах

Н. Д. Козлова и Ч. К. Лажамаа [3, 4]. Изучение политической культуры населения города могло бы дополнить выводы таких исследований за счет более детального рассмотрения основных элементов и характеристик политической культуры горожан.

На взгляд авторов, такие исследования имеют сразу несколько преимуществ. Во-первых, большинство граждан современной России проживают в городах, что обуславливает доминирование политической культуры горожан в общенациональной политической культуре и дает возможность использовать результаты отдельных исследований в исследованиях всероссийского масштаба. Во-вторых, город как географическая единица имеет четкие границы, что позволяет легко определиться с территорией исследования и размером генеральной совокупности. В-третьих, каждый город имеет достаточное количество различных социально-демографических показателей: численность населения, его социальный и национальный состав, уровень занятости и другие, которые регулярно измеряются отделами городской статистики и отделами муниципалитетов. В-четвертых, в городе можно получить подробные, неформальные и эмоционально окрашенные личностные оценки старожилов и первооснователей, мнения различных экспертов, дающие огромный объем неофициальной информации, которой можно дополнить или проверить информацию, полученную из официальных источников. В-пятых, в городе как относительно локальном образовании легче исследовать динамические изменения в политическом сознании и поведении населения, связанные с реакцией городского социума на региональные или общероссийские преобразования.

С учетом того, что формирование политической культуры населения происходит под влиянием одновременно нескольких факторов, исследование политической культуры среднего российского города необходимо начинать с определения детерминант ее формирования и развития. Под средним российским городом имеется в виду город, имеющий наиболее общие и типичные характеристики для большинства российских городов с численностью населения в интервале 200–500 тысяч человек [2, с. 39].

Авторы считают, что на содержание и уровень развития современной политической культуры населения среднего российского города наиболее заметное влияние оказывают следующие группы детерминант:

1. Исторические характеристики города. История возникновения города, его возраст, этапы его строительства и развития, участие или не участие в общенациональных исторических событиях, закладывают основы создания особого сообщества «горожане», городского характера, задают первичную социальную структуры, а главное, формируют политический опыт и политическое сознание населения. Так, например, город Волжский Волгоградской области, как и многие города его возраста, возник благодаря строительству в первой половине 50-х годов XX века Волжской ГЭС, которая была объявлена комсомольско-молодежной стройкой. Во многом именно это определило гордость старших поколений волжан за свой город, а также сохраняющуюся длительное время приверженность коммунистическим идеям и традициям в электоральных предпочтениях.

2. Экономические характеристики города. Такие экономические показатели жизнедеятельности города, как занятость, уровень жизни, уровень безработицы, а также уровень развития промышленности, ее роль в инфраструктуре города в первую очередь оказывают влияние на уровень социальных ожиданий и настроений горожан, их социальное самочувствие. Именно экономическая жизнь города закладывает основы особой рабочей субкультуры, способствующей процессу политической социализации населения.

3. Социально-демографические характеристики. Особенности социальной структуры города, половозрастной состав, профессиональный состав, доля трудоспособного населения и другие, определяют профиль городского социума, специфику его внутригородской социальной мобильности, доминирование отдельных социальных групп, а также взаимоотношения между ними. Данная группа детерминант способствует формированию политических субкультур отдельных социальных групп, созданию коммуникативных связей между ними, а также развитию таких явлений, как политические мифы и слухи. Так, основа социальной структуры города Волжского была предопределена задачами строительства ГЭС, поэтому в город приезжали прежде всего представители строительных профессий. Последующее развитие города как города химиков и машиностроителей также отразилось на его социальном составе, в котором появились представители других профессиональных групп. Новые группы,

безусловно, обогащали социальный состав города, но в то же время их появление усложняло систему социальных связей и отношений между жителями.

4. Национально-этнические и религиозные характеристики, такие как национальный состав, присутствие различных религиозных групп, связи и отношения между ними, оказывают влияние на специфику межнациональных отношений в городском социуме, которые в современной России приобретают весьма заметную роль. В многонациональном городе Волжский представлены все религиозные конфессии, однако за последнее время выросла численность мусульманских групп, которые объединились в своем желании добиться у местных властей права на строительство городской мечети, что сразу же вызвало протест у превосходящих по численности христиан.

5. Географические характеристики. К данной группе необходимо отнести географическое положение города, его удаленность от центра страны, его местоположение в регионе относительно соседних городов, близость сельских территорий. Важны также специфика ландшафта (равнины, реки, горные массивы) и климатические особенности. Очевидно, что география города влияет на самосознание горожан, формирует некое сообщество «мы», относительно сообщества «они» (например, наиболее часто складывающееся противопоставление «мы» и «москвичи»); способствует позиционированию населения города относительно своего места в российском обществе, формирует отношение к населению других городов и регионов; позволяет ориентироваться в общероссийских, региональных и местных политических процессах.

Рассмотренная система детерминант политической культуры населения среднего российского города, по мнению авторов, может служить моделью для частных исследований. Однако при изучении политической культуры населения каждого конкретного города нельзя не учитывать его специфику. В современной России существуют города-агломерации, моногорода, военные городки, закрытые и приграничные города, а также исторические, культурные и промышленные центры. В интересах получения достоверных данных при изучении политической культуры населения города необходимо учитывать все его уникальные характеристики.

Необходимо отметить, что все выделенные детерминанты политической культуры город-

ского населения взаимодействуют друг с другом, их влияние взаимно переплетено. На разных этапах жизни города активизируется воздействие одних детерминант и снижается других. Однако только учет всех детерминант позволяет прогнозировать развитие и динамические изменения в политической культуре населения города. Так, на современном этапе развития России, как показывают результаты различных социологических исследований, преимущественное влияние на динамику политической культуры и политического сознания населения оказывают экономические и социально-демографические факторы [2, с. 53–136].

Авторы отдают себе отчет в том, что предложенная модель изучения политической культуры населения среднего российского города не является окончательной и нуждается в доработке. При дальнейшем изучении политической культуры населения города они намерены проверить свои теоретические выводы в прикладных социологических исследованиях.

В заключении следует отметить, что любые исследования политической культуры России имеют практическое значение для всех участников политического процесса, поскольку открывают скрытые механизмы политического сознания и поведения населения, а значит, делают их понятными и предсказуемыми.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баранов, Н. А. Политические отношения и политический процесс в современной России: курс лекций. В 3 ч. / Н. А. Баранов. – СПб.: БГТУ, 2004 // www.virmk.ru
2. Дулина, Н. В. Современный российский город: теория, методология и практика исследования: монография / Н. В. Дулина, Н. В. Кузнецова, С. О. Лебедева, В. В. Токарев. – Волгоград, 2004. – 180 с.
3. Козлов, Н. Д. Политические культуры регионов России: уравнение со многими неизвестными / Н. Д. Козлов // ПОЛИС. – 2008. – № 4. – С. 8–26.
4. Лажмаа, Ч. К. Политическая культура Тувы / Ч. К. Лажмаа // ПОЛИС. – 2008. – № 4. – С. 48–54.
5. Лукин, А. В. Мифы о российской политической культуре и российская история / А. В. Лукин, П. В. Лукин // ПОЛИС. – 2009. – № 1. – С. 56–70.
6. Лукин, А. В. Мифы о российской политической культуре и российская история / А. В. Лукин, П. В. Лукин // ПОЛИС. – 2009. – № 2. – С. 147–162.
7. Малинова, О. Ю. «Политическая культура» в российском научном и публичном дискурсе / О. Ю. Малинова // ПОЛИС. – 2006. – № 5. – С. 106–128.
8. Пикалов, Г. А. Теория политической культуры: учебное пособие / Г. А. Пикалов. – СПб. 2004.
8. Стрежнева, М. В. Политическая культура в различных интерпретациях: анализ специального понятия / М. В. Стрежнева // Общественные науки и современность. – 2002. – № 5. – С. 141–155.

УДК 008:1-027.21
ББК 71.05

Ю. В. Кирбаба

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИМОРФИЗМА КУЛЬТУРЫ

Астраханский государственный технический университет

E-mail: kirbaba@mail.ru

В статье рассматривается феномен полиморфизма (многообразия) культуры. Дается обзор существующих подходов к данному феномену: социологический, искусствоведческий, системный. На основе системного подхода строится модель полиморфизма культуры, включающая в себя метауровень языка (элементов) культуры и метауровень субъектов культуры. Метауровень языка культуры рассматривается по отношению к трем сферам культуры: жизненной, художественной и интеллектуальной (духовной).

Ключевые слова: полиморфизм (многообразие) культуры, системный подход, язык культуры, субъекты культуры, модель.

Y. V. Kirbaba

THE MAIN CHARACTERISTICS OF CULTURE POLYMORPHISM

Astrakhan state technical university

The phenomenon of culture polymorphism (diversity) is considered. The existing approaches to this phenomenon such as sociological, artistic and systemic are analyzed. On the basis of systemic approach the model of culture polymorphism is built; it comprises a metalevel of culture language (elements) and a metalevel of culture subjects. The metalevel of culture language is examined in respect of three culture spheres: living, artistic and intellectual (mental).

Keywords: culture polymorphism (diversity), systemic approach, culture language, culture subjects, model.

В научной литературе и обыденном сознании представление о многообразии культур (полиморфизме культуры) в первую очередь ассоциируется с множественностью национальных и этнических сообществ. Культурное многообразие как явление безусловно признается (и приветствуется) культурологией, являясь базовой идеей для этой науки: культурология изначально строится на признании множественности культур, их равноценности и значимости. В то же время феномен культурного многообразия достаточно редко становится объектом изучения исследователей. У данного понятия нет строго очерченного содержания, а теория разнообразия представлена отдельными научными трудами, но не комплексом таких трудов.

Представляется уместным расширить содержание понятия «полиморфизм культуры» за счет включения в него представлений о многообразии языка культуры и механизмов культурной динамики.

В известной энциклопедии «Культурология. XX век» представлено следующее определение термина «полиморфизм культуры», данное Б. С. Ерасовым: «множественность форм культуры, многообразие; чем сложнее общество, тем значительнее дифференциация присущих ему ценностей, что создает полиморфизм культуры, не сводимый к каким-либо однозначным характеристикам. Это многообразие имеет не-

сколько источников: социальная разнородность общества (элита – народ: дворянство; духовенство; крестьяне; город; деревня и т. д.), соответственно и его культурное разнообразие; различие в содержании каждого социокультурного компонента (разные элиты, разные этнические группы, конфессии, страты и т. д.); функциональное различие ценностей по уровням и сферам» [1, с. 123]. Как видно, многообразие культуры рассматривается здесь по преимуществу с социологических позиций. Б. С. Ерасов определяет полиморфизм культуры через социальную и аксиологическую дифференциацию, источник многообразия усматривает в сложной социальной структуре и, соответственно, в разной ценностной ориентации социальных групп.

Социологический подход демонстрирует и коллективная монография «Цветущая сложность...», написанная под руководством К. Б. Соколова. Создатели монографии опираются на теорию субкультурной стратификации, в качестве основополагающего понятия выдвигают концепт «картина мира». В монографии рассмотрены некоторые субкультуры России и их художественные предпочтения [2].

Наряду с социологическими подходами к феномену полиморфизма культуры существует и взгляд, основанный на системной методологии. Так, информационный подход разработан в монографии Г. В. Иванченко «Принцип необходимого разнообразия в культуре и в искусст-

ве» [3]: отталкиваясь от закона необходимого разнообразия У. Р. Эшби, автор анализирует процессы восприятия искусства. Показательно, что и в монографии «Цветущая сложность...», и в монографии Г. В. Иванченко анализируется именно художественная культура, поскольку она особенно наглядно демонстрирует принцип разнообразия.

О разнообразии и его роли в глобальном эволюционном развитии рассуждает и автор нескольких монографий, посвященных проблемам цивилизационных кризисов, – А. П. Назаретян (см., например, [4]). Автор указывает на позитивную роль разнообразия в глобальной эволюции: в моменты кризиса система получает возможность адаптации и дальнейшего спасительного усложнения именно за счет привлечения средств избыточного разнообразия, накопленного за время предшествующего развития. Однако подчеркивается, что разнообразие не может иметь бесконечный рост, оно должно сдерживаться, так как чрезмерное обилие элементов в системе приводит ее к хаосу. В связи с этим А. П. Назаретян говорит о законе иерархических компенсаций, разработанном специалистом по теории информации Е. А. Седовым: «рост разнообразия на верхнем уровне иерархической организации обеспечивается ограничением разнообразия на предыдущих уровнях, и наоборот – рост разнообразия на нижнем уровне разрушает верхний слой организации» [4, с. 225].

Будем исходить из предположения, что полиморфизм культуры имеет универсальный характер и может рассматриваться как имманентное свойство культуры. Подтверждением этого тезиса является упомянутый выше принцип У. Р. Эшби: разнообразие управляющей системы должно быть не меньше разнообразия управляемого объекта, иными словами, разнообразие элементов в системе является залогом ее жизнеспособности и возрастает по мере усложнения системы. Культура, будучи вписанной в систему более высокого порядка (в качестве такового выступает бытие или Универсум (культура как этап глобальной эволюции)), демонстрирует разнообразие более высокое, нежели, например, разнообразие биологическое. Сама же культура, будучи сложной системой, также имеет иерархическую структуру и, следовательно, необходимое многообразие элементов существует на всех ее иерархических уровнях. Из этой посылки и вытекает версия

об иерархическом характере полиморфизма культуры.

Рассмотрение этой версии (по сути, модели полиморфизма культуры) следует начать с ее нижних этажей, лежащих за пределами действия социальных факторов. Отказываясь от такого критерия дифференциации, как принадлежность социальной группе, происходит спуск на уровень собственно культуры, то есть обращение к ее языку, к присущим ей механизмам, технологиям и имманентным процессам.

В качестве базового или элементарного уровня культурного полиморфизма следует выделить *уровень артефактов культуры*. Это – уровень продуктов культурогенеза, уровень, по понятным причинам максимально трудно поддающийся систематизации: принцип различия в данном случае преобладает над принципом сходства. Следует подчеркнуть, что артефакт рассматривается не только в его материальном модусе, но и в семантическом (идеационном) (значения, смыслы, ценности). А. Д. Арманд в коллективной монографии «Анатомия кризисов», пользуясь методом аналогии, вводит представление о таксонах культуры, то есть об определенных классах, видах культурных инноваций. Согласно произведенным им подсчетам, скорость возникновения таксонов и, соответственно, их количество на протяжении исторического времени непрерывно возрастают [5].

Второй уровень – *уровень культурных паттернов*, норм, образцов. Чаще всего в культурологии нормы культуры рассматриваются в контексте социальных отношений: это, согласно ряду авторов (термин «паттерны культуры» в значении «образцы поведения» использовали в своих трудах Р. Бенедикт, А. Кребер и К. Клакхон), прежде всего нормы поведения и морально-правовые регулятивы. В то же время каноны (паттерны) играют важнейшую роль в эстетической деятельности, в качестве нормативов выступают и обрядово-ритуальные формы в духовной жизни человека. Паттерны являются важнейшими точками в функционировании культуры, придавая ей необходимую стабильность.

Третий уровень культурного полиморфизма включает артефакты и паттерны в более *сложные комплексные соединения (кластеры, программы)*. На данном этапе можно говорить уже не об отдельных артефактах или образцах, но о более сложных, комплексных структурах, раз-

визуализирующихся во времени и выполняющих, как и в случае культурных паттернов, роль механизмов и регулятивов или своего рода программных продуктов, направляющих развитие культуры.

Рассмотренная выше лестница полиморфизма, включающая в себя уровни артефактов, паттернов и программ, может быть названа метауровнем языка (элементов) культуры. По мнению автора, на данном метауровне необходимо ввести дополнительные корреляты, таковыми являются представления о сферах культуры, а именно о жизненной, художественной и интеллектуальной (духовной) сферах культуры. Жизненная культура охватывает события как микро-, так и макроистории, то есть как самые малопримечательные, так и выдающиеся события обыденной, исторической и политической жизни. Художественная культура объединяет собой сферу искусства. Интеллектуальная (духовная) культура включает в себя сферу науки, философии, религии. Подобная дифференциация была предложена доцентом Л. Б. Шамшиным в ходе его лекций по дисциплине «Культура XX века», прослушанных автором в июне 2008 года на кафедре культурологии Института повышения квалификации МГУ им. М. В. Ломоносова.

Многообразие демонстрируется во всех трех сферах культуры. В сфере жизненной культуры уровень паттерна представлен, например, *обычаем, ритуалом*, а *традиция* выступает своего рода программой; в художественной – системные связи демонстрируют *жанр* (паттерн) и *художественный стиль* (программа); в интеллектуальной (наука) – *теория* (паттерн) и *парадигма* (программа). Уровень артефактов здесь не рассматривается.

Тем не менее при характеристиках полиморфизма культуры по-прежнему важным критерием дифференциации остается социальный.

Выстаивая предложенную модель далее, следует рассмотреть полиморфизм культуры, исходя из многообразия (коллективных) субъектов культуры (метауровень субъектов культуры). Не забывая о сложностях классификации социальных групп, памятуя о настоящих битвах, которые разыгрываются в этнологии, предлагается следующая картина:

- уровень профессиональных, молодежных и иных неэтнических субкультур (профессиональных, возрастных);
- уровень этнических и национальных культур;
- уровень супер-этносов и цивилизаций.

Как любая классификация, предложенная выше модель полиморфизма культуры страдает определенным редуционизмом, кроме того, она имеет самый предварительный характер. Однако, по мнению автора, более скрупулезная разработка данной модели может принести немало интересных находок и помочь в понимании такого феномена, как многообразие культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Культурология. XX век: энциклопедия/ редкол.: Ж. М. Арутюнова [и др.]; гл. ред. С. Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, 1998. – Т. 2: М-Я. – 446 с.
2. Цветущая сложность: Многообразие картин мира и художественных предпочтений субкультур и этносов: [коллектив. моногр.] / Т. М. Афасижев, Бояджиева, Г. А. Голицын [и др.]; ред.-сост. П. Ю. Чернозитов / М-во культуры Рос. Федерации. Гос. ин-т искусствознания. – СПб.: Алетей, 2004. – 543 с.
3. Иванченко, Г. В. Принцип необходимого разнообразия в культуре и искусстве / Г. В. Иванченко / Междунар. ассоц. эмпирич. эстетики (рус. отд-ние) – Таганрог: Изд-во ТРТУ, 1999. – 206 с.
4. Назаретян, А. П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории: (синергетика – психология – прогнозирование): пособие для вузов / А. П. Назаретян. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Мир, 2004 – 365 с.
5. Арманд, А. Д. Анатомия кризисов / А. Д. Арманд, Д. И. Люри, В. В. Жерихин и др. – М.: Наука, 1999. – С. 83–106.

УДК 0.00(008) (045)
ББК Ч 21 Р691

Ю. В. Романенкова

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В ПОЛЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

(г. Киев, Украина)

E-mail: romanenkova@voliacable.com

Статья посвящена роли российской культуры в современном украинском социуме, статусу русского языка в Украине, проблемам изучения русской культуры в системе высшего образования Украины, отношению русских как национального меньшинства с титульным населением страны.

Ключевые слова: русский язык, культура, национальное меньшинство, образование, современное общество.

J. V. Romanenkova

RUSSIAN CULTURE IN POST-SOVIET SPACE

Institute of Problems on Contemporary Art of Academy of Arts of Ukraine

This material is devoted to the role of Russian culture in modern Ukrainian sociume, to the status of Russian language in Ukraine, to the problems of studying of Russian culture in higher educational establishments of Ukraine, to the relations of Russians as a national minority with the native population of country these days.

Keywords: Russian language, culture, national minority, education, modern society.

Место и роль русской культуры в современном культурном пространстве сегодняшней Украины, права русской общины на ее территории, статус русского языка в украинском социуме – предметы наиболее острых и жестких дискуссий. Права не только русских как национального меньшинства, но и русскоговорящей части населения Украины обсуждаются все чаще и давно стали объектом политических спекуляций и особенно актуализируются во время предвыборных компаний. На территории нынешней Украины русские являют собой самую большую из русских общин, которые проживают за пределами Российской Федерации, это более трех четвертей всех национальных меньшинств страны, крупнейшее из национальных меньшинств государств Европы. Очень много русских сосредоточено в АР Крым, в Донецке, Луганске, Харькове, Днепрпетровске, Одессе, Запорожье. Меньше этнических русских в Киеве, Николаеве, Херсоне, Полтаве, Сумах, и уже совсем немного, например, в Тернополе или Львове [7]. Носителей русского языка на территории Украины тоже очень много. Тем более, что очень значителен процент тех, кого нельзя причислить к русским по этническому признаку, но кто тоже является носителем русского языка и считает его родным. Например, в Крыму по данным социологических опросов всего двухлетней давности более чем 95 % населения придерживаются этого мнения. Учитывая очень большое количество русских, проживающих на территории Украины, актуализация

вопросов о правах русского населения (или русского нацменьшинства – статус, к которому до сих пор, не смотря на почти двадцать лет независимости Украины, далеко не все, особенно представители старшего поколения, могут привыкнуть), о статусе русского языка вполне правомерна. Каждое из нацменьшинств в Украине имеет свое общество, общину, деятельность которой и направлена на то, чтобы популяризовать национальные традиции, сохранять язык, проводить фольклорные фестивали, выпускать в свет издания на родном языке, приобщать подрастающее поколение к своей истории, не допуская процесса полной ассимиляции. Правда, эти общества всегла сталкиваются с массой трудностей, прежде всего, как это ни прискорбно признать, банально финансового характера: государственное финансирование кинофестивалей, изданий культурологической или исторической направленности, художественных выставок не предусмотрено, чаще всего это происходит благодаря меценатам, частным лицам, заинтересованным в сохранении локальных очагов той или иной культуры. Если нацменьшинство довольно многочисленно, учитывая большую территорию страны, даже в рамках одного города может существовать и несколько обществ, иногда конкурирующих между собой в благом деле популяризации своих традиций. Так, например, греческих обществ только в Киеве действует два. Наиболее яркое мероприятие, в рамках которого можно познакомиться с национальной кухней, историей костюма, му-

зыккой того или иного этноса – фестиваль «Фольклорама», который проходит летом каждого года в Киеве, в Государственном музее народной архитектуры и быта «Пирогово». Там обычно представлено большинство обществ, можно завязать контакты и стать членом той или иной общины. Причем, чистота рядов соблюдается крайне редко – для того, чтобы стать членом армянского или греческого общества Украины, не обязательно быть этническим армянином или греком или даже знать армянский или владеть греческим. Вполне достаточно просто проявлять интерес к этой культуре, а этнический признак не всегда принимается во внимание.

Учитывая большое количество русских, в Украине действует несколько русских обществ. Наиболее значительные из организаций такой направленности – Всеукраинское общество русской культуры «Русь», Фонд поддержки русской культуры в Украине, Всеукраинское национальное культурно-просветительское общество «Русское собрание» [4]. Русские общества Украины проводят активную культурную деятельность. Например, в 2005 году Всеукраинское культурно-просветительское общество «Русское собрание» провело конференцию на тему «Русская культура: толерантность межнациональных отношений в Украине на современном этапе», в том же году украинское общество русской культуры «Русь» порадовало Всеукраинской конференцией «Русская культура в регионах Украины» и т. д. [8].

И Законодательство Украины призвано защищать права как русского населения, так и представителей иных нацменьшинств, для которых русский язык является родным, что обусловлено существованием соответствующих законов, многочисленных документов – «Закона о национальных меньшинствах Украины», определенных статей в Конституции страны (например, статья 10) и т. п., не говоря уже о том, что защита русского языка предусмотрена и «Европейской хартией региональных языков или языков меньшинств», которая *должна* соблюдаться и в Украине. Во многих интервью политики, включая и высший эшелон власти, и оппозицию, нередко высказываются за придание русскому языку статуса второго государственного, снимают шляпу перед мощным пластом русского культурного наследия. Но все это аверс медали, и выглядит он довольно привлекательно, в то время как есть и реверс.

В сегодняшнем украинском социуме особенно обострилась грань между *imitare* и *ritrarre*, как писали итальянцы Чинквеченто, то есть слишком велика разница между тем, как человек воспринимает мир вокруг себя, и тем, как его *должно* воспринимать, разница между идеальным и реальным. В обществе быстрыми темпами нарастает межнациональная рознь, хотя проблема и является в большинстве случаев искусственной, результатом действия пропагандистской литературы и телепередач на неокрепшие умы преимущественно подрастающего поколения. Но как раз в этом и кроется основная опасность: неприятие русской культуры и русского языка значительной частью молодежи Украины объясняется прежде всего незнанием, полной некомпетентностью в этой сфере. Русский язык в подавляющем большинстве школ в последние годы либо не преподается вообще, либо на него отводится абсурдно малое количество академических часов, русская литература преподается в цикле зарубежной, и учебные программы крайне скупы; во многих городах русские школы закрываются. А как можно вырастить грамотное, толерантное поколение при подобной его изоляции от мощнейшего пласта культуры? Проблема общих корней, исторический и культурный аспекты феномена Киевской Руси также трактуется весьма по-разному. Все чаще в словосочетании «Киевская Русь» смысловой акцент ставится на первом слове. Переписываюся учебники по истории, истории культуры, искусства, все больше обостряется проблема принадлежности России или Украине той или иной знаменитой личности. Творчество Н. Гоголя, В. Тропинина, И. Айвазовского, И. Репина рассматривается в контексте как русской, так и украинской культуры, причем не как принадлежащее в равной степени обеим державам, а ставшее яблоком раздора. Все чаще проявляется активность в вопросе реституции культурных ценностей, вернее, не активность, а агрессивность, часто подменяющая патриотизм. Наиболее скандальный оттенок приобрела история со знаменитыми рельефами, фресками и мозаиками Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве, часть из которых после взрыва храма в 1937 г. была вывезена в Москву и Санкт-Петербург. Украинские исследователи требуют вернуть утраченное как изъятые национальные ценности, проводят митинги, пишут обращения, взывают к правительству и прессе. Часть материа-

ла была в результате этих действий возвращена, но процесс продолжается. Только в этих пафосных обращениях и речах митингов редко озвучиваются факты о том, что именно московские и преимущественно петербургские реставраторы успели бережно снять часть мозаик и фресок со стен собора до того, как он взлетел на воздух, и спасли хотя бы толику произведений сакральной монументальной живописи XII в., что на тот момент было далеко не самым безопасным занятием, и именно этим людям мы ныне обязаны тем, что из этого храма хоть что-то уцелело. И забывается тот элементарный исторический факт о том, что не было на тот момент категорий «Украина» и «Россия», не было границ, был единый и могучий СССР, и обвинять нужно режим, не имевший национально-го окраса, иначе бы стоило все бремя вины взвалить и вовсе на Грузию – ведь именно ее плодородные земли подарили истории Сталина.

Свободное использование русского языка в Украине, несмотря на то, что оно обусловлено законодательством страны, стало практически невозможным во всех сферах. Произведения русской литературной классики на полках книжных магазинов стоят в разделе иностранной литературы, многое переводится на украинский язык, но спросом такая продукция практически не пользуется, за исключением тех регионов, где русских проживает мало, то есть преимущественно на западе страны. И прежде всего это ощутимо в сфере образования. Украинизация, ставшая тотальной, с одной стороны, вполне обоснована и также подкреплена законом: вся официальная документация, преподавание в школах и вузах должно вестись на государственном языке страны, это неоспоримо. Но так же должно и охраняться право на использование языков нацменьшинств, а статус русского языка в Конституции Украины прописан отдельно именно с учетом значительности количественного аспекта русского населения. Часть российских телеканалов была отключена, а указ о том, что вся телепродукция, все киноленты будут дублироваться на украинский язык, реанимировался уже не раз, и затея уже много раз терпела фиаско. Это элементарно экономически не обоснованно: дублирование обходится очень дорого, а дублированные, например, российские художественные фильмы на широких экранах страны привлекают во много раз меньше зрителей, поэтому серьезные убытки налицо. Пока что в этой проблеме пришлось

прийти к компромиссу, который можно расценивать и как медленное продвижение в процессе украинизации, но вряд ли оно будет иметь продолжение: согласно указу, дублируется на украинский вся кинопродукция зарубежного производства, кроме российской, а в этом случае предусмотрены титры на украинском языке. Но и этот указ часто нарушается – ведь нужно находить какое-то применение *уже* переведенным на украинский фильмам и телепередачам.

Так же дело обстоит и с театральными постановками. Перевод на украинский, например, «Евгения Онегина» не вызывает наплыва зрителей в Национальный театр Оперы и балета в Киеве, а в столичном Театре оперетты в основном репертуаре осталось буквально три спектакля, не перелицованные сообразно с требованиями времени на государственный язык, о чем провозглашают строчки в афишах под названием: «Спектакль идет на русском языке».

Ознакомление с русской культурой, без которой немисливо воспитание ни одного полноценного гражданина любой части постсоветского пространства, чрезвычайно осложнено этими и многими иными факторами. И опасность кроется в том, что поколение современных студентов, не говоря уже о школьниках, лишено этого пласта, а самостоятельное ознакомление с русским наследием становится все более проблематичным: далеко не каждому 17–20-летнему молодому человеку по карману поездка в Москву или Петербург на открытие «Пушкинских вечеров» или очередной эпихальной выставки в Государственном Эрмитаже, не говоря уже о наличии границы между двумя странами, которая является не только границей между Украиной и Россией, но и психологическим барьером для подростка, который не представляет себе в силу возраста, что когда-то было исторически, политически, экономически, психологически иначе. Остаются только элементы самообразования – чтение русской классики на языке оригинала.

Справедливости ради нужно заметить, что враждебность украинской части населения по отношению к русской и наоборот во многом является мифом, смоделированным искусственно, и далеко не во всех сферах приживаемся. Интеллигенция – поэты, художники, актеры – прогрессивна, их сознание «отформатировано» нормально, хотя, конечно, во многом это зависит и от возраста. Представители среднего и старшего поколения (от 40 лет и старше)

большей частью проповедают идею интернациональности культуры и искусственности границ, что вовсе не синонимично ностальгированию по тоталитарному советскому режиму. Но хуже обстоит ситуация как раз с молодым поколением, которому и строить общество, развивать страну: оно отрезано от части общей истории и лишено выбора. Но еще более вопиющим выглядит тот факт, что оно не просто само лишено выбора, выбор сделан за него. Не просто отсекается русская культура (крайне мало может сделать русская община, которая чаще всего держится на энтузиазме нескольких «блаженных от культуры»), но происходит подмена: общество американизируется, причем от американской культуры попадает только «культурная пересортица», то есть вступает в силу программа уничтожения одного путем замены его на другое, более слабое и низкопробное, не представляющее опасности для пласта локальной культуры. Культивируется идея исключительно украинского воспитания, но строится она на выборе между двумя абсолютно неравнозначными образцами – русским и американским. Поэтому вместо утверждения национальной идеи зачастую украинское культурное пространство просто получает статус территории борьбы двух начал, в результате которой вовсе не рождается третья. И начинается все с системы образования, уровень которого становится все ниже.

Да и чистоту русского языка тоже поддерживать становится все труднее. Для того, чтобы попрактиковаться в русском, как раньше в английском, нужно «оказаться в среде носителей языка», то есть выезжать на конференции, сим-

позиумы, семинары, посвященные проблемам нацменьшинств и их прав. В 2005 г. прошла международная научная конференция «Взаимодействие языков и культур: русский язык в культурно-коммуникативном пространстве новой Европы» в Риге, тогда же под Петербургом провели X Международную научную конференцию «Пушкинские чтения», в октябре 2009 г. провели VI Международную конференцию по культуре пограничья в Белостоке. Такие мероприятия проводятся довольно часто, поскольку научная элита прекрасно понимает опасность, кроющуюся в современной ситуации. И, конечно, события подобной направленности важны прежде всего в многонациональных государствах, где проблемы нацменьшинств особенно актуальны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Взаимодействие языков и культур: русский язык в культурно-коммуникативном пространстве новой Европы: сб. научн. ст. – Рига, 2005. – Вып. 1. – 476 с.
2. Лингвистические и методические аспекты системных отношений единиц языка и речи // Материалы X юбилейной международной научной конференции «Пушкинские чтения», 6 июня 2005 г. / сост и отв. ред. Н. Е. Синичкина. – СПб.: САГА, 2005. – 528 с.
3. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://federal.org.ua/content/deklaratsiya-prav-russkoi-kultury-v-ukraine>
4. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://podrobnosti.ua/society/2005/11/11/261101.html>
5. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.rusintercenter.org.ua/sitenews05.htm>
6. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.day.kiev.ua/85673/>
7. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.from-ua.com/politics/e62743796b72a.html>
8. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.rusintercenter.org.ua/sitenews05.htm>

УДК 37.013
ББК 74.04

О. В. Любимова

**КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА
СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Северо-Кавказский государственный технический университет

E-mail: ladybird2882@list.ru

Статья посвящена процессу смены образовательной парадигмы в современном российском образовании. Компетентностный подход рассматривается в качестве одной из методологических основ модернизации отечественного образования.

Ключевые слова: компетенция; компетентность; компетентностный подход; личностно-ориентированный подход; практикоориентированное образование.

O. V. Lyubimova

**COMPETENTIAL APPROACH AS METHODOLOGICAL BASIS OF
MODERN EDUCATION**

North Caucasus State Technical University

The article is devoted to the process of educational paradigm change in modern education in Russia. Competency building approach is considered as one of methodological backgrounds of Russian education modernization.

Keywords: competence; competency; competency building approach; learner-centered approach; practice oriented education.

В настоящее время в отечественной педагогике и образовании наметился определенный перелом, характеризующийся постепенной сменой образовательной парадигмы. В связи с парадигмальным обновлением высшего отечественного профессионального образования основное направление его развития заключается в «нахождении путей обеспечения деятельностной позиции в образовательном процессе, способствующих становлению опыта целостного системного видения профессиональной деятельности, системного действия в ней, компетентного решения новых проблем и задач» [8, с. 35]. В этом плане при обосновании новых парадигмальных основ российского профессионального образования в общем ряду современных методологических подходов актуализируется компетентностный подход.

Рассмотрение компетентностного подхода в качестве методологической основы современного профессионального образования требует ответа на ряд существенных вопросов, имеющих наиболее принципиальное значение. В ча-

стности, И. А. Зимняя сформулировала обозначенные вопросы следующим образом:

– чем была вызвана необходимость введения компетентностного подхода в педагогическую науку и образовательную практику;

– тождественны ли понятия «компетенция» и «компетентность» и если нет, то что их нетождественность означает для определения подхода как компетентностного;

– каковы основания выделения и разграничения видов компетентностей и какова их существенная характеристика;

– может ли быть один, в данном случае – компетентностный, подход единственной определяющей образование методологической основой его организации [5].

Необходимо отметить, что однозначных ответов на вышеприведенные вопросы в отечественной педагогике в настоящее время не разработано.

В частности, отвечая на первый вопрос, И. А. Зимняя отмечает, что внедрение компетентностного подхода в российское образова-

ние обусловлено общеевропейской, да и мировой тенденцией интеграции, глобализации мировой экономики и, в частности, неуклонно нарастающими процессами гармонизации «архитектуры европейской системы высшего образования» [5; 6].

Между тем с научно-теоретической точки зрения методологическая уникальность компетентностного подхода в образовании некоторыми отечественными исследователями ставится под сомнение. В частности, А. Г. Бермус отмечает несомненную очевидность ориентации современной отечественной экономики на кадры, которые намного превосходят показатели образования большинства выпускников как средней, так и высшей школы. Очевидно и то, считает исследователь, что более значимыми и эффективными для успешной профессиональной деятельности являются не разрозненные знания, но обобщенные умения, проявляющиеся в умении решать жизненные и профессиональные проблемы, способности к иноязычному общению, подготовка в области информационных технологий и др. Однако здесь же, по мнению А. Г. Бермуса, возникает и очевидное соображение: вся история советской и позже российской педагогики за последние полвека представляла борьбу против догматического заучивания понятий, правил и принципов. Более того, именно в результате этой борьбы возникли все известные на сегодняшний день концепции, включая алгоритмизацию, поэтапное формирование умственной деятельности, развивающее и личностно-ориентированное обучение. Но тогда не является ли современная версия компетентностного подхода очередной попыткой переименования безусловных достижений советской и российской педагогики в угоду сегодняшней конъюнктуре? Как полагает исследователь, несомненная методологическая близость компетентностного подхода идеям личностно-ориентированного образования обуславливает его смысловую размытость в отечественной педагогической науке [2].

В целом не отрицая актуальность дальнейшей научной и практической разработки компетентностного подхода, А. Г. Бермус формулирует следующие вопросы, ответы на которые, по его мнению, обуславливают смысл и значение обозначенного подхода в качестве инструмента модернизации российского образования:

– в каком социокультурном пространстве возможно плодотворное использование компе-

тентностного подхода и что фактически этот процесс будет означать;

– с какими концептуальными (содержательными) проблемами связано внедрение компетентностного подхода, и на каких путях может быть найдено их решение;

– каковы организационно-управленческие условия эффективной реализации компетентностного подхода в системе российского образования.

Характеризуя методологическую сущность компетентностного подхода, необходимо определить взаимосвязь понятий «компетентность» и «компетенция». Анализ соответствующих источников позволяет констатировать нерешенность проблемы соотношения данных понятий в отечественной педагогике. Часть авторов (Л. И. Васильев, А. Н. Мальцев, Н. Соснин и др.) употребляет эти понятия в качестве синонимов. Другие авторы эти понятия считают близкими, но все-таки разноплановыми. По мнению И. А. Зимней, в смысловой основе компетентностного подхода должна находиться категория «компетентность» [6].

Компетентность (от лат. *competens* – надлежащий, способный) – это обладание знаниями и опытом в определенной области [16, с. 241, 13, с. 164], интегральная профессионально-личностная характеристика, определяемая готовностью и способностью специалиста выполнять профессиональные функции в соответствии с принятыми в социуме на настоящий момент нормами и стандартами [10, с. 4]. При этом компетенция (от лат. *competere* – добиваться, соответствовать, подходить) – круг вопросов, в которых данное лицо обладает познаниями, опытом [7]; «способность применять знания, умения, опыт в знакомых и незнакомых трудовых ситуациях» [11, с. 19]. Из этих определений видно, что понятие «компетенция» является более узким и в целом обусловленным знаниями, умениями и навыками в области какой-либо профессии. По мнению А. И. Зимней, если компетентностный подход будет определен смысловым полем понятия «компетенция», то данный подход ничем не будет отличаться от традиционного, знаниевого [5].

Компетентность как свойство индивида существует в различных формах: в качестве степени умелости, способа личностной самореализации (привычка, способ жизнедеятельности, увлечение), некоего итога саморазвития индивида или формы проявления способности и др.

Компетентность – это способ существования знаний, умений, образованности, способствующий личностной самореализации, нахождению специалистом своего места в мире, вследствие чего образование предстает как высокомотивированное и в подлинном смысле личностно-ориентированное, обеспечивающее максимальную востребованность личностного потенциала, признание личности окружающими и осознание ею самой собственной значимости [4, с. 12]. Природа компетентности такова, что она, будучи продуктом обучения, не прямо вытекает из него, а является следствием саморазвития человека, его не столько психологического, сколько личностного роста, следствием самоорганизации и обобщения деятельностного и личностного опыта [15].

В современной науке не существует единого мнения по поводу структуры компетентности. Так, И. А. Зимняя представляет следующую структуру компетентности специалиста, которая по своим содержательным характеристикам сближает понятие профессиональной компетентности с понятием профессиональной готовности: 1) готовность к проявлению компетентности, то есть ее мотивационный компонент (рассматривается как проявление субъектных сил специалиста); 2) владение знанием содержания компетентности – когнитивный компонент компетентности; 3) опыт проявления компетентности в разнообразных стандартных и нестандартных ситуациях, то есть ее поведенческий аспект; 4) отношение к содержанию компетентности и объекту ее приложения – ценностно-смысловой аспект компетентности, выступающий в контексте мотивационного; 5) эмоционально-волевая регуляция процесса и результата проявления компетентности [6].

Как полагает А. Г. Бермус, наиболее оптимальной формой представления моделей профессиональной компетентности специалиста будет трехуровневая модель, включающая следующие компоненты [1]:

– базовый уровень компетентности, соответствующий общей ориентировке выпускника в будущей деятельности, знанию основных нормативов и требований;

– промежуточный уровень компетентности, соответствующий правильным действиям в некоторых типовых, стандартных профессионально обусловленных ситуациях;

– профессиональный уровень компетентности, соответствующий морально-психологиче-

ской (мотивационной), интеллектуальной и коммуникативной готовности к профессиональной деятельности.

В свою очередь А. В. Хуторской выделяет в составе компетентности четыре общих элемента: имеющиеся знания о мире и способах деятельности; практический опыт осуществления известных способов деятельности, воплощающийся умениях и навыках личности, усвоившей этот опыт; опыт творческой исследовательской деятельности, выражающийся в готовности решения новых задач, стоящих перед личностью; опыт воспитанности потребностей, мотивации, обуславливающих отношение субъекта к миру и его систему ценностей [18]. При этом исследователь конкретизирует обозначенные общие компоненты в аспекте структуры информационной структуры компетентности специалиста, выделяя: 1) когнитивную составляющую, отражающую систему приобретенных знаний, необходимых для творческого решения профессиональных задач; 2) деятельностно-творческую составляющую, способствующую формированию и развитию у личности разнообразных способов деятельности, необходимых для самореализации в профессиональной деятельности; 3) личностную составляющую, проявляющуюся в личностных качествах субъекта, в его потребностях, мотивах, личностной направленности; 4) аксиологическую составляющую, реализующуюся в обеспечении условий, способствующих вхождению личности в мир ценностей, оказывающую помощь в выборе наиболее значимых ценностных ориентаций. По мнению А. В. Хуторского, ядром обозначенных ключевых компетенций является личностный компонент.

Говоря о возможности использования компетентностного подхода в качестве методологической основы высшего профессионального образования, необходимо учитывать принцип полипарадигмальности. Исходя из научно-нормативных требований данного принципа, компетентностный подход в образовании целесообразно использовать в комплексе с другими подходами, которые являются близкими ему по смысловому содержанию и могут дополнять его в методологическом плане.

В частности, И. А. Зимняя доказывает необходимость полиподходности в изучении проблем образования в контексте концепции четырехуровневости методологического анализа (Э. Г. Юдин). Как известно, в рамках этой кон-

цепции были выделены следующие четыре уровня обозначенного анализа: философский, общенаучный, конкретно-научный и уровень собственно методический [21].

По мнению И. А. Зимней, на философском уровне находятся системный, генетический, эволюционный подходы. На общенаучном уровне может находиться междисциплинарный, комплексный, синергетический, функциональный подходы. К уровню конкретной науки или куста наук, например, психолого-педагогических наук, могут быть отнесены культурно-исторический, культурологический, личностный, деятельностный подходы. На этом уровне могут быть также выделены те подходы, которые относятся к образованию, например, аксиологический, контекстный, герменевтический, личностно-деятельностный. Сюда же может быть отнесен и компетентностный подход как определяющий результативно-целевую направленность образования.

Во всякой иерархической структуре нижний уровень характеризуется тем, чем определяются уровни, находящиеся над ним. Следовательно, компетентностный подход, по определению, является системным, междисциплинарным. Он характеризуется личностным и деятельностным аспектами, то есть он имеет и практическую, прагматическую и гуманистическую направленность. Другими словами, компетентностный подход усиливает собственно практико-ориентированность образования, его прагматический, предметно-профессиональный аспект, и в методологическом плане может быть интегрирован в систему обозначенных выше методологических подходов, существенно их дополняя [5; 6].

В целом все сказанное позволяет констатировать, что разработка компетентностного подхода в качестве одной из методологических основ модернизации отечественного образования (в том числе высшего профессионального), вне

всякого сомнения, является своевременной и перспективной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бермус, А. Г. Критерии качества непрерывного образования / А. Г. Бермус // Славянская педагогическая культура. – 2003. – № 2. – С. 129–131.
2. Бермус, А. Г. Проблемы и перспективы реализации компетентностного подхода в образовании / А. Г. Бермус // Интернет-журнал «Эйдос». – 2005. – 10 сентября.
3. Болотов, В. А. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе / В. А. Болотов, В. А. Сериков // Педагогика. – 2003. – № 10. – С. 8–14.
4. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – № 5. – 2003. – С. 37–39.
5. Зимняя, И. А. Компетентностный подход: каково его место в системе подходов к проблемам образования / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2006. – № 8. – С. 20–26.
6. Кантор, И. М. Понятийно-терминологическая система педагогики: Логико-методологические проблемы / И. М. Кантор. – М.: Педагогика, 1980.
7. Козырева, В. А. Компетентностный подход в построении профессиональной подготовки специалиста в области образования / В. А. Козырева, Н. Ф. Родионова, А. П. Тряпицина // Информационный бюллетень № 1 (29) УМО по направлению педагогического образования. – СПб.: Издво РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. – С. 34–44.
8. Никитин, Э. Условия диктует жизнь / Э. Никитин // Школа. – 1998. – № 3. – С. 2–6.
9. Олейникова, О. Н. Разработка модульных программ, основанных на компетенциях: учебное пособие / О. Н. Олейникова, А. А. Муравьева, Ю. В. Коновалова, Е. В. Сартакова. – М.: Альфа, 2005.
10. Психолого-педагогический словарь-справочник / сост. Ю. А. Лобейко, Н. М. Борозенец. – М.: Народное образование; Ставрополь: Изд-во СтГАУ «АГРУС», 2004.
11. Сериков, В. В. Обучение как вид педагогической деятельности: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. В. Сериков; под ред. В. А. Сластёнина, И. А. Колесниковой. – М.: Издательский центр «Академия», 2008.
12. Словарь иностранных слов. – 9-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1982.
13. Хуторской, А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно ориентированной парадигмы образования / А. В. Хуторской // Народное образование. – 2003. – № 5. – С. 14–19.
14. Юдин, Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность / Э. Г. Юдин. – М., 1997.

УДК 378.147:62

*Н. П. Клушина***ФУНКЦИОНАЛЬНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ****Северо-Кавказский государственный технический университет**

E-mail: klnp13@mail.ru

В статье анализируется становление компетентностного подхода в высшем инженерном образовании, раскрывается научное понятие «социальные компетенции будущих инженеров», обосновываются критерийные показатели их сформированности у будущих инженеров.

Ключевые слова: компетенция, социальные компетенции, функции социальных компетенций, показатели сформированности социальных компетенций.

*N. P. Klushina***THE FUNCTIONAL-SUBSTANTIAL CHARACTERISTIC SOCIAL COMPETENCE THE FUTURE ENGINEERS****North Caucasus State Technical University**

In article formation competence the approach in the higher engineering education is analyzed, the scientific concept «social the competence of the future engineers» reveals, are proved their indicators presence at the future engineers.

Keywords: the competence, social competence, function social competence, indicators presence of social competence.

В настоящее время в качестве методологической ориентации в высшем инженерном образовании используется компетентностный подход. Необходимо отметить, что компетентностный подход усиливает практико-ориентированность образования, «не противопоставляясь традиционному знаниевому и принимая необходимость усиления его практико-ориентированности, он существенно расширяет его содержание собственно-личностными составляющими, что делает его и гуманистически направленным» [2, с. 26].

Для отечественной педагогической науки компетентностный подход остается дискуссионным, начиная с конца 1980-х гг. появляются работы, в которых результаты процесса обучения в высшей школе рассматриваются с позиций компетентностного подхода и анализируется диалектика взаимосвязи между компетенциями и компетентностью (труды И. А. Зимней, А. М. Марковой, В. И. Байденко и др.).

Несмотря на огромное количество определений «компетенций», в них можно найти общие элементы, выявляющие категориальную суть данного концепта. Так, сделанный автором обзор отечественной и зарубежной литературы по проблеме показывает, что в разных исследованиях в обобщенном виде компетенция интерпретируется как:

– предметная область, о которой индивид хорошо осведомлен и в которой он проявляет готовность к выполнению деятельности;

– базовая характеристика индивида, глубокая и устойчивая часть личности, по которой можно предсказать поведение человека в широком спектре жизненных и профессиональных ситуаций;

– интегративная совокупность характеристик (знания, умения, навыки, способности, мотивы, убеждения, ценности), обеспечивающая выполнение профессиональной деятельности на высоком уровне и достижение определенного результата;

– общая готовность личности к трудовой деятельности, основанная на приобретенных в процессе обучения знаниях, навыках и опыте; способность установить связь между знанием и ситуацией, сформировать процедуру решения проблемы;

– открытая система процедурных, ценностно-смысловых и декларативных знаний, включающая взаимодействующие между собой компоненты, которые активизируются и обогащаются в деятельности по мере возникновения у носителя компетенции реальных жизненно-важных проблем;

– интегрированная характеристика качества подготовки выпускника, категория результата образования.

Можно заметить, что одни определения компетенции больше ориентированы на внешнее действие, другие – на внутренние особенности; знания обозначены как предпосылка навыков; третьи – на некоторые определения, ко-

торые включают такой элемент, как система ценностей и отношений.

Таким образом, компетенция понимается как свойство личности, потенциальная способность индивида справляться с различными задачами, как совокупность знаний, умений и навыков, необходимых для осуществления конкретной профессиональной деятельности. При этом наблюдается взаимодействие когнитивных и аффективных навыков, наличие мотивации и соответствующих ценностных установок.

Покидая стены вуза, выпускник должен обладать определенными компетенциями – профессионально-релевантными качествами, тем потенциалом, который будет актуализирован в процессе осуществления профессиональной деятельности и свидетельствовать о его компетентности.

В связи с этим возникают вопросы: сколько компетенций должно быть сформировано у выпускника вуза и какие; нужны ли социальные компетенции будущему инженеру и каково их содержание?

По мнению А. Н. Дахина, в науках нет смысла размениваться на фрагментарный набор компетенций, и можно обойтись единственным числом, например, в следующем высказывании: «Компетенция выпускника математического факультета университета представляет собой ... (следует ее описание)» [1].

И. А. Зимняя в своих исследованиях отмечает, что существуют профессиональная, социальная и ключевая компетентность. Согласно данной классификации, автор подчеркивает, что:

– все компетентности социальны (в широком смысле этого слова), ибо они вырабатываются, формируются в социуме; они социальны по своему содержанию; они и проявляются и функционируют в этом социуме;

– ключевые компетентности – это те обобщенно представленные основные компетентности, которые обеспечивают нормальную жизнедеятельность человека в социуме;

– профессиональные и учебные формируются и проявляются в учебной и профессиональной среде;

– социальные (в узком смысле слова) компетентности характеризуют взаимодействие человека с обществом, социумом, другими людьми, с самим собой и т. д. [2].

Р. М. Петрунева в своей монографии подчеркивает, что профессиональная компетент-

ность не является обособленной частью личности специалиста, а сопряжена с другими видами специалиста, в том числе с социальной, и проявляется не только в узкоспециализированной сфере профессиональных интересов, но и в социальной сфере, где актуализируется и становится очевидным результат профессиональной деятельности, который фатально и неоднозначно связан с будущностью и благополучием всего человечества [3, с. 21].

Экстраполируя вышеизложенные исследования, следует обратить внимание на то, что практически все авторы отмечают наличие социальных компетенций. Для определения содержания социальных компетенций будущих инженеров выделяются их функции:

– являются отражением социального заказа на минимальную подготовленность молодых людей для будущей профессиональной деятельности и для повседневной жизни в окружающем мире;

– являются условием реализации личностных смыслов студента в обучении, средством самореализации в будущей профессии;

– формируют социальную ответственность за последствия своих профессиональных действий;

– позволяют успешно выполнять социальные роли гражданина, семьянина, сотрудника;

– позволяют определять свое место и роль в окружающем мире: в семье, в коллективе, государстве;

– позволяют иметь осознанный опыт жизни в многонациональном, многокультурном, многоконфессиональном обществе;

– позволяют развивать потребности строить жизнь и деятельность по законам красоты;

– позволяют воспитывать у себя нравственные качества (смелость, настойчивость, решительность, дисциплинированность, ответственность и т. д.);

– позволяют развивать стремление быть здоровым, бодрым, доставлять радость себе и окружающим;

– позволяют владеть разными видами речевой деятельности (монолог, диалог, чтение, письмо);

– позволяют устанавливать и поддерживать отношения с другими людьми, делегировать полномочия, мотивировать людей, быть коммуникабельным, общительным, контактным.

Анализ функций социальных компетенций позволяет операционализировать данное поня-

тие как интегративное личностное образование, (знания, умения, навыки, способности, мотивы, ценности), обеспечивающее гармоничное поведение будущего инженера в широком спектре социальных, жизненных и профессиональных ситуаций. При этом наблюдается взаимодействие когнитивных, деятельностных и аффективных умений и навыков, наличие мотивации и соответствующих ценностных установок.

Данное определение позволяет рассматривать развитие личности будущего инженера в социально-типических свойствах, на которые влияют социальные условия. Следует отметить, что социальные условия активно влияют на особенности личности будущего специалиста в качестве объекта социальных отношений и в качестве их деятельного субъекта. В ряду важнейших компонентов общих социальных условий – уровень развития гражданского общества, социально-политическое устройство, состояние других социальных институтов, в том числе социокультурное пространство университета.

Следующей группой социальных условий развития личности являются будущие трудовые отношения, которые детерминируют специфические социальные условия бытия: социальное положение, принадлежность к определенной социальной группе, место в системе социальных позиций, которые связаны с материально-экономическим статусом, характером и содержанием будущей трудовой деятельности.

К третьей группе социальных условий развития личности относятся социокультурные особенности общества, причем культура аккумулирует исторически сложившиеся традиции данного общества.

Анализ функций социальных компетенций и социальных условий развития личности будущего инженера в вузе позволяет разделить социальные компетенции на несколько групп: социально-ценностные компетенции; социально-трудовые компетенции; социально-культурные компетенции; компетенции социального взаимодействия.

Социально-ценностные компетенции. Деятельность будущего инженера связана с постоянным решением профессиональных задач, которые носят творческий характер. Для творческой личности инженера характерны: поиск личностных смыслов в окружающем; стремление к самореализации на основе высших общечеловеческих ценностей; адекватная самооцен-

ка творческих способностей, сил и возможностей; выбор целей и задач, которые могут быть решены личностью с высоким качеством; отсутствие тревожности, уверенность в своих силах, способность видоизменять цели при изменении условий деятельности; критичность, умение учиться на ошибках; рефлексия ценностного смысла собственной деятельности.

Творческая личность всегда проявляет активность в профессиональной деятельности. Она выражается в стремлении постоянно совершенствовать свою профессиональную подготовку. Широта интересов, увлеченность своим делом, понимание важности стоящих перед ним задач – необходимые качества для инженера, неустанно работающего над совершенствованием своей личности. Источником самосовершенствования личности выступает собственная потребность в дальнейшем развитии, собственные способности к саморазвитию, самостоятельная работа над собой.

Таким образом, критериями сформированности социально-ценностных компетенций у будущих инженеров могут выступать следующие показатели:

- интерес к будущей инженерной деятельности, стремление к идеалу в профессии;
- признание ценности профессиональных инженерных знаний, умений и навыков, стремление к познанию;
- ценностная установка на осуществление профессиональных действий в интересах и на благо человека;
- признание творческого характера инженерного труда и активность в профессиональной деятельности;
- признание ценности постоянного профессионального самосовершенствования, стремления к самореализации.

Социально-трудовые компетенции. Труд будущего инженера имеет особенности. Спецификой инженерной деятельности, отмечает Р. М. Петрунева, является то, что в ней преломляются и стягиваются в один узел фундаментальные проблемы взаимоотношений между материальным и духовным производством; техническим, технологическим и научным прогрессом; наукой и образованием; техносферой, биосферой и социосферой; техническим решением и нравственными последствиями [121].

Все виды профессиональной деятельности будущего инженера в контексте наличия социально-трудовых компетенций позволяют ему

решать профессиональные задачи с учетом социальных последствий: отдаленного влияния на природу; на трансформацию жизнедеятельности общества; природную сущность самого человека как биологического и социального феномена.

Показателями сформированности социально-трудовых компетенций у будущего инженера является:

- способность к выполнению технических решений без негативных последствий на природу и социум;

- умение нести социальная ответственность за последствия своих профессиональных действий;

- способность видеть соответствие профессионального статуса (места среди других) своим индивидуально-личностным качествам;

- умение организовывать планирование, анализ, рефлексию, самооценку своей инженерной деятельности в контексте социального благополучия человека.

Будущий инженер должен обладать не только профессиональными знаниями, но и иметь мировоззренческую позицию в понимании смысла жизни, своего места в мире, своей уникальности и ценности, а также осознавать ответственность за жизнестворчество, то есть в контексте данного исследования он должен владеть *социально-культурными компетенциями*. В качестве социальной ценности многими учеными признается любовь к Родине, уважение государственного, конституционного строя, готовность к защите своего Отечества. Уважительное отношение к историческому пути своего народа, причастность к современным общественным процессам в стране формирует принадлежность к стране, региону, вузу: Я – россиянин → Я – житель Северного Кавказа → Я – студент. Наличие гражданских качеств позволяет преодолевать в своем сознании и поведении проявления националистических предрассудков, национальной ограниченности. Приобщение личности к системе культурных ценностей, раскрывающих богатство общечеловеческой и национальной культуры, формирует взаимопонимание, толерантность и культивирует гражданственность как значимый личностный параметр. Наличие эстетической культуры у будущего инженера позволяет ему понимать и ценить красоту в искусстве и окружающей действительности, стремиться жить по законам красоты, видеть и понимать красоту

труда, эстетику своей будущей профессии, красоту во взаимоотношениях между людьми и в культуре поведения и практически участвовать в самостоятельном художественном творчестве.

Важным социальным качеством будущего инженера является его отношение к собственному здоровью. Здоровье – это необходимое условие активной и нормальной жизнедеятельности человека. Серьезные нарушения в этой сфере влекут за собой изменения в привычном образе жизни, сложившейся практике отношений с окружающим миром, возможную утрату профессиональной дееспособности, а в целом вынужденную коррекцию планов на будущее.

В социальной жизни любого человека ведущую роль играет семья, она способствует не только формированию личности, но и самоутверждению человека как внутри семьи, так и вне ее, стимулирует его социальную, производственную и творческую активность, способствует сохранению и укреплению физического и психологического самочувствия членов общества, раскрытию их индивидуальности.

Следовательно, критериальными показателями сформированности социально-культурных компетенций являются:

- способность проявлять любовь к Родине, уважение государственного, конституционного строя, готовность к защите своего Отечества;

- наличие осознанного опыта жизни в многонациональном, многокультурном, многоконфессиональном обществе;

- умение определять свое место и роль в окружающем мире: в семье, в коллективе, государстве;

- умение действовать в каждодневных ситуациях семейно-бытовой сферы;

- способность владеть эффективными способами организации здорового образа жизни;

- умение строить жизнь и деятельность по законам красоты.

Компетенции социального взаимодействия. Социальное взаимодействие связано с общением, которое является важнейшим условием и средством развития личности. Общение в профессиональной деятельности и социальной жизни инженера приобретает характер высокой гуманистической ценности, так как без него невозможно гармоничное развитие личности, в общении он получает неограниченные возможности для актуализации своей профессиональной, социальной деятельности и гуманистической сущности, проявления высоких нравст-

венных начал собственной личности: добра, любви, сострадания, милосердия. Чем выше культура общения, тем более гуманна по характеру и профессиональная деятельность, и социальная жизнь.

Показателями сформированности компетенций социального взаимодействия будущего инженера являются:

- владение способами общения с сотрудниками, окружающими;
- владение способами совместной деятельности в группе, умениями искать и находить компромиссы;
- иметь позитивные навыки общения в поликультурном полиэтническом и многоконфессиональном обществе;
- владение разными видами речевой деятельности (монолог, диалог, чтение, письмо);
- умение представлять себя устно и письменно, писать заявление, анкету, резюме, резолюцию;

– способность быть коммуникабельным, общительным, контактным.

Таким образом, наличие социальных компетенций у будущего инженера сможет обеспечить ему не только эффективную инженерную деятельность, предусматривающую социальную ответственность за результаты своего профессионального труда, но и способность выполнять социальные роли гражданина, семьянина, сотрудника, владеющего приемами самореализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дахин, А. Н. Компетенция и компетентность: сколько их у российского школьника? / А. Н. Дахин // Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.iuro.websib.ru>.
2. Зимняя, И. А. Компетентностной подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2006. – № 8. – С. 20–26.
3. Петрунева, Р. М. Модель специалиста-инженера: от деятельности к компетентности / Р. М. Петрунева. – Волгоград, 2007. – 144 с.

УДК 378.6:005:[656+625.7/.8]

З. С. Сазонова, Н. Ю. Сидякина

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ АВТОТРАНСПОРТНОГО КОМПЛЕКСА

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)

E-mail: zssazonova@yahoo.com ; solne4naya.86@mail.ru

Актуальность междисциплинарной подготовки инженеров-менеджеров в МАДИ обусловлена потребностью отрасли в профессиональном управлении полным жизненным циклом сложных технических систем и наукоемкими производственно-технологическими процессами в сфере современного автотранспортного комплекса. В январе 2010 года в МАДИ состоялся первый выпуск специалистов в области менеджмента высоких технологий. В настоящей статье анализируется приобретенный опыт подготовки инженеров-менеджеров.

Ключевые слова: инженер-менеджер; автотранспортный комплекс; высокие технологии; жизненный цикл; инженерный бизнес.

Z. Sazonova, N. Sidiyagina

INTERDISCIPLINARY TRAINING FOR THE SPECIALISTS OF AUTOMOBILE COMPLEX

State Technical University - MADI

The relevance of interdisciplinary training of engineers-managers in MADI determines of demand of industry in the professional management of full life cycle of complex technical systems and science-driven industrial and technological processes in the field of contemporary automobile complex. The first graduates in management of high technology was in MADI in January 2010. This article examines the experience gained training of engineers-managers.

Keywords: engineer-manager; road complex; high technology; life cycle; engineering business.

Объективная потребность в подготовке инженеров-менеджеров

Автотранспортный комплекс (АТК) Российской Федерации представляет собой сложную организационно-техническую систему и

является стратегически важным компонентом национальной экономики. Неотъемлемым компонентом системы АТК РФ является подсистема обеспечения жизненных циклов транспортных сетей – дорог, мостов, тоннелей и других

инженерных сооружений, обеспечивающих функционирование транспортных средств. Их жизненный цикл (ЖЦ) – это проектирование, строительство, эксплуатация, ремонт и модернизация. Обеспечение функционирования всего комплекса осуществляют профессиональные кадры, значительная часть которых выпускники Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ). Основным направлением деятельности университета является подготовка для автотранспортной отрасли специалистов и научных кадров высшей квалификации, отвечающих современным требованиям экономики страны и способных эффективно работать в условиях конкуренции и свободного рынка труда. В их число входят ученые, проектировщики, исследователи, производители и эксплуатационники транспортных средств, а также строители и инженеры, занимающиеся эксплуатацией транспортных сетей. В последние годы в МАДИ особое внимание уделяется инновационной деятельности. Традиционные функции университета – подготовка специалистов и научно-технические разработки – в настоящее время дополняются его активной деятельностью в сфере фундаментальных исследований, выполнения международных проектов, разработки и внедрения новых наукоемких технологий. На территории технопарка МАДИ успешно функционируют самостоятельные предприятия, реализующие современные инновационные технологии в различных подсистемах автотранспортного комплекса [1]. Для реализации полного жизненного цикла «от идеи до опытного образца» и ускорения внедрения в производство результатов научных исследований в университете созданы и успешно работают малые предприятия, акционерные общества и товарищества, инженерные центры, центры по лицензированию и сертификации транспортной техники и материалов. У этих и других предприятий, работающих в условиях постоянной конкуренции, сформировалась острая потребность в специалистах, имеющих высокий уровень междисциплинарной компетентности, позволяющей им эффективно решать проблемы развития инженерного предпринимательства и управления полными жизненными циклами сложных технических систем автотранспортного комплекса. Такая же потребность сформировалась и в других высокотехнологичных секторах отечественной экономики.

Образовательная система отреагировала на новый запрос работодателей.

Образовательная программа по новой специальности 220701 «Менеджмент высоких технологий» была разработана в МГТУ им. Н. Э. Баумана и включена в перечень образовательных программ по направлению подготовки 220700 «Организация и управление наукоемкими производствами», утвержденному приказом Министерства образования Российской Федерации от 05.05.2004 г. № 2058. Выпускники образовательных программ по специальности «Менеджмент высоких технологий» получают квалификацию «инженер-менеджер» и являются специалистами нового типа, в том числе в сфере инженерного бизнеса.

Профессиональная подготовка участников жизненного цикла сложных технических систем (ЖЦ СТС)

Перспективы восстановления статуса России как мощной научно-технологической державы связаны с опережающим развитием интеллектуального потенциала в сфере техники и технологий. Особую значимость для инновационного развития разных отраслей экономики имеет динамизм процесса нововведений. Скорость превращения идеи в рыночный товар в современных международных условиях становится критичным фактором жизнеспособности соответствующих технологичных предприятий. Жизнь в быстро меняющемся мире требует пересмотра взглядов на формирование и организацию процессов функционирования сложных систем, к которым относятся как технические, так и образовательные системы. Современная инженерно-техническая деятельность является многофункциональной, а по содержанию – междисциплинарной. Она находится на стыке науки, образования, производства и бизнеса. Прогресс на пути создания и эксплуатации современных наукоемких технических систем АТК достигается только при комплексном подходе к решению междисциплинарных проблем.

Преподавательский коллектив МАДИ учитывает в своей деятельности, что интегральная эффективность ЖЦ СТС определяется уровнем профессиональной подготовки всех субъектов, участвующих в его обеспечении. К субъектам, обеспечивающим ЖЦ СТС, можно отнести:

– специалистов, формирующих единое информационное пространство (ЕИП) предметной области;

– участников ЖЦ, непосредственно участвующих в создании, эксплуатации и утилизации конкретной модели СТС (производственники, эксплуатационники и т. п.);

– инженеров-менеджеров всех этапов многокомпонентной технологии сопровождения СТС и обеспечения их полного жизненного цикла;

– участников жизненных циклов средств и орудий производства, необходимых для обеспечения ЖЦ СТС (системотехники, технологи, эксплуатационники, разработчики САПР, АСНИ);

– преподавателей, обеспечивающих жизненные циклы профессиональной подготовки как специалистов, создающих ЕИП СТС, так и тех, кто создает и эксплуатирует ЖЦ СТС.

В настоящее время МАДИ реализует образовательные программы профессиональной подготовки всех специалистов, необходимых для обеспечения ЖЦ СТС и готовых эффективно работать на стыке разных профессий [2].

Инженерно-педагогические принципы и методы междисциплинарной подготовки инженеров-менеджеров

Учебный план подготовки менеджеров высоких технологий, разработанный в МГТУ им. Н. Э. Баумана, был взят за основу при разработке соответствующего документа в МАДИ. Перечень дисциплин, включенных в учебный план, да и учебный план в целом не дают полного представления о логике созидания специалиста. Учебный план – это важнейший документ, но тем не менее он является только заготовкой к созданию будущей целостности. Учебный план характеризует конструктивную структуру системы подготовки, но не информирует о функционально-поточковых связях между ее подсистемами.

В 2004 году еще не было готовых технологических решений проблемы междисциплинарной подготовки специалистов, готовых к интеграции проектирования, конструирования и реализации прорывных производственных технологий с эффективными технологиями логистического сопровождения полного жизненного цикла инновационных изделий. Команда преподавателей, которым предстояла совместная работа в процессе подготовки инженеров-менеджеров, была единодушна в том, что важным фактором качества учебного процесса должна стать сознательная активность самих студентов, понимающих значимость каждой дисциплины учебного плана для достижения

конечной цели профессиональной подготовки – психологической, информационной и функциональной готовности к работе в качестве менеджеров высоких технологий [3, 4]. Для актуализации этого фактора преподавательский коллектив, учитывая требования работодателей, подготовил рабочие варианты двух документов: модель компетентностного портрета менеджера, имеющего серьезную инженерно-технологическую подготовку, а также модель структуры и содержания дипломного проекта по специальности «Менеджмент высоких технологий». Оба документа были представлены вниманию первокурсников, изучающих дисциплину «Введение в специальность» во время учебного занятия, организованного на базе технопарка МАДИ. Ребята, рассматривая обе модели в качестве ориентировочной основы профессиональной подготовки, задавали множество вопросов и преподавателям, и представителям бизнеса. Многие вопросы студентов, только приступающих к обучению в вузе, свидетельствовали об их серьезности, ответственности и самостоятельности. Эти вопросы инициировали дискуссию и мотивировали к предстоящей упорной работе. Один из вопросов звучал так: «Какова цель дипломного проекта?». В процессе размышлений над заданным вопросом и обсуждений разных точек зрения были сформулированы следующие ответы. Цель деятельности каждого выпускника, выполняющего дипломную работу, – формирование высокотехнологичного инженерно-технического проекта с использованием методов интегрированной логистической поддержки наукоемких процессов и сложных технических систем, обеспечивающей повышение эффективности затрат при управлении их жизненным циклом. Цель каждого выпускника как профессионала – получение системного результата освоения образовательной программы, свидетельствующего о сформированности личностных и профессиональных качеств, соответствующих требованиям модели конкурентоспособного менеджера высоких технологий.

Разработанный преподавателями МАДИ и внедренный в учебный процесс инновационный педагогический прием способствовал тому, что с самых первых этапов общения преподавателей и студентов между ними сформировались отношения продуктивного взаимодействия, доверия и совместного поиска продуктивных решений возникающих проблем.

При проектировании образовательного процесса преподаватели МАДИ руководствовались тем, что на первое место должны выдвигаться процессы: процессы проектирования, моделирования, конструирования и исследования объектов целостного реального мира, поиск взаимосвязей между ними. Научные знания при таком подходе систематизируются и структурируются в соответствии с иерархией познаваемых объектов. Студент должен иметь к ним открытый доступ (через базу данных или учебник) и усваивать в контексте процесса проектирования, моделирования, конструирования или исследования. Знания должны быть не объектом, а средством развития. Сначала определяются цели – умения, затем отбираются знания, необходимые для формирования умений [5].

При отборе содержания междисциплинарного обучения были использованы принципы инженерной педагогики: 1) динамичность – видение современных и новых тенденций и перспектив развития науки, техники, производства и образования; 2) системность, позволяющая целостно представить проектируемый и конструируемый технический объект; 3) целостность – отражение в содержании и процессе подготовки специфики профессиональной деятельности и адекватного ей целостного содержания этой подготовки; 4) профессиональная направленность – ориентация содержания образования, методов и форм обучения на конечную цель подготовки специалиста; 5) интеграции образования с наукой, производством и бизнесом; 6) преемственность – отражение прошлого, настоящего и будущего в содержании образования, связь учебно-воспитательного процесса с предстоящей профессиональной деятельностью.

Учебный материал, отражая содержание обучения, отличается от него наличием аппарата усвоения и ориентировки. При формировании учебного материала как инструментария подготовки, системно ориентированной на формирование профессиональной компетентности будущих инженеров-менеджеров, преподаватели МАДИ руководствовались тем, что основой для разработки требований к учебно-методическим материалам по каждой дисциплине должна являться целевая функция изучения конкретной дисциплины.

С точки зрения инженерной педагогики, формирование содержания учебных материалов по техническим дисциплинам должно регу-

лироваться принципом формирования информационной базы принятия технических решений. Системообразующим элементом системно-ориентированной подготовки будущего инженера-менеджера в условиях интеграции образования, науки, производства и бизнеса является информационная база принятия предсказательных технических и технологических решений (БПР). Составление БПР – это процесс и результат систематизации нового для студента учебного материала с учетом междисциплинарных факторов, важных для его понимания. Эта работа осуществляется в соответствии с полученной в начале каждого занятия исходной формой вопросника – раздаточным материалом, подготовленным преподавателем [6].

Фактически, БПР – это систематизированная самим студентом учебная и научная информация, сжатая им по выборочной форме и представленная в виде информационной матрицы. Функция повышения уровня информации при ее структурировании, а также реализация получаемых таким образом преимуществ переосмысления информации является важным обобщенным приемом интеллектуальной деятельности. Этот прием будущие инженеры-менеджеры осваивали при решении многокритериальных междисциплинарных задач технологического содержания. Организация междисциплинарной информации позволяла каждому студенту получить новое знание и овладеть техникой визуализации научно-технической информации. Важной функцией наглядных способов представления информации (в том числе с помощью графов) является их способность стимулировать рефлексию при анализе представленной в наглядной форме динамики собственных действий, выполняемых при конструировании моделей технологических процессов или объектов. Возможность возвращения к исходной ситуации при решении мыслительной задачи способствует активизации оценочной деятельности. Единство психических процессов и деятельности позволило преподавателям выявить особенности познавательных процессов студентов на основе анализа характера их взаимодействия с моделями и, как результат, использовать личностно-деятельностный подход к обучению каждого студента.

При заполнении БПР, представленной в виде информационной матрицы, студенты представляли выраженную в относительных единицах количественную оценку связей всех меж-

дисциплинарных параметров с каждой из целевых функций; давали экспертные оценки (в учебном процессе экспертами являлись они сами) условных затрат (индивидуальных трудностей), необходимых для учета каждого междисциплинарного параметра при последовательном просмотре всех целевых функций занятия, и отмечали (в относительных единицах) индивидуальную сложность использования каждой из целевых функций для решения индивидуальной технологической задачи. Математическая обработка данных БПР обеспечивала моделирование разных принципиально возможных решений технологической задачи, а количественный учет конкретных требований виртуального заказчика (преподавателя) и имеющихся у разработчика (студента) возможностей являлся основой для принятия конкретного обоснованного и ответственного решения. Этот этап учебной деятельности студентов технического вуза свидетельствует о формировании у них управленческих компетенций, профессионально важных для будущих менеджеров. Таким образом, разработанный преподавателями университета метод изучения студентами технических и технологических дисциплин позволил управлять процессом подготовки будущих инженеров-менеджеров таким образом, чтобы одновременно формировать и интегрировать необходимые для них междисциплинарные компетенции [7].

Заключение

В январе 2010 года первое поколение подготовленных в МАДИ инженеров-менеджеров

успешно защитили свои дипломные проекты и приступили к работе в разных организациях автотранспортного комплекса страны. В МАДИ образован новый факультет «Логистика и общетранспортные проблемы», в состав которого вошла кафедра «Менеджмент высоких технологий». Профессиональную подготовку следующих поколений инженеров-менеджеров будут осуществлять совместно с преподавателями университета ведущие ученые, технологи и конструкторы, работающие в сфере автотранспортного комплекса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сазонова, З. С. Инженерная педагогика: от теории к практике / З. С. Сазонова, Л. Соколова // Высшее образование в России. – 2008. – № 10. – С. 62–70.
2. Сазонова, З. С. Инженер: работа на стыке профессий / З. С. Сазонова, В. В. Ищенко // Высшее образование в России. – 2006. – № 4. – С. 106–110.
3. Жураковский, В. М. «Работа в команде» как педагогический принцип / В. М. Жураковский, З. С. Сазонова // Высшее образование в России. – 2005. – № 8. – С. 3–8.
4. Сазонова, З. С. Подготовка менеджеров высоких технологий: студентоцентрированный подход / З. С. Сазонова, Н. Ю. Сидякина, В. В. Ищенко // Высшее образование в России. – 2010. – № 4. – С. 27–36.
5. Чернилевский, Д. В. Дидактические технологии в высшей школе / Д. В. Чернилевский. – М.: ЮНИТИ, 2002. – 437 с.
6. Сазонова, З. С. Интеграция образования, науки и производства как методологическое основание подготовки современного инженера / З. С. Сазонова. – М.: МАДИ (ГТУ), 2007. – 487 с.
7. Сазонова, З. С. Системно-ориентированное управление качеством подготовки специалистов по техническим дисциплинам / З. С. Сазонова // Вестник Тамбовского государственного технического университета. – 2006. – Том 12. – № 1Б. – С. 189–195.

УДК 378.013
ББК Ч481.22

В. Д. Васильева, Р. М. Петрунева

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРОЕКТНАЯ КУЛЬТУРА БУДУЩЕГО ИНЖЕНЕРА

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: raissa@vstu.ru

В статье рассматривается история развития проектной деятельности, ее особенности на современном этапе. Обосновывается необходимость формирования проектной культуры будущих инженеров, раскрывается сущность и механизмы ее формирования.

Ключевые слова: инженер, проектная деятельность, проектная культура.

V. D. Vasilyeva, R. M. Petruneva

PROJECT ACTIVITY AND PROJECT CULTURE OF FUTURE ENGINEER

Volgograd State Technical University

The history of development of project activity, its peculiaritys in modern stage, necessity of forming of project culture of future engineers, its essence and mechanisms of forming are considered in state.

Keywords: engineer, project activity, project culture.

На современном этапе развития общества уровень создаваемой человеком техники и технологий достиг небывалых высот. Рожденные человеческой мыслью технические объекты стали неотвратимо и фатально влиять на самого человека и общество в целом, преобразуя их как в позитивном, так и в негативном плане. В этой связи заслуживает самого пристального внимания осмысление сущности и роли проектной деятельности инженеров в жизни человечества. Инженер в определенной степени является двигателем научно-технического прогресса и преобразователем мира. Проектная деятельность, осуществляемая техническим специалистом, который не является носителем гуманистических ценностей и, как следствие, не освоил методологию проектирования, основанную на этих ценностях, не обладает проектной культурой, и его профессиональная деятельность способна нанести непоправимый вред природе, человеку и обществу в целом.

В различных публикациях, посвященных данному вопросу, инженерная проектная деятельность рассматривается в разных аспектах. Так, большое внимание уделяется творческому процессу в области техники и методам активизации творческих способностей [1, 2]; отмечается возможность переноса методологии инженерного проектирования на решение самых сложных проблем различной природы [3–5]; отмечается системный характер инженерного проектирования и выделяются его этапы [1, 2, 4]; в контексте с проектной деятельностью ставится вопрос о развитии проектной культуры инженера [6–8].

Проектная деятельность, первоначально появившаяся как составляющая инженерной деятельности, в настоящее время приобрела всеобщий характер и статус самостоятельной области человеческой деятельности. Рассматривая проектную деятельность в историческом аспекте, следует отметить, что берущая свое начало в глубине веков инженерная деятельность возникла как изобретательство. Первые инженеры-изобретатели появились в эпоху Возрождения и сформировались в основном в среде ремесленников-самоучек в ходе решения насущных технических проблем. С течением времени под влиянием развития технических прикладных наук и массового производства структура инженерной деятельности усложнилась и стала включать инженерные исследования, изобретательство, конструирование и организацию производства.

Проектирование как особый вид инженерной деятельности сформировалось в начале XX столетия. На заре инженерии проектированием называли графические разработки, связанные со строительством различных объектов. Тогда под проектированием понимали процесс перевода изображения трехмерного объекта в плоскостное – двумерное. Постепенно с ростом сложности объектов проектирования проектная деятельность стала включать предварительные исследования объекта проектирования с помощью естественных и технических наук и научно-технические расчеты его основных параметров. Для этого этапа развития проектирования характерно исследование относительно простых технических объектов.

Обособление проектирования в самостоятельную область инженерной деятельности и трансформация его в системное проектирование во второй половине XX века связано с чрезвычайным усложнением проектируемых технических объектов, которые ввиду их особой сложности перешли в разряд технических систем. В этот период инженерная деятельность приобретает системотехнический характер, в целом формируется системотехническая инженерная деятельность, представляющая собой комплексный вид инженерной деятельности и включающая большое число исполнителей и разнообразных функций. Изменяется не только объект проектирования (вместо отдельного технического устройства, механизма, машины и тому подобного объектом исследования и проектирования становится сложная человеко-машинная система), изменяется и сама сущность проектной деятельности, которая становится весьма сложной, требующей организации и управления. Происходит расчленение проектируемой сложной технической системы на более простые подсистемы по следующим признакам: в соответствии со специализацией подсистем, существующей в технических науках; в соответствии со сложившимися организационными подразделениями, участвующими в процессе проектирования. В проектную деятельность вовлекаются многие отраслевые и академические институты; над одними и теми же проектами трудятся специалисты самых различных областей науки и техники.

В процессе эволюционирования проектирования от простых форм к суперсложным сложился определенный технологический алго-

ритм, который укрупненно включает следующие стадии: разработка технического задания, предпроектное исследование, технико-технологические расчеты, конструкторские расчеты и чертежи, а также обязательные разделы – технико-экономические расчеты и экологические аспекты. Вследствие разделения инженерного труда по специализациям объект проектирования оказывается расчлененным по частям. Поэтому проектировщик одного раздела (например, технологического) плохо представляет себе результаты труда своего коллеги-смежника (например, конструктора или компоновщика). В результате у каждого участника проектирования формируется фрагментарное представление об идеальном результате проектирования, а не целостное его видение. Кроме того, в результате такой узкой специализации из объекта проектирования выхолащивается его социальный и человеческий смысл. Объект проектирования отторгается от человека и от общества и приобретает самостоятельное значение вне человеческих ценностей, самодостаточность.

Прогресс технических и социальных систем привел к тому, что к концу XX века предметом проектирования стали не только технические объекты и системы, но и социальные феномены. Метод инженерного проектирования распространил свою методологию и на социальные процессы и системы. Сложившаяся за последние десятилетия практика системотехнической деятельности вывела проектную деятельность в сферу социально-технических и социально-экономических разработок, проектирования (реорганизации) социально важных аспектов человеческой деятельности. Это привело к тому, что инженерная деятельность и инженерное проектирование меняются своими ролями. Если традиционное инженерное проектирование является составной частью инженерной деятельности, то для системного проектирования обязательно включение в свою структуру инженерной деятельности (если речь идет не о технических системах).

В настоящее время сфера приложения системного проектирования расширяется: оно включает в себя все сферы социальной практики (обслуживание, потребление, обучение, управление и т. д.), а не только промышленное производство. Формируется новый вид проектирования, задачей которого становится целенаправленное изменение социально-организационных структур. Все это ведет к изменению

самого содержания проектной деятельности, которое прорывает ставшие для него узкими рамки инженерной деятельности и становится самостоятельной сферой современной культуры в постиндустриальном обществе.

Таким образом, одной из самых характерных черт современного периода является ведущая роль проектирования всех сторон человеческой деятельности – социальной, организационной, технической, образовательной и т. д. То есть от относительно пассивного созерцания действительности человек переходит к детальному прогнозированию своего будущего и к активным действиям по его скорейшему воплощению. Инженерное проектирование как метод не только осуществляет экспансию на другие области жизнедеятельности общества, но и само подвергается воздействию со стороны социума, интериоризирует гуманитарные ценности и смыслы в инженерной деятельности. Поскольку сегодня очевидно, что любое инженерно-проектировочное воздействие на окружающую действительность имеет фатальные и далеко идущие последствия для общества, постольку огромное значение приобретает проектная культура для инженеров. От того, какова будет позиция инженера, являющегося центральной фигурой в проектной деятельности и организующего этот процесс, зависит в конечном счете поступательное развитие как целых государств и наций, так и отдельных людей.

Сегодня инженерное проектирование понимается как деятельность, направленная на создание новых технических объектов с заранее заданными характеристиками при обязательном учете необходимых ограничений – экологических, технологических, экономических и т. д. В обобщенном виде процесс проектирования технического объекта, в том числе технической системы, можно представить последовательностью проектных действий, показанных на рисунке.

Очевидно, принципиальной особенностью проектной деятельности в современную эпоху являются ее творческий характер (невозможность создания конкурентно-способных проектов на основе только известных стандартных решений), наличие всеобщего, не зависящего от государственных границ фонда технологий и открытий, ведущая роль науки и в первую очередь информационных технологий в создании новой техники, системный характер деятельности, огромная ответственность инженера-про-

Алгоритм процесса проектирования технического объекта

ектировщика за принятые решения перед будущими поколениями. В постиндустриальную эпоху утратилась классичность многих видов жизнедеятельности общества; в частности, для инженерных разработок большое значение приобрели достижения гуманитарных наук, которые позволили разработать методы активизации творческих способностей. Одновременно естественные и технические науки не только являются основой инженерного проектирования, но и дают вместе с математикой мощные методы, облегчающие принятие решений. С появлением таких наук, как теория систем, кибернетика, синергетика, возможности инженерного проектирования существенно расширились, усилилась его структуризация и вероятность саморазвития.

В результате прогресса инженерного проектирования и расширения сфер его приложения возник определенный диссонанс между потребностью общества в высококвалифицированных инженерах-проектантах, способных к решению сложных инженерных проблем широкого гуманитарного и социального контекста, и дифференциальным способом подготовки будущих инженеров в вузе. При таком узком специализированном подходе у будущих инженеров формируется фрагментарное восприятие окружающей объективной реальности, а не целостное, как того требует современное проектирование. В связи с этим подготовка будущих инженеров, способных выполнять техническое проектирование на современном уровне, определяемом социальной и технической реальностью, является важнейшей задачей системы высшего профессионального образования. Эта способность должна проявляться в виде сформированных общекультурных, общеинженерных и специальных проектных компетенций будущих инженеров, которые в своей совокупности характеризуют проектную культуру инженера. Проектная культура инженера – это не только владение технологией проектирования на современном уровне, но и широкая общая культура, умение учитывать при проектировании достижения гуманитарных и социальных наук, человеческий фактор, широкий ценностно-смысловой базис личности. Проектная культура подразумевает:

– способность к проведению мониторинговых исследований реальных и возможных потребностей, существующих в социально-экономической и технической сферах;

– способность и готовность к проведению научно-исследовательских и патентных исследований, к обеспечению патентной чистоты новых проектных решений и патентоспособности показателей технического уровня проекта;

– способность генерировать творческие решения социальных и профессиональных задач, готовность к нестандартным решениям;

– способность и готовность оценивать последствия реализуемых проектных решений;

– способность находить оптимальные технические решения с учетом требуемой функциональности, надежности, стоимости, безопасности жизнедеятельности, экологической чистоты и социальной ценности;

– способность строить и использовать различные модели для исследования и прогнозирования различных явлений и объектов, осуществлять их качественный и количественный анализ;

– способность проводить технические и технологические расчеты, технико-экономический и функционально-стоимостной анализ эффективности проекта;

– способность использовать пакеты прикладных программ при выполнении проектных работ;

– способность разрабатывать методические и нормативные документы, техническую проектную документацию;

– готовность к защите объектов интеллектуальной собственности и коммерциализации прав на объекты интеллектуальной собственности.

Проектная культура инженера характеризуется сочетанием формально-логических и интуитивных операций, выполняемых им при проектировании, широкой эрудицией в различных областях знаний, не связанных очевидным образом с инженерией. Для принятия гармоничного технического решения проектант должен уметь использовать свой личностный профессиональный опыт и интуицию, учитывать свои знания из принципиально различных областей науки и практики. Проектная культура основывается на принятии проектного решения в единстве его когнитивно-рационального и эмоционально-волевого компонентов, в сочетании формального и неформального подходов.

Формирование проектной культуры будущих инженеров возможно путем их вооружения соответствующими нормативами, правилами, регулятивами, технологиями проведения

всех этапов проектирования, которые вобрали в себя самый ценный мировой опыт за всю историю человечества. Сущностью проектной культуры является использование в профессиональной работе совокупности проектных способов преобразования действительности (природы, общества, самого человека) в сочетании их нормативного содержания и ценностного смысла. Включение проектной культуры в число наиболее важных результатов образовательного процесса связано, на взгляд авторов, с тем, что постепенное вытеснение сциентистской парадигмы образования, господствовавшей до недавнего времени в системе высшего технического образования, утверждение приоритета гуманистических ценностей послужило основанием для поиска нового облика образовательных учреждений, который соответствовал бы социальному заказу и потребностям субъектов образовательного процесса.

Проектная культура личности – относительно новое понятие. Оно вошло в научный обиход в связи с разработкой технологий социальной инженерии [9]. Несмотря на активную разработку в последние годы проблем социокультурного, инновационного и других видов проектирования, феномен проектной культуры до сих пор исследован недостаточно; пока не сложилось целостное представление о структуре проектной культуры личности, ее принципах, закономерностях, психолого-педагогических условиях формирования.

Проектная культура выступает надсистемной характеристикой личности инженера и представляет собой сложную композицию поликомпонентных качеств личности, включающих базовые и периферийные свойства, психологическую готовность человека к проектной деятельности, а также владение системой специализированных проектных технологий, которые осваиваются в процессе обучения в вузе.

Обращаясь к механизмам формирования проектной культуры [7], следует отметить, что они включают в себя все области педагогической деятельности: научно-исследовательскую, проектировочную, воспитательную, образовательную, управленческую в их сложной взаимосвязи. Научно-исследовательская область требует разработки теоретических основ самого феномена проектной культуры, выявления признаков личности, овладевшей названной культурой, принципов, закономерностей, условий формирования нового типа культуры, разра-

ботки диагностических процедур. Проектировочная область направлена на создание педагогической системы образовательного учреждения, ориентированной на формирование проектной культуры субъектов образовательного процесса и разработку технологии ее функционирования. Воспитательная область ориентирована на специально организованное, целенаправленное и управляемое взаимодействие коллектива воспитателей и воспитанников с целью формирования у последних проектной культуры и социальной зрелости как обобщенных результатов развития личности. Образовательная область ориентирована на включение проектного метода обучения в образовательный процесс по основным и дополнительным образовательным программам. Управленческая область требует принятия организационно-педагогических решений по внедрению проектного метода обучения в содержание деятельности образовательного учреждения.

Необходимым условием формирования у будущих инженеров проектной культуры является мотивационный (субъективный) фактор, который выражается в установке личности на овладение проектной культурой, наличие опыта креативной деятельности. В качестве внешних (объективных) условий выступают: наличие научно-методического обеспечения процесса формирования проектной культуры, соответствующее цели содержание образования, зафиксированное в образовательных стандартах, организация учебного процесса как системного явления, отражающего сущность проектной культуры.

Новое понимание проектирования, новое инженерное мышление требуют существенной корректировки процессов подготовки и переподготовки инженеров. Преодолению негативных последствий узкопрофессиональной подготовки инженеров способствует гуманизация инженерного образования, включение технических знаний в общекультурный контекст. Только при синтезе естественно-научного (включая техническое) и гуманитарного знаний возможно преодоление технократического мышления, для которого характерны главенство цели над смыслом, техники над человеком.

В роли ведущей дисциплины, в значительной степени помогающей преодолеть разобщенность отдельных наук в подготовке будущего инженера к проектной деятельности, может выступать дисциплина «Основы проекти-

рования» или «Инженерное проектирование». Ее инвариантное ядро сводится к следующим укрупненным дидактическим единицам: 1) содержание и принципы инженерного проектирования, его уровни; системный подход; 2) общие и специализированные показатели качества, их модели; 3) техническое противоречие; идеальный конечный результат; 4) основные качества объекта проектирования, их анализ; техническое задание; 5) методы поиска идей; от идеи – к конкретным техническим объектам; 6) векторная оптимизация, принятие решений; 7) системные модели, алгоритмы и программы, отражающие функционирование физических объектов; 8) численные методы и модели имитации испытаний и условий эксплуатации; 9) методы оценки качества и приемлемости инженерно-проектировочного решения.

В настоящее время в учебном плане подготовки инженеров имеется ряд дисциплин, обладающих определенными возможностями в формировании проектной культуры. Так, законы строения и развития техники, ее компоненты, совместимость, задачи проектирования рассматривают дисциплины «Введение в специальность», «История и философия науки и техники»; поиск, систематизацию и использование проектной информации – дисциплины «Инженерная графика», «Компьютерная графика»; творчество в технических разработках, методы решения изобретательских задач, основы патентования являются предметом изучения дисциплин «Основы научно-технического творчества», «Патентование» и т. д.

К сожалению, в учебных планах современных технических вузов недостаточно учебных дисциплин, в которых студентов обучали бы самому главному творческому акту в проектной деятельности – формированию замысла, поиску проблем и задач, анализу потребностей общества и путей их реализации, прогнозированию влияния проектируемых технических объектов на жизнь общества и отдельного человека. Для этого необходимы как указанные выше учебные курсы широкого методологического плана, так и специальные курсы с включением творческих задач и обсуждением их решения, моделирование социогуманитарной экспертизы инженерно-проектировочных решений [10].

Становится очевидным важность личностного развития студентов, что требует индивидуализации обучения, повышения самостоя-

тельности в учебной деятельности. Серьезная мотивация в обучении может возникнуть лишь на основе творческого освоения как знаний в предметной области, так и постановки практически важных задач, не решенных на сегодняшний день. Развитие творческих способностей невозможно только в рамках академических занятий. Необходимо активное участие в научно-исследовательской работе кафедр, в инженерных разработках, тесное творческое содружество и личные контакты с инженерами, конструкторами, исследователями. Формы такого взаимодействия разнообразны – это и участие в учебной исследовательской работе, и работа в студенческих конструкторских бюро, по хозяйственным договорам кафедр. Существенны для повышения мотивации и творческих способностей студентов любые возможности практического использования их знаний и внедрения студенческих разработок.

Проектное дело должно превратиться из ремесла в гармоничное творчество, направленное на повышение стандартов качества жизни человека, в котором равноправны наука и искусство, теория и эксперимент, логика и интуиция, а инженер является гармоничной личностью, значимой фигурой современного общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дитрих, Я. Проектирование и конструирование. Системный подход / Я. Дитрих. – М.: Мир, 1981.
2. Джонс, Дж. К. Методы проектирования / Дж. К. Джонс. – М.: Мир, 1986.
3. Диксон, Дж. Проектирование систем / Дж. Диксон. – М.: Мир, 1969.
4. Горохов, В. Г. Знать, чтобы делать: История инженерной профессии, ее роль в современной культуре / В. Г. Горохов. – М.: Знание, 1987.
5. Гурье, Л. И. Проектирование педагогических систем: учеб. пособие / Л. И. Гурье. – Казань: Казан. гос. технол. ун-т, 2004.
6. Сидоренко, В. Ф. Генезис проектной культуры / В. Ф. Сидоренко // Вопросы философии. – 1984. – С. 86–99.
7. Чернобытов, В. А. Основы проектной культуры / В. А. Чернобытов, Н. С. Коваленко / Акмеологический подход в профессиональной подготовке специалистов на факультете технологии и предпринимательства. – СПб., 2002. – С. 116–123.
8. Бао, О. Анализ понятия «культура инженерии» / О. Бао // Вопросы философии. – 2007. – № 5.
9. Поппер, К. Открытое общество и его враги. Т. 1 / К. Поппер; пер. с англ., под ред. В. Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
10. Петрунева, Р. М. Социоинженерные задачи / Р. М. Петрунева // Высшее образование в России. – 2003. – № 3.

УДК 355.233/237
ББК 68.572

А. С. Тимохович, В. В. Кольга

**ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ
И ПЕРЕПОДГОТОВКИ ОФИЦЕРОВ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ
В ПЕРИОД РЕАЛИЗАЦИИ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ**

Сибирский государственный аэрокосмический университет имени академика М. Ф. Решетнёва

E-mail: TAStepanich@yandex.ru, kolga@sibsau.ru

Статья посвящена развитию военного образования в период реализации военной реформы в России. Показано, как педагогическая модель, основанная на синтезе военного и гражданского, в данном случае аэрокосмического образования, позволяет взаимно дополнять и развивать образовательные системы и на этой основе совершенствовать качество подготовки офицеров-ракетчиков и специалистов аэрокосмической отрасли.

Ключевые слова: военно-профессиональная подготовка, образовательная система, кадры нового поколения.

A. S. Timohovich, V. V. Kolga

**MANAGEMENT OF MILITARY AND PROFESSIONAL TRAINING AND RETRAINING FOR
OFFICERS IN TECHNICAL UNIVERSITIES IN THE PERIOD OF THE MILITARY REFORM IN
RUSSIA**

Siberian State Aerospace University named after M.F.Reshetnev

The article is devoted to the development of military education in the period of the military reform in Russia. It is shown how a pedagogical model, based on the synthesis of military and "civil", in our case, aerospace education, makes it possible to complement and develop these educational systems and thereupon to improve the training quality of missile officers and aerospace industry specialists.

Keywords: military and professional training, educational system, the staff of new generation.

Развитие инновационных технологий в мире и, в частности, в России влечет за собой развитие отраслей экономики, обеспечивающих выпуск наукоемкой продукции, в том числе и военного назначения. В связи с этим повышаются требования и к системе подготовки кадров для данного сектора промышленности.

Актуальность профессиональной подготовки специалистов высокотехнологичных отраслей производства тесно связана с реформированием Вооруженных Сил – одним из основных потребителей высокотехнологичных изделий военного назначения. Решение этих вопросов требует создания системы подготовки специалистов нового уровня, одинаково хорошо владеющих знаниями техники и современных технологий как гражданского, так и военного назначения. Самые широкие возможности для обучения таких специалистов в техническом вузе могут быть реализованы в процессе прохождения ими военной подготовки.

Синтез военно-профессиональной подготовки в рамках вуза и системы гражданского аэрокосмического образования дает возможность значительно повысить компетентность современного офицера-ракетчика в вопросах технической эксплуатации ракетной техники военно-гражданского назначения.

Исследование теории и практики современной подготовки офицеров-ракетчиков в вузах выявило ряд существенных противоречий:

– между объективной потребностью исследования роли и места военного образования в системе технического образования России и отсутствием целостной теоретической концепции военной подготовки будущего специалиста аэрокосмической отрасли;

– между низкой подготовленностью в области технической эксплуатации военной техники у выпускников военных кафедр гражданских вузов и требованиями, предъявляемыми к выпускникам на боевых дежурствах в войсках;

– между необходимостью совместного использования технологий как гражданского, так и военного назначения современным специалистом высокотехнологичного сектора экономики и отсутствием согласованности между военной подготовкой специалиста и системой гражданского аэрокосмического образования;

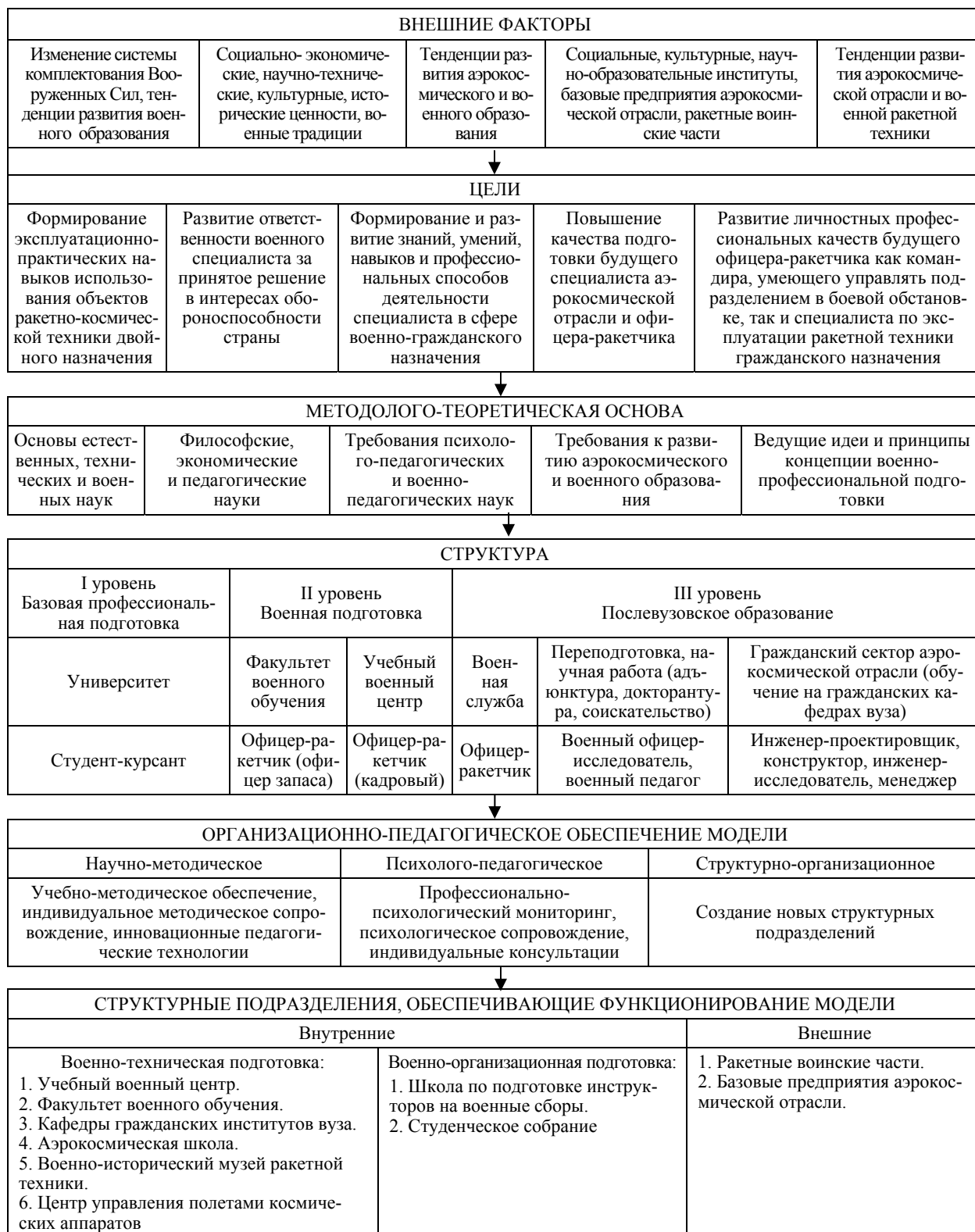
– между необходимостью согласования на педагогическом и научно-техническом уровнях содержания образовательного процесса при подготовке офицеров в техническом вузе и отсутствием системы, обеспечивающей этот процесс.

Для подготовки офицеров-ракетчиков, отвечающих современным требованиям как к во-

енным, так и к гражданским специалистам аэрокосмической отрасли, разработана организационно-педагогическая модель военной профессиональной подготовки в вузе [1, 2, 3, 4]. Эта модель включает в себя структурированную по

уровням систему подготовки офицеров-ракетчиков, что обеспечивает их профессиональную мобильность в интересах развития военной и аэрокосмической промышленности [2, 4] (см. таблицу).

Модель военно-профессиональной подготовки в вузе

↓

ГОТОВНОСТЬ ВЫПУСКНИКОВ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ СЛЕДУЮЩИХ ВИДОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<p>Научно-исследовательская деятельность – создание математических моделей, оценивающих физические процессы функционирования объектов ракетно-космической техники в аварийных и экстремальных режимах</p>	<p>Проектно-конструкторская деятельность – проектирование процессов эксплуатации, сервисного обслуживания и утилизации объектов ракетной техники военно-гражданского назначения; создание компьютерных моделей функционирования объектов ракетно-космического назначения в условиях военной и гражданской эксплуатации</p>	<p>Экспериментально-практическая деятельность – проведение практических испытаний ракетной техники военного и гражданского назначения в нормальных и аварийных режимах</p>	<p>Организационно-управленческая деятельность – развитие навыков организации и управления военными подразделениями в ходе эксплуатации объектов ракетно-космической техники и развитие административно-хозяйственных знаний и навыков для перехода из военного сектора деятельности в гражданский</p>	<p>Военно-служебная деятельность – приобретение навыков практического использования и эксплуатации ракетных комплексов военного назначения в условиях консервации и активного боевого дежурства, а также управления подразделениями контрактников</p>
---	--	--	---	---

Поуровневое структурирование военно-профессиональной подготовки обеспечивает необходимые организационные, содержательные и ресурсные условия реализации программ подготовки офицеров-ракетчиков, обеспечивающих формирование их профессиональных компетенций.

Первым уровнем является базовая профессиональная подготовка в рамках высшей школы для развития мотивации к формированию профессиональных компетенций в области эксплуатации и практического использования объектов ракетно-космической техники двойного назначения.

Второй уровень включает в себя непосредственно военное образование, реализуемое по двум направлениям. На факультете военного обучения осуществляется подготовка офицеров запаса с высокими морально-деловыми и профессионально-боевыми качествами, готовых к выполнению обязанностей в войсках как в военное, так и в мирное время. В учебном военном центре готовятся кадровые офицеры-ракетчики с высокими морально-боевыми качествами, в совершенстве знающие устройство, правила эксплуатации и боевого применения боевых ракетных комплексов, обладающих волей, инновационным мышлением и организаторскими способностями, умеющими обучать и воспитывать подчиненных.

Третий уровень – послевузовское образование. Процесс переподготовки офицеров на этом уровне позволяет подготовить их в вопросах организации производства, эксплуатации, сервисного обслуживания и утилизации ракетной техники аэрокосмической отрасли и других высокотехнологичных областях, метрологическом обеспечении, техническом контроле, обеспече-

нии необходимыми техническими данными, материалами, оборудованием.

Особую роль выполняет на этом уровне воинская служба. Прежде всего потому, что она позволяет совершенствовать профессиональные качества и формировать у офицеров чувство ответственности за выполнение боевой задачи при несении боевого дежурства, за организацию экономного сохранения ресурса вооружения и военной техники, выраженное в ее грамотной технической эксплуатации.

В процессе военно-профессиональной подготовки будущего специалиста с учетом специфики образовательных этапов в модели реализованы следующие подходы:

- первичная подготовка (в школах, в техникумах, на первом курсе университета для формирования мотивации к получению военно-технического образования);
- военно-техническая подготовка (на факультете военного обучения, учебном военном центре);
- военно-организационная подготовка (в школе подготовки инструкторов на учебные сборы для формирования организационных навыков управления военно-техническим персоналом; в студенческом собрании для привития будущим офицерам-ракетчикам общекультурных ценностей) позволяет прививать специалистам аэрокосмической отрасли навыки и умения по организации производственного процесса на высоком технологическом уровне, с высокой трудовой дисциплиной на предприятиях аэрокосмической отрасли, связанной с производством ракетной техники военно-гражданского назначения, а также вооружить будущих офицеров-ракетчиков навыками и умениями необходимыми им при выполнении обязанностей военной службы в современных условиях;

– военная служба (офицер-ракетчик, военный специалист знающий правила эксплуатации и боевого применения ракетного оружия; офицер-воспитатель, это требовательный к себе и подчиненным командир, строящий свою служебную деятельность на основании федерального законодательства, уставов и наставлений, приказов министра обороны Российской Федерации и общепризнанных принципов и норм международного права);

– переподготовка, научная работа (обучение в институтах и университетах специальностям, требуемым в гражданской сфере деятельности после выхода офицеров в запас по достижению предельного срока нахождения на военной службе, в связи с организационно-штатными мероприятиями или по состоянию здоровья; адъютантура, обучение в академии Петра Великого, соискательство и докторантура в университете).

Структурные подразделения, обеспечивающие функционирование модели, делятся на: внутренние (школа по подготовке инструкторов на учебные сборы; учебный военный центр; факультет военного обучения; кафедры гражданских институтов вуза; военно-исторический музей ракетной техники; центр управления полетами космических аппаратов; студенческое собрание) и внешние (ракетные воинские части; базовые предприятия аэрокосмической отрасли; академия Петра Великого).

Предлагается рассмотреть отдельно школу по подготовке инструкторов на учебные сборы. Какие она преследует цели, какие решает задачи и как влияет на готовность выпускников к выполнению должностных обязанностей, при повседневной жизнедеятельности частей и подразделений [4].

Необходимость создания школы была вызвана следующими причинами:

а) в связи со штатной реорганизацией военных факультетов и военных кафедр при гражданских высших учебных заведениях значительно сократился численный состав офицеров-преподавателей и возникла проблема по организации и проведению учебных сборов в воинских частях. При этом количество офицеров, которое осталось на военных кафедрах, явно недостаточно для того, чтобы охватить весь спектр служебных вопросов, решаемых подразделениями курсантов при проведении учебных сборов;

б) обучаясь на военной кафедре методом военного дня студенты не успевают в необхо-

димой степени приобрести опыт организации внутреннего и внешнего взаимодействия подразделений, опыт работы с личным составом, проходящим военную службу по призыву и по контракту на должностях сержантского и рядового состава.

Основная цель обучения в школе: подготовить командный состав учебных взводов за счет формирования у студентов организационно-управленческих навыков и умений в области технической эксплуатации военной техники и управления персоналом.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

– произвести отбор студентов, имеющих склонности к командной, творческой и организаторской работе. Как показывает опыт, не все командиры учебных взводов, отделений могут командовать своими подразделениями на учебных сборах, так как специфика жизнедеятельности подразделений на сборах значительно отличается от учебы в военном институте и в университете и требует от каждого студента максимальной отдачи душевных, физических и нравственных сил при исполнении своих служебных обязанностей;

– распределить кандидатов по направлениям обучения (на командный состав взводов, отделений; инструкторов по организации и проведению информационно-воспитательной работы; по организации и проведению спортивно-массовой работы; по выпуску стенной печати, радио и видеогазет; по организации и проведению культурно-досуговых мероприятий с личным составом в выходные и праздничные дни);

– организовать занятия по направлениям с использованием казарменно-жилищного фонда и объектов учебно-материальной базы военного института и воинских частей гарнизона;

– в конце прохождения учебной программы организовать итоговый контроль.

Студенты, закончившие обучение и успешно прошедшие итоговый контроль, допускаются к выполнению возложенных на них обязанностей во время учебных сборов.

Накопленный опыт работы школы показывает, что студенты прошедшие теоретическое обучение в школе и получившие практические навыки на учебных сборах, имеют более высокие знания и практические навыки и умения: по работе с личным составом, проходящим воинскую службу по призыву и по контракту; умеют более грамотно и уверенно организовывать

и проводить мероприятия с личным составом в повседневной жизнедеятельности частей и подразделений, чем студенты, не проходившие обучение в школе.

Все компоненты модели военно-профессиональной подготовки в вузе в совокупности определяют достигаемый результат, выраженный в наращивании компетенций будущего офицера-ракетчика и специалиста аэрокосмической отрасли нового уровня. Значимость достигаемого результата определяется степенью ответственности будущего специалиста как при эксплуатации боевых ракетных комплексов, так и при создании и практическом использовании ракетно-космических объектов гражданского назначения.

УДК 378.146
ББК 448.1.28

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Беляева, А. П.* Методология и теория профессиональной педагогики / А. П. Беляева. – СПб., 1999. – 480 с.
2. *Кольга, В. В.* Концепция построения системы непрерывного аэрокосмического образования: монография / В. В. Кольга. – Красноярск: КГУ, 2006.
3. *Маркова, С. М.* Проектирование педагогического процесса в условиях непрерывного многоуровневого профессионального образования / С. М. Маркова. – Н. Новгород: ВГИПИ, 1999. – 100 с.
4. *Тимохович, А. С.* Модель военной подготовки в системе непрерывного многоуровневого аэрокосмического образования / А. С. Тимохович, В. В. Кольга // Сборник материалов II Всероссийской научно-методической конференции преподавателей вузов, ученых и специалистов ГОУ ВПО «Волжский государственный инженерно-педагогический университет». – Нижний Новгород, 2008. – С. 112–113.

Л. А. Федотова

РЕЙТИНГОВЫЙ КОНТРОЛЬ ЗНАНИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА ФАКУЛЬТЕТЕ ДОВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ

Волгоградский государственный технический университет, Лицей

E-mail: licey@vstu.ru

Статья посвящена рейтинговому контролю знаний учащихся факультетов довузовской подготовки. Приведена модель рейтингового контроля. Показано, что применение рейтингового контроля ускоряет адаптацию и повышает успешность учащихся на этапе довузовской подготовки и при обучении в высшей школе.

Ключевые слова: рейтинговый контроль знаний, довузовская подготовка, адаптация, успешность обучения.

L. A. Fedotova

RATING CONTROL OF STUDENT'S KNOWLEDGE IN PRE-UNIVERSITY TRAINING SYSTEM

Volgograd State Technical University, Licey

Article is dedicated to rating control of student's knowledge in pre-university training system. Here is shown the model of rating control. It is proved that applying of rating control speed up adaptation and increase students success on stage of preparing for college and High School.

Keywords: rating control of student's knowledge, pre-university training system, adaptation, education success.

При поступлении в вуз бывший школьник подвергается учебным стрессам, обусловленным сменой дидактической системы образования, способов обучения и образа жизнедеятельности, что затрудняет и затягивает процесс его адаптации к новой жизни в условиях университетского социума. Создать благоприятные предпосылки для становления студента как полноценного субъекта образовательного процесса вуза призваны факультеты довузовской подготовки (ФДП), решающие задачи формирования готовности выпускников средней школы к получению высшего профессионального

образования и их профессионального самоопределения. Успешность педагогического процесса на ФДП во многом зависит от учета социально-экономических и психолого-педагогических факторов, определяющих особенности современной довузовской подготовки. Этот учет особенно важен при разработке отдельных составляющих педагогического процесса, в частности, системы контроля знаний.

В современной практике широко используется система рейтингового контроля, основанная на принципе аддитивности – накоплении баллов, полученных при выполнении различ-

ных учебных поручений и выставления на их основе результирующей оценки. Неоднократно отмечались объективность рейтинговой оценки, возможность с ее помощью активизировать постоянную учебно-познавательную деятельность обучающихся, возможность глубокой статистической обработки результатов, а также возможность отслеживать с помощью рейтинговых баллов динамику изучения учебной дисциплины [1]. В настоящее время рейтинговый контроль знаний широко применяется во многих ведущих вузах России, главным образом технических [2], однако его применение на этапе довузовской подготовки в полной мере не обосновано.

Для обоснования этой возможности необходимо сформировать модель рейтингового контроля, включающую цель применения, выделить задачи, принципы, функции и компоненты. При разработке модели следует учитывать социально-экономические и психолого-педагогические факторы, определяющие особенности рейтингового контроля знаний обучающихся на факультете довузовской подготовки. Социально-экономические факторы включают функционирование довузовской подготовки как компонента многофункциональной образовательной структуры вуза, имеющей преемственные образовательные цели, общую материально-техническую базу, организационные формы и методы обучения, дидактические принципы и профессорско-преподавательский состав.

При обосновании рейтингового контроля на ФДП включать в рассмотрение следует не только общепризнанных субъектов довузовской подготовки: преподавателей и старшеклассников, но их семьи (родителей), роль которых на этом этапе получения образования нельзя недооценивать.

Проведенные исследования (И. С. Кон, А. К. Маркова) выявили, что учащиеся довузовской подготовки (возраст ранней юности) характеризуются повышенной потребностью в объективной оценке и самооценке, достаточной самостоятельностью в сфере целеполагания и выборе вида профессиональной деятельности, рефлексией относительно своего статуса в обществе сверстников. При этом у них прослеживается отрицательное отношение к формам жесткого контроля со стороны учителя, а учебная деятельность приобретает характер выраженного сотрудничества с преподавателем.

Общей характеристикой преподавателей ФДП является то, что они, работая в вузе и имея опыт работы со студентами (в том числе опыт применения рейтингового контроля), рассматривают педагогическую деятельность с учащимися довузовской подготовки как дополнительную, соответствующую существующим на данный момент личным потребностям (дополнительный заработок, получение нового педагогического опыта, потребность в самореализации и т. д.). При этом преподавателю необходимо перестраиваться с одного контингента учащихся на другой, находящихся в близких, но различающихся возрастных группах и на разных этапах получения образования.

Важную роль в довузовской подготовке играют семьи обучающихся. С одной стороны, это обусловлено современным восприятием довузовского образования как услуги, а не как социальной функции, с необходимостью полной компенсации оплаты за обучение. С другой стороны, эта роль определяется необходимостью выбора дальнейшей образовательной траектории, где мнение родителей в силу традиций воспитания в России очень велико. Вообще, именно семьи совместно с учащимися, являясь связующим звеном между различными ступенями образования, делают свой выбор и разрабатывают стратегии получения образования детьми. По данным психолого-социологической службы ВолгГТУ, 57 % первокурсников выбрали вуз, прислушиваясь к мнению семьи, а 9 % полностью предоставили выбор родителям.

Исходя из вышесказанного, к психолого-педагогическим факторам рейтингового контроля на ФДП следует отнести возрастные психологические особенности старшеклассников, активную субъектную позицию родителей абитуриентов и педагогический опыт преподавателей факультета довузовской подготовки, приобретенный в условиях рейтинговой системы вуза.

В системе рейтингового контроля на ФДП выделяется три уровня целей: стратегический, определяемый целью довузовской подготовки, направленной на формирование подготовленного к получению высшего образования абитуриента и успешного студента вуза; прогностический, связанный с ближайшими целями субъектов довузовской подготовки – сдачей ЕГЭ и выбором дальнейшей образовательной траектории; тактический, который указывает на крат-

косрочные цели каждодневного учебного процесса на ФДП. К таким целям может относиться определение динамики учебно-познавательной деятельности, организация обратной связи, возможность ознакомления родителей с текущей успеваемостью и т. д.

В соответствии с выделяемыми целями рейтинговый контроль знаний обучающихся на факультете довузовской подготовки должен выполнять следующие задачи: на стратегическом уровне – способствовать повышению учебно-познавательной активности студента, являться средством адаптации бывшего старшеклассника при вхождении в образовательное пространство вуза; на прогностическом уровне – помочь формированию у учащихся навыков самостоятельной работы; обеспечить возможность использования результатов контроля как ориентира при сдаче ЕГЭ и выборе дальнейшей образовательной траектории; на тактическом уровне – способствовать осуществлению текущего анализа результатов усвоения материала, обеспечивать обратную связь для преподавателей и родителей, обеспечивать объективность оценки знаний. Интегрирующей задачей рейтингового контроля является повышение успешности обучения учащихся довузовской подготовки на текущем и последующих этапах получения образования.

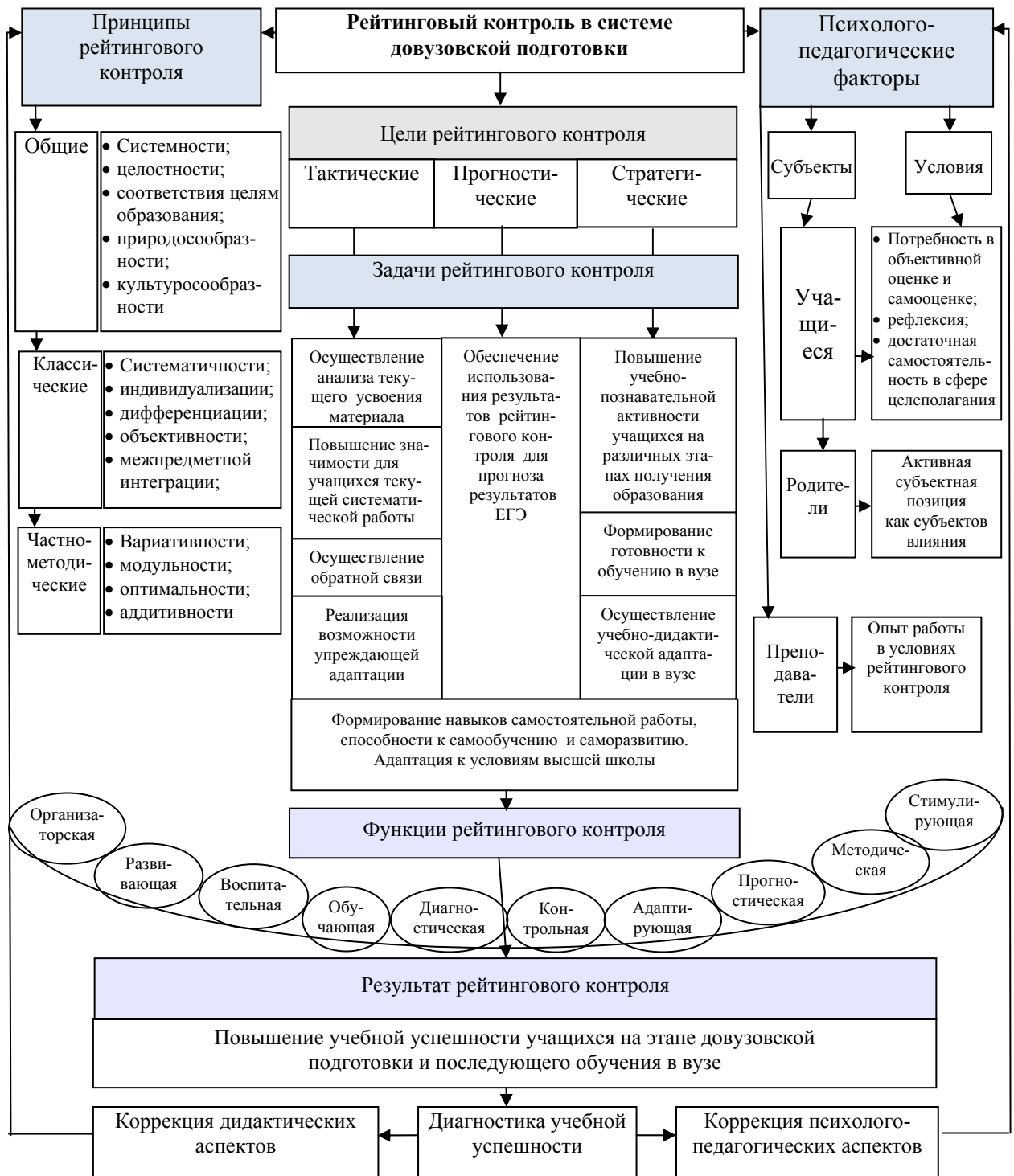
В образовательном процессе факультета довузовской подготовки рейтинговый контроль выполняет ряд взаимосвязанных функций, как общих для всех видов контроля, так и специфических, актуализируемых на этапе довузовской подготовки: прогностическую и адаптирующую.

Прогностическая функция связана с возможностью использования результатов рейтингового контроля при проектировании учащимся и его семьей дальнейшей образовательной траектории. Традиционная школьная оценка, выставленная по пятибалльной шкале в силу ряда причин, в частности, малой дифференцирующей способности, не может служить ориентиром при выборе абитуриентом перечня потенциальных вузов в пределах выбранной области деятельности. Результатом предметной подготовки, на основе которого проводится конкурсный отбор в вузы, в настоящее время является тестовая оценка ЕГЭ, выставленная по стобалльной шкале. Основой для реализации прогностической функции рейтинга является корреляция рейтингового балла и результата ЕГЭ.

При реализации адаптирующей функции рейтинговый контроль выступает как средство упреждающей адаптации учащихся ФДП к условиям обучения в вузе. Упреждающая адаптация – процесс и результат вхождения учащихся довузовской подготовки в конструируемую вузовскую среду на этапе, предшествующем этапу обучения в вузе. Разработанная психологами и педагогами антиципирующая стратегия адаптации предполагает, что, благодаря предварительному знакомству с возможными негативными последствиями внешних воздействий, сопротивляемость индивида этим воздействиям усиливается. Одним из таких воздействий является неизбежное при переходе из школы в вуз изменение процесса контроля знаний, результаты которого всегда остро задевают учащихся и их семьи, и вызывают сильное эмоциональное напряжение. Применяемый в комплексе с другими воздействиями рейтинговый контроль по системе, соотносимой с применяемой в высшей школе, является средством упреждающей адаптации будущих студентов.

Сформулированные цели, задачи и функции рейтингового контроля на этапе довузовской подготовки составляют дидактическую систему, на основании которой осуществлялось формирование модели рейтингового контроля обучающихся на ФДП (см. рисунок). Результатом реализации приведенной модели контроля является готовый к обучению в вузе выпускник школы. Степень достижения результата является основанием для корректировки дидактических и психолого-педагогических аспектов модели рейтингового контроля.

Эффективность рейтингового контроля знаний обучающихся на факультете довузовской подготовки определяется на трех уровнях: стратегическом, прогностическом и тактическом при отслеживании учебных достижений обучающихся на ФДП, сдачи ЕГЭ и обучении в вузе. Стратегический уровень определяется единством общеобразовательных целей довузовской подготовки и вузовского образования, способностью рейтинговой системы контроля адекватно и оперативно реагировать на изменения в содержании довузовской подготовки. К прогностическому уровню эффективности относится потенциальная возможность для старшеклассника и его родителей использовать результаты рейтингового контроля для предварительной оценки возможного результата ЕГЭ. Тактический уровень связан с организацией об-

Модель рейтингового контроля знаний обучающихся на факультете довузовской подготовки

ратной связи субъектов образовательного процесса и соответствующей корректировкой содержательных и процессуальных характеристик процесса контроля. На этом уровне эффективность рейтинговой системы контроля знаний обучающихся определяется успешностью сдачи ЕГЭ и последующими учебными достижениями выпускников факультета дову-

зовской подготовки на этапе получения высшего образования. При этом наблюдалось пролонгированное влияние рейтингового контроля, применявшегося на факультете довузовской подготовки на успешность обучения в вузе студентов – выпускников факультета довузовской подготовки [3]. Эффект переноса позволял им также добиваться более значимых учебных ре-

зультатов и в дисциплинах, не изучавшихся в довузовской подготовке, например, философии.

Проводимая на протяжении ряда лет экспериментальная работа по реализации рейтингового контроля знаний обучающихся на ФДП, подтвердила, что включение рейтингового контроля знаний на основе разработанной модели в учебный процесс ФДП способствует формированию готовности выпускников школы к получению высшего профессионального образования; позволяет учащимся приобрести учебный опыт, приводящий к успешности на этапе сдачи ЕГЭ и последующего обучения в высшей школе.

УДК 37.014(470.47)-025.32
ББК Ч34(2Рос.Калм)7
С773

Л. А. Староверкина

НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В НАЦИОНАЛЬНОМ РЕГИОНЕ

Калмыцкий государственный университет

E-mail: staroverkina_la@mail.ru

В статье рассматриваются различные подходы к проблеме непрерывного образования в национально-региональной системе образования.

Ключевые слова: непрерывное образование, регион, образование в регионе, система непрерывного образования в национальных регионах.

L. A. Staroverkina

CONTINUING EDUCATION IN THE NATIONAL REGION

Kalmyk state university

The article deals with different approaches to the problem of continuing education in the national-regional system of education.

Keywords: continuing education, region, education in the region, system of continuing education in national-regions.

Существенной особенностью современной экономической, социокультурной, управленческой ситуации в России является развитие страны как единого пространства с учетом национально-региональных особенностей субъектов Федерации. Существующие в настоящее время модели регионализации образования, законодательные и нормативные акты не позволяют в полной мере целенаправленно реализовать региональную политику в области непрерывного образования, определить пути и средства превращения общего и профессионального образования в фактор экономического и социального прогресса региональных сообществ. Поэтому проблема регионализации непрерывного образования еще долгое время будет актуальной, востребованной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Тельтевская, Н. В.* Рейтинговая система контроля и оценки знаний: учебно-методическое пособие / Н. В. Тельтевская. – Саратов, 2008. – 93 с.
2. *Петрунева, Р. М.* Использование рейтинговой оценки знаний студентов в цикле гуманитарных дисциплин / Р. М. Петрунева, Н. В. Дулина // Социально-гуманитарные знания. – 2006. – № 4. – С. 67–77.
3. *Федотова, Л. А.* Рейтинговый контроль в довузовской подготовке и результаты его применения / Л. А. Федотова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 6. – С. 101–104. (Серия «Педагогические науки»).

В последние годы каждый регион наделяется правом и обязанностью определять собственную образовательную стратегию и тактику сообразно своим социально-экономическим, географическим, социально-культурным условиям. Закон Российской Федерации «Об образовании», региональные документы обеспечили правовую основу становления национально-региональных систем образования. Одним из приоритетных направлений в образовательной политике Российской Федерации становится деятельность по формированию региональных систем образования, позволяющих решать актуальные задачи региона. Основная идея образования в России: через этническую культуру к общечеловеческим ценностям, к содружеству всех народов Федерации. Решение проблемы

модернизации образования, разработки и реализации программ развития образования с учетом региональных особенностей невозможно без учета следующих факторов: своеобразие исторического, политического, экономического развития, природные, климатические и географические условия; специфика культурного развития в рамках длительного и многообразного этногенеза; особенности религиозной и других сфер сознания. Документы ООН, ЮНЕСКО, Совета Европы провозглашают обеспечение всех прав этносов без какой-либо дискриминации, независимо от расы, языка, цвета кожи, религии, этнического происхождения, способствуют мировой образовательной практике системы защиты и сохранения этнических меньшинств и их языков [10].

Именно национальные особенности, как показывают многочисленные исследования (И. А. Бочкарева, В. П. Кваша, А. Б. Панькин, В. И. Подобед, Н. И. Роговцева и др.), оказывают существенное влияние на поведение и деятельность представителей конкретной нации [4]. Социально-экономическое развитие России в современных условиях делает насущным разработку проблем образования не только на уровне и в масштабах целой страны, но и на уровне и в пределах каждого региона [9]. Регионам, под которыми подразумеваются территориально-административные единицы, имеющие органы управления на местах: автономные образования, области, края, республики, входящие в состав Российской Федерации [5], федеративным договором предоставлено существенно больше самостоятельности во всех сферах их жизни.

Системы образования, которые функционируют на определенной территории, должны быть ориентированы на условия и специфику национально-административных территориальных образований с учетом общегосударственных, национальных, местных и индивидуальных интересов.

Приоритеты проблем эффективности и качества современной системы образования ориентированы на потребности рынка, экономический рост и социальное обновление, что должно способствовать сохранению существующего образа жизни, общественного производства культуры, оказать влияние на реализацию этапа подъема и возрождения. Именно эти приоритеты делают особенно актуальным вопрос о реализации образовательной политики региона с учетом его конкретных потребностей, условий,

ресурсов. Система регионального образования как фрагмент российской системы образования должна выполнять следующие функции: обеспечивать всем равные, но при этом достаточно высокие стандартные возможности; формировать у подрастающих поколений гражданскую позицию по отношению к Российскому государству; обеспечить воспроизведение лучших культурно-исторических традиций, способов и форм российской жизни и деятельности. Через систему непрерывного образования в регионе должно осуществляться качественное воспроизводство работников любой сферы, идти процессы социализации и формирования молодежи, отвечающих требованиям времени, способных на качественно новом уровне развивать все общественные сферы региона [6].

В условиях региона образовательная система становится адресной, самоопределяющейся, это позволяет ей встраиваться в социальную систему и активно ее преобразовывать. Как и федеральная программа развития образования, региональная опирается на общеметодологические основания, которые на региональном уровне должны стать его главными приоритетами. В. Г. Подзолков [8] к общеметодологическим основаниям относит:

– взаимопроникновение общечеловеческого, этнического, регионально-особенного и индивидуально-личностного оснований образования;

– сущность образования – развитие в человеке человеческого. Процесс этого развития не только конкретно историчен, но и регионален: «где родился, там и пригодился»;

– подвижность и взаимосвязь процессов гуманизации, демократизации, преодоления идеологического и политического единообразия.

Системы образования регионов, наряду с общими, имеют свои особенности и специфические условия функционирования. Составной частью региональных концепций и программ развития образования является система непрерывного педагогического образования; условием развития регионального образования является реформа педагогического образования. Сегодня определены научные основы управления педагогическими системами в регионах России (Г. Г. Габдуллин, Е. П. Жирков, В. Ю. Кричевский, А. А. Орлов и др.). Изменение практики подготовки педагогов и повышения их квалификации – один из ведущих механизмов развития образования в целом. Это определяется тем, что педагогическое образование выполняет важ-

нейшую функцию – оно обеспечивает воспроизводство самой сферы образования. Наиболее важным из современных требований к структуре непрерывного педагогического образования является требование такого построения этой системы, при котором оптимально сочетаются требования мировой образовательной системы, федеральные требования и реальные возможности определенного региона. И только учет особенностей определенного региона действительно позволит учитывать реальные потребности в образовательных услугах и реальные возможности их удовлетворения соответствующими специалистами.

В. М. Петровичев в своей монографии всесторонне рассмотрел и разработал проблемы региональной системы образования, которые проецируют экономическое и социальное положение региона на сферу образования. По его мнению, региональные системы образования являются побудителем культурно-личностного саморазвития субъекта регионов. Эта система предполагает ее уровневое, иерархическое построение, обоснованную взаимосвязь, взаимозависимость частей, управляемость, способность к динамическому равновесию и развитию. Представляют интерес научные характеристики В. В. Тарасова [9], который рассматривает непрерывную систему образования в Пензенском регионе:

- образовательная система на уровне региона, будучи свободной в саморазвитии, в то же время сохраняет и поддерживает государственное и международное образовательное пространство;

- образовательная система региона насыщает общегосударственную образовательную систему содержанием, обогащает педагогическими технологиями, развивает инновационные процессы;

- образовательная система региона определяет и поддерживает многоукладность национальной, народной, этнографической направленности российского образования;

- образовательная система региона, вбирая в себя локальные образовательные системы, выступает по отношению к ним открытым модулем развития, поддерживая единство региональной образовательной политики, локальные и индивидуально-педагогические новации;

- образовательная система региона стимулирует востребованность обновления содержания образования, поиска новых педагогических

технологий, диверсификацию сети образовательных учреждений как полного среднего, так и дополнительного профессионально-педагогического образования;

- образовательная система, обретая региональный характер, степень свободы конструирования, выступает фактором восполнения и удовлетворения гуманистических образовательных, культурологических, этнодемографических, экономических социальных запросов субъектов региона, свободного развития личности.

Г. М. Борликов [1] рассматривает процесс регионализации системы непрерывного образования в Республике Калмыкия и выделяет такие основные тенденции:

1. Регионализация способствует возрождению и приобщению молодежи к культурному наследию и истории этноса.

2. Внутрорегиональная интеграция позволяет разработать и реализовать государственную программу преемственности всех ступеней общего и профессионального образования на основе личностной ориентации молодежи, кадровых и социально-экономических потребностей региона.

3. Возрастают организационно-экономические возможности оптимизации и развития системы образования, инновационного обогащения, упреждающего реагирования на потребности региона и запросы личности.

4. Усиливается внутри- и межрегиональная интеграция.

5. Система образования становится действенным фактором социокультурного и экономического развития республики.

Последние выступления президента России Д. А. Медведева посвящены темпам и этапам научно-технического процесса, инновациям в России. Глобализация, интеграция, развитие нанотехнологий, программы «Одаренные дети», дистанционное образование – все это неисследованные моменты в регионализации. Сегодня во многих регионах России, в Калмыкии в том числе, наблюдаются объединения ученых и педагогов всех ступеней системы образования – дошкольного, школьного, довузовского, вузовского, послевузовского, что является главным стимулом в развитие системы непрерывного образования в регионе. Многие аспекты регионализации уже рассматривались учеными России, но еще много белых пятен в исследовании этого вопроса. Поскольку в национально-региональной системе непрерывного образования

нет более или менее важных звеньев, все они важны, взаимосвязаны, многоаспектны. Например, мало исследован такой раздел непрерывного образования, как довузовская подготовка в национально-региональной системе подготовки педагога. Сегодня мы работаем над этой проблемой с позиций возрождения этнической культуры и повышения качества подготовки учащихся школ, для их успешного поступления в вузы и выполнения целевых программ подготовки профессиональных и педагогических кадров, прежде всего для обеспечения своего региона.

Таким образом, в национальных регионах система непрерывного образования выступает как целостный процесс, состоящий из отдельных дискретных стадий, которые обеспечивают как вертикальную, так и горизонтальную образовательную мобильность человека в течение всей жизни. Государственная политика в области образования на региональном уровне сегодня заставляет находить качественно новые подходы и средства. Несомненно, она должна быть нацелена на реальные условия и специфические требования региона, при этом учитывая государственные, национальные, местные и индивидуальные интересы. Реализация непрерывного образования в национальных регионах позволит учитывать потребности рынка труда, создавать условия для подготовки творческого многофункционального и высокопрофессионального специалиста.

УДК 374.7
ББК Ч44(4Вл)

О. В. Топоркова

СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ ОБУЧЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: tolga.vstu@ya.ru

В статье большое внимание уделяется особенностям взрослых обучающихся по сравнению с невзрослыми, моделям обучения взрослых, учитывающим эти особенности. Данная статья представляет анализ идей британских ученых о современных подходах к организации обучения взрослых.

Ключевые слова: взрослый обучающийся, модели обучения взрослых, фасилитатор, андрагог, подходы к обучению взрослых

O. V. Toporkova

MODERN MODELS OF TEACHING ADULTS IN GREAT BRITAIN

Volgograd State Technical University

The article pays special attention to peculiarities of the adult learner, different models of teaching adults, which take into account those peculiarities, the role which the teacher of adults should play. This paper is the analysis of British researchers' ideas about the ways adults teaching and learning can be organized.

Keywords: adult learner, models of teaching adults, facilitator, andragogue, approaches to teaching adults.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Борликов, Г. М. К вопросу формирования региональной системы непрерывного образования / Г. М. Борликов // Инновации в российском образовании: Высшее профессиональное образование. – М.: Изд-во МГПУ, 2000. – Ч. 1. – С. 15–18.
2. Борликов, Г. М. Университет в современном образовательном пространстве: ориентация на личность специалиста: монография / Г. М. Борликов. – Волгоград: Перемена, 2001.
3. Владиславлев, А. П. Непрерывное образование: проблемы и перспективы / А. П. Владиславлев. – М., 1978.
4. Генкин, А. Л. О возрождении университетских образовательных округов / А. Л. Генкин // Университетский округ в региональной образовательной системе: опыт, проблемы, перспективы: материалы Первой Всероссийской научно-практической конференции университетских округов России, 7–8 февраля 2007 г. – СПб., 2007.
5. Куликов, В. Б. Региональная политика и региональное образование / В. Б. Куликов // Регион: политика, культура, образование. – Екатеринбург, 1994. – С. 151.
6. Манцаев, Н. Г. О развитии системы непрерывного педагогического образования республики Калмыкия / Н. Г. Манцаев // Геяртл 3–4 (30,31). – Элиста: Изд-во «Джангар», 2006. – С. 20–23.
7. Перспективы развития системы непрерывного образования / под ред. Б. С. Гершунского. – М.: Педагогика, 1990.
8. Подзолков, В. Г. Профессиональное развитие будущего учителя в условиях региональной системы непрерывного педагогического образования: автореф. дис. ... д-ра пед. наук / В. Г. Подзолков. – Тула, 1999. – 44 с.
9. Тарасов, В. В. Теория и практика развития региональной системы педагогического образования учителя: дисс. ... д-ра пед. наук / В. В. Тарасов. – Москва, 1997. – 307 с.
10. Языковые права этнических меньшинств в сфере образования: сб. материалов // авт., пер. и сост. Г. В. Хруслов. – М., 1994. – С. 20–35.

К проблеме организации успешного обучения взрослых приковано пристальное внимание ученых всего мира. Большое внимание уделяется особенностям взрослых обучающихся по сравнению с незрелыми, трудностям, которые испытывают взрослые при обучении, а также возможным способам их преодоления. Накопленный человеческой цивилизацией опыт, успех других стран в этой области подтверждают необходимость изучения зарубежного опыта с целью выявления, сопоставления и применения в дальнейшем в теории и практике российского образования эффективных технологий обучения взрослых людей, одновременно учитывая свой собственный исторически сложившийся потенциал.

Британские ученые выделяют три модели обучения, применяемые в практике британского дополнительного образования взрослых: традиционно-дидактическую (в терминологии британских экспертов – традиционная (traditional), дидактическая (didactic) или стереотипная (stereotypical)), проблемно-поисковую (в терминологии британских экспертов – сократическую (Socratic)) и фасилитирующую [8, 9, 12 и др.]. Первые две модели являются центрированными на преподавателе, а последняя – на учащихся.

Традиционно-дидактическая модель обучения основана на стереотипном понимании обучения как сообщения учителем знаний, умений и культурных ценностей своим ученикам с последующей оценкой их усвоения.

Под проблемно-поисковой моделью обучения понимается подход к обучению, при котором преподаватель задает учащимся вопросы в логической последовательности, на которые опрашиваемые могут ответить, используя знания, которые имеются у них, хотя и имплицитно, но которые они еще не пытались мысленно сформулировать [8]. В течение жизни люди приобретают различные знания осознанно или неосознанно. Эти знания не всегда имеют форму готовых ответов. Задавая вопросы, преподаватель дает возможность своим студентам эксплицитовать (осознанно сформулировать) эти имплицитно имеющиеся у них знания. Таким образом, в процессе обучения оказывается задействован жизненный опыт и уже имеющиеся знания учащихся, что является важным принципом обучения взрослых.

Несомненно, данный подход имеет ряд преимуществ над традиционно-дидактическим: во-первых, знания не являются навязанными сту-

дентам извне, а они сами их формулируют, используя собственный опыт; во-вторых, студенты создают новые знания, а не просто их воспроизводят; в-третьих, использование этого подхода заставляет студентов быть активными участниками процесса обучения.

Однако условием успешного обучения при использовании данного подхода выступает умение преподавателя правильно задавать вопросы. По справедливому замечанию П. Джарвиса, «если преподаватель не является действительно квалифицированным в умении использовать вопросы и недостаточно информирован при ответах своим студентам, данный подход, вероятно, будет иметь результатом знания, отражающие принятую совокупность культурных понятий и, следовательно, отражать путь традиционализма» [8, с. 109]. Кроме того, преподавателю необходимо иметь в виду, что часто ответы студентов могут привести к совершенно не тем результатам, которые были им запланированы.

В отличие от традиционно-дидактической модели обучения, учащиеся перестают быть пассивными реципиентами информации, предложенной им преподавателем, а становятся активными участниками своего обучения, также влияющими на явления культуры [подробнее об этом влиянии см. 1, с. 90]. Однако остается актуальным вопрос о том, кто отбирает знания для передачи студентам.

П. Джарвис справедливо полагает, что в этом выборе гораздо более важную роль должен играть сам преподаватель, опираясь при этом на те знания и опыт, которые его студенты уже имеют, а, значит, «на преподавателе лежит обязанность определения уровня знаний студентов и, следовательно, их учебных потребностей, до того, как он начнет учить их чему-либо» [8, с. 118].

Тестирование имеющихся у учащихся знаний и умений особенно важно именно для образования взрослых, поскольку взрослые люди привносят в свое обучение значительный багаж уже приобретенных знаний, навыков, отношений и прочего, которые могут служить как хорошей опорой для новых знаний, так и вступать с ними в противоречие.

Учет имеющихся у студентов знаний делает процесс обучения в большей степени сосредоточенным на учащихся, тем не менее преподаватель остается центральной фигурой. Для того, чтобы усилить направленность процесса обу-

чения именно на учащихся, П. Джарвис предложил фасилитирующую модель обучения [9]. Основой для этой модели обучения послужил эмпирический учебный цикл, предложенный Д. Колбом и Р. Фрайем [11, с. 33]. П. Джарвис предпринял попытку вписать роль преподавателя как фасилитатора обучения в исходную эмпирическую модель.

Согласно мнению П. Джарвиса, преподаватель может создавать ситуации, которые активизируют учебный цикл, кроме того, он может оказывать помощь учащимся в процессе их наблюдений и размышлений. Таким образом, преподавателю отводится решающая роль на начальных фазах цикла, так же как и в модели обучения, центрированной на преподавателе. Поскольку преподаватель не может никого заставить учиться, его роль на последних стадиях процесса обучения уменьшается. Более того, некоторые андрагоги даже отмечают необходимость независимости взрослых учащихся от преподавателя и, следовательно, их автономности на всех фазах процесса обучения, мотивируя это тем, что вмешательство преподавателя на любой фазе цикла нарушает свободу учащегося [см., напр., 3, 5]. Как отмечал еще Дж. Дьюи, «иногда учителя, кажется, боятся даже подать группе идею о том, что им следует делать». В результате может оказаться так, что учащиеся окружены различными предметами или данными, не имея представления, что им следует с этим делать.

Дж. Дьюи предостерегал учителей и от другой крайности: «не злоупотреблять своим положением и не направлять работу учащихся по пути, отвечающему скорее целям учителя, нежели самих учащихся» [7, с. 71]. Он подчеркивал, что учителям необходимо осознавать способности, нужды и прошлый опыт тех, кого они обучают, чтобы иметь возможность помочь им в создании совместного учебного опыта. Хотя Дж. Дьюи подразумевал образование детей, его идеи еще более актуальны в образовании взрослых.

Таким образом, роль преподавателя сводится к роли фасилитатора или гида, а не авторитарного руководителя учебного процесса, что, по верному замечанию П. Джарвиса, «уменьшило бы собственную автономию взрослых и их независимость». «Следовательно, – заключает П. Джарвис, – фасилитатором является тот, кто помогает учению студентов, даже в той степени, в какой он обеспечивает или создает

обстановку, в которой происходит учение, но никоим образом не тот, кто навязывает исход опыта» [8, с. 113]. В результате учебного опыта студенты могут получить иные результаты, нежели те, которые подразумевались фасилитатором. Тем не менее преподавателю не следует навязывать учащимся свою точку зрения.

Вопрос о свободе учащихся уже давно поднимается и исследуется многими английскими авторами, среди них Д. Боуд и У. Бридж. В своем исследовании, опубликованном еще в 1974 году, они предложили разграничивать четыре вида свободы: свобода темпа, свобода выбора, свобода метода и свобода содержания [2, с. 6]. Позднее они совместно с другим английским исследователем Л. Уиллоби несколько видоизменили свой список свобод, удалив из него свободу выбора и добавив свободу оценки [4]. Выделение вышеперечисленных свобод вызвало новый поток дискуссий среди зарубежных андрагогов о том, насколько их достижение возможно при любом организованном обучении взрослых [6, 9]. Как справедливо отмечает П. Джарвис, «ожидания образовательного учреждения и влияние преподавателя никогда полностью невозможно преодолеть» [8, с. 113]. Следовательно, достижение полной свободы вряд ли возможно при институциональном обучении, даже если преподаватель принимает фасилитирующий подход.

Известный британский ученый-андрагог А. Роджерс предложил другие два возможных подхода к обучению взрослых – ориентированный на содержание (content-oriented) и ориентированный на процесс (process-oriented). Ориентированный на содержание подход предписывает выбор методов обучения в зависимости от содержания, которое необходимо усвоить, в то время как подход, ориентированный на процесс, означает, что «относительно меньший объем содержания будет изучен, но его изучение будет использовано как пример того, каким образом оставшийся материал может быть освоен обучающимися самостоятельно». Можно предположить, что ориентированный на содержание подход будет в большей степени центрирован на учителе, тогда как подход, ориентированный на методы, – центрирован на обучающемся. Однако на практике учение взрослых обучающихся в значительной степени состоит именно из усвоения новых знаний. По справедливому замечанию А. Роджерса, взрослые обучающиеся «нуждаются в том, чтобы их

информировали, нуждаются в изучении новых процессов, в приобретении новой информации и понимания от кого-то другого, помимо себя» [12, с. 179–180]. Все это следует учитывать преподавателям, работающим с взрослыми обучающимися, и, в зависимости от потребностей и индивидуальных особенностей своих студентов, применять различные методы обучения.

Большой практический интерес для андрагогов представляют следующие десять заповедей для преподавателей взрослых Дж. Кидда, приведенные в его книге «Как взрослые учатся»:

1. Никогда не пытайся сделать из другого точную копию себя – одного вполне достаточно.

2. Никогда не суди потребности человека и не отказывай в их рассмотрении только из-за беспокойства, которое тот причиняет.

3. Не вини наследственность или окружение в целом: люди могут противостоять своему окружению (а возможно и побороть наследственность).

4. Никогда не отказывайся от человека как от безнадежного и не прогоняй его.

5. Пытайся помочь каждому стать, с одной стороны, чутким и восприимчивым, и в то же время критичным.

6. Не укради ни у кого его законной ответственности за регулирование собственного поведения и его последствий.

7. Уважай каждого, кто занят поисками знаний, будь полезным, распространяй знания и умения об учении, которые являются нашим общим наследием.

8. Не прибегай к универсальным средствам и не надейся на чудо.

9. Холь и лелей свое чувство юмора, которое может спасти тебя от потрясений, уныния и самодовольства.

10. Помни о святости и достоинстве своей профессии, и в то же время «ты не должен воспринимать себя чертовски серьезно» [10, с. 306–307].

Изложенные Р. Киддом в виде декалога (десяти заповедей) рекомендации по обучению взрослых предупреждают возможные ошибки, которые могут совершать преподаватели в своей работе. Роли учащегося придается не меньшее значение, чем роли преподавателя. Такой подход к обучению взрослых получил широкое распространение в последние десятилетия среди зарубежных андрагогов, в частности, в Великобритании.

Подводя итог и обобщая приведенные выше рекомендации, следует выделить следующие ос-

новные положения или правила обучения взрослых, которые, с точки зрения автора, весьма полезны для отечественных андрагогов-практиков:

1. Необходимо помогать обучающимся выявлять их образовательные потребности, а также имеющиеся у взрослых опыт и знания с тем, чтобы использовать их в дальнейшем как средство обучения.

2. Следует быть терпимым или толерантным к возможным физическим недостаткам и слабостям обучающихся.

3. Необходимо прежде всего обучать своих слушателей эффективным технологиям учения, способствующим формированию необходимых практических и теоретических умений и навыков.

4. Важно использовать только те методы обучения, которые ни в коей мере не унижают, а, наоборот, укрепляют чувство собственного достоинства и человеческие качества обучающихся.

5. Следует обращать внимание на создание на занятиях комфортной психологической атмосферы, способствующей взаимодействию андрагога и взрослого учащегося.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Митина, А. М. Дополнительное образование взрослых за рубежом: Концептуальное становление и развитие / А. М. Митина. – М.: Наука, 2004. – 304 с.
2. Boud, D. Keller Plan: A Case Study in Individualized Learning / D. Boud, W. Bridge. – Surrey: Institute of Educational Technology, University of Surrey, 1974. – 268 p.
3. Boud, D. Making the Most of Experience / D. Boud, D. Walker // Studies in Continuing Education. – 1990. – № 12 (2). – P. 61–80.
4. Boud, D. J. P.S.I. now – A review of progress and problems / D. J. Boud, W. A. Bridge, L. Willoughby // British Journal of Educational Technology. – 1975. – № 2 (6). – P. 15–33.
5. Bridges, D. Education, Democracy and Discussion / D. Bridges. – Lanham, MD: University Press of America, 1988. – 182 p.
6. Candy, P. C. Self Direction for Lifelong Learning / P.C. Candy. – San Francisco: Jossey Bass, 1991. – xxiii, 567 p.
7. Dewey, J. Experience and Education / J. Dewey. – New York: Collier Books, 1938. – xii, 116 p.
8. Jarvis, P. Adult and Continuing Education. Theory and Practice / P. Jarvis. – London and New York: Routledge, 1995. – 302 p.
9. Jarvis, P. Adult education and lifelong learning: theory and practice / P. Jarvis. – London; New York, NY: Routledge Falmer, 2004. – xvii, 382 p.
10. Kidd, J. R. How Adults Learn / J.R. Kidd. – Chicago: Association Press, 1973. – 318 p.
11. Kolb, D. A. Towards an Applied Theory of Experiential Learning / D.A. Kolb, R. Fry; edited by C.L. Cooper // Theories of Group Processes. – London: Wiley, 1975. – P. 295–319.
12. Rogers, A. Teaching Adults / A. Rogers. – Milton Keynes: Open University Press, 1998. – 250 p.

УДК 378
ББК 74.202.4

Л. А. Сафина

**ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
ТВОРЧЕСКОГО СТИЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДИЗАЙНЕРОВ
В УСЛОВИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Казанский государственный технологический университет

E-mail: Lsafina@mail.ru

В статье приведены результаты научно-практической деятельности, направленной на повышение эффективности процесса обучения дизайнеров в условиях системы дополнительного профессионального образования. Выделены психолого-педагогические условия, которые позволяют развить у обучаемых творческий стиль деятельности как основной компонент профессиональной компетенции дизайнера.

Ключевые слова: дизайнер, дизайн-образование, творчество, творческий стиль деятельности, дополнительное профессиональное образование.

L. Safina

**PSYCHO-PEDAGOGICAL CONDITIONS OF CREATIVE STYLE OF DESIGNERS
IN THE ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION**

Kazan State Technological University

The article presents result of the scientific and practical activities aimed to improving of efficiency of designers training in terms of additional professional education; determinates pedagogic psychological conditions which allow to develop a creative style of work as the main component of professional competence of the designer.

Keywords: designer, design-education, creativity, creative style of work, additional professional education.

Основной задачей деятельности дизайнера является создание нового в предметной среде, окружающей человека (одежда, здания, машины, интерьер и т. д.). Порождение нечто качественно нового, отличающегося неповторимостью, оригинальностью – это проявления творчества. Следовательно, основной характеристикой компетентности дизайнера как специалиста считается творческий подход к решению профессиональных задач, дизайнер должен обладать творческим стилем деятельности [1].

При поиске решения проблемы развития творческого стиля деятельности будущих дизайнеров в условиях системы дополнительного профессионального образования (ДПО) было установлено главное преимущество такой системы, а именно: высшая школа реализует целенаправленное формирование личности в отличие от ДПО, где основным является создание оптимальных условий для саморазвития личности.

Возрастные рамки, к которым относится категория слушателей курсов профессиональной переподготовки, определяются по Э. Эриксону как «зрелость» и характеризуются повышенной творческой активностью, склонностью к самоанализу. Отношение к себе тесно связано с самоуважением и самоопределением, то есть с самоактуализацией. В образовательных подходах ДПО как центральное звено используется пред-

ставление о том, что обучаемый – это взрослый человек со свойственными ему особенностями. Следовательно, образование взрослых должно быть личностно-ориентированным, а это значит, что необходимо учитывать опыт, способности, возможности и желания обучаемых [2].

Анализ особенностей системы ДПО, а также теории и практики творческой деятельности дизайнера позволил заключить, что дизайн-образование в условиях ДПО должно ориентироваться на ключевые компоненты творческого стиля деятельности и создавать определенные условия для их формирования.

В рамках деятельности Российско-итальянской высшей школы «Стиль» Казанского государственного технологического университета, реализующей образовательные программы ДПО в области дизайна, были выделены психолого-педагогические условия, которые позволили повысить эффективность образовательного процесса, направленного на саморазвитие личности обучаемых и формирование у них творческого стиля деятельности как главного компонента профессиональной компетенции дизайнера.

1. *Направленность образовательного процесса, его содержания, форм организации, методов обучения на саморазвитие обучающихся, реализацию их творческого потенциала и формирование творческого стиля деятельно-*

сти. Формирование творческого стиля деятельности дизайнера возможно при организации процесса обучения как творческого, следовательно, необходимо использовать образовательные технологии, удовлетворяющие данное требование. К таким технологиям относятся технологии проблемного, активного и развивающего обучения (ТАО), которые опираются не только на процессы восприятия, памяти, внимания, а прежде всего на творческое, продуктивное мышление, поведение, общение. Данные технологии называются активными, так как в них существенно меняется роль обучающего (вместо роли информатора роль менеджера) и роль обучаемых (вместо объекта воздействия субъект взаимодействия), а также информации (информация не цель, а средство для освоения действий и операций профессиональной деятельности).

2. *Формирование содержания обучения как гибкой, открытой, вариативной системы, имеющей блочно-модульную структуру, отражающую логику формирования творческого стиля деятельности и позволяющую учитывать образовательные потребности и возможности взрослых обучаемых, их профессиональный опыт и возрастные особенности.* Данное условие обусловлено тем, что требования к психолого-педагогическим условиям формирования творческого стиля деятельности будущих дизайнеров состоят, главным образом, в необходимости такой организации обучения, которая отличалась бы гибкостью и адаптивностью к индивидуальным потребностям и возможностям взрослых обучаемых, предоставляла им самостоятельно определять свою «образовательную траекторию» [3].

3. *Организация обучения на основе индивидуального подхода к обучаемым и их самодиагностики, позволяющей развивать способности к рефлексии, самооценке и осознанно выбирать собственную траекторию обучения и формирования творческого стиля деятельности.* Практика проведения дизайн-обучения в сфере образовательных услуг дает возможность утверждать, что результат обучения индивидуален для каждого слушателя. В условиях дополнительного профессионального образования преподаватели не могут определять уровень обученности по заранее установленным пределам, как это происходит при традиционном обучении. В данных условиях можно говорить лишь об индивидуальном приращении в разви-

тии творческого стиля деятельности каждого слушателя, то есть сравнивать его с самим собой.

Взрослый должен учиться с удовольствием, тогда его обучение будет результативно. В дополнительном образовании взрослых имеется немало находок, используемых в оценке результата обучения, из которых, по мнению автора, наиболее приемлем для целей исследования метод самодиагностики – самоопределения.

4. *Использование текущего психологического сопровождения процесса обучения, реализующего диагностирующую (определение индивидуальных особенностей личности обучающегося, выявление барьеров к выполнению творческой деятельности); коррекционную (преодоление барьеров и затруднений в развитии творческого стиля деятельности); реабилитационную (восстановление уверенности в своих творческих способностях, создание ситуации успеха); развивающую (выращивание творческих способностей путем использования средств арт-терапии) функции.* Для будущих дизайнеров важна прежде всего индивидуальность, способность выразить ее через присущие именно им стилистические черты. Известный педагог и художник Волков говорил: «Художником можно назвать лишь того, кто окрашивает творчество своими чувствами». Самовыражение и самопознание – важные условия протекания творческого процесса [4]. Психология – это не только дисциплина, входящая в состав содержания профессиональной подготовки дизайнеров отдельным модулем, но и основное условие протекания педагогического процесса, направленного на формирование творческого стиля деятельности.

5. *Реализация преподавателями системы дополнительного профессионального образования творческого стиля своей профессионально-педагогической деятельности, способствующего выявлению и развитию творческого потенциала обучаемых в соответствии с их возможностями и потребностями.* Эффективность обучения во все времена зависела от личности педагога и его профессионального мастерства. Определяя данное условие, исходили из того, что эффективность применения психолого-педагогических условий, направленных на формирование творческого стиля деятельности дизайнера, в системе дополнительного профессионального образования напрямую зависит от людей, которые их реализуют. Еще Аристотель как-то размышлял, кто пра-

вильнее может судить о корабле – строители-корабельщики или моряки, и пришел к выводу: последнее слово за теми, кто плывет. Действительно, судьба любой методики, технология обучения в конечном счете зависит от личности преподавателя [5].

Сказанное выше позволило выделить основные требования к личности преподавателя: преподаватель должен быть творческой личностью (без данного качества невозможно организовать творческий процесс обучения, а тем более учить творчеству); обладать демократичным стилем общения (происходит обучение взрослых) и способностью понимать эмоциональный мир обучаемых, то есть к эмпатии.

Реализация предложенных психолого-педагогических условий в процессе дополнительного профессионального образования дизайнеров позволяет:

– ориентировать образовательный процесс на саморазвитие обучаемых, являющееся движущей силой их успешной профессиональной карьеры, путем использования содержания, форм организации, методов обучения, соответствующих дизайнерским методам познания;

– учитывать образовательные потребности и возможности взрослых обучаемых, их профессиональный опыт и возрастные особенности, что повышает их активность в процессе обучения, а также эффективность образовательного процесса, путем формирования содержания обучения на основе блочно-модульной структуры;

– развивать способности обучаемых к рефлексии и самооценке, являющиеся условием повышения их профессиональной компетент-

ности и профессионального развития на основе использования самодиагностики результатов обучения;

– выявлять, корректировать и стимулировать развитие профессионально-значимых качеств личности, включать обучаемых в управление этим процессом посредством введения в курс дизайн-обучения программы психологической коррекции;

– проводить профессиональный отбор педагогов дополнительного профессионального образования в соответствии с требованиями к творческому стилю их образовательной деятельности.

Практика показала, что предлагаемая система психолого-педагогических условий, заложенная в основу организации дизайн-образования в системе ДПО, позволяет формировать творческий стиль деятельности как основной компонент профессиональной компетенции дизайнера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сидоренко, В. Ф. Дизайнерские методы познания / В. Ф. Сидоренко // Дизайн в общеобразовательной системе. – М.: ВНИИТЭ, 2000. – С. 148–156.
2. Зимняя, Н. А. Педагогическая психология: учебник для вузов / Н. А. Зимняя – М.: Логос. 2000. – 286 с.
3. Кирсанов, А. А. Развитие творческой активности учащихся в педагогическом процессе / А. А. Кирсанов. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1993. – 224 с.
4. Посталюк, Н. Ю. Проявление творческого стиля деятельности на уровне субъекта творчества / Н. Ю. Посталюк // Профессиональное образование. – 1996. – № 2. – С. 33–45.
5. Китаева, М. В. Успешный учитель – успешный ученик. Практическое пособие для педагогов / М. В. Китаева. – Ростов н/Дону: Феникс, 2003. – 224 с.

УДК 371.235(73)
ББК Ч421.385.8(7)

А. М. Митина, Е. А. Васильева

ПРОФИЛЬНЫЕ ЛАГЕРЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ В США

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: vasilena.vlg@gmail.com

Данная статья посвящена летним профильным лагерям для детей в Соединенных Штатах Америки. В ней предложена типология существующих на данный момент в США профильных лагерей для детей разного возраста, дана их краткая характеристика, кратко описаны особенности программ, выявлены и описаны основные достоинства и недостатки каждого из типов.

Ключевые слова: каникулы, организация отдыха детей, летний лагерь, детский лагерь за рубежом, образовательный лагерь, естественно-научный лагерь, спортивный лагерь, лагерь по снижению веса, религиозный лагерь, профессиональная ориентация, социализация.

Anna M. Mitina, Elena A. Vasilieva

SUMMER CAMPS IN THE UNITED STATES OF AMERICA

Volgograd State Technical University

The article under consideration is devoted to summer camps in the United States of America. The article deals with the classification of summer camps existing at the moment in the USA. The main characteristics and programme peculiarities of every type are described in the article. As well as the main advantages and disadvantages.

Keywords: holidays, summer camp, children's recreation organization, children's camps abroad, educational camp, science and nature camp, sports camp, weight loss camp, religious camp, career guidance, socialization.

Летние лагеря популярны во многих странах мира – США, России, Великобритании, Франции, Канаде и др. Традиционные летние лагеря направлены на организацию летнего отдыха детей, укрепление их здоровья, социализацию ребенка в обществе. Однако в последние годы многие лагеря стали добавлять в свои программы различные виды деятельности, направленные на развитие творческих, лидерских, академических, спортивных и других способностей ребенка. В России подобные лагеря получили название профильных лагерей.

Американская ассоциация лагерей (The American Camp Association (ACA) сообщает, что ежегодно в США в лагерях отдыхает до 10 миллионов детей, и что в Америке насчитывается около 12 тысяч лагерей [6]. К 2006 году 75 % американских лагерей изменили свои программы, добавив к ним различные профильные занятия.

В Соединенных Штатах существует множество типов образовательных лагерей, которые привлекают детей разных возрастов и с различными интересами. В данной статье рассматривается ряд видов профильных лагерей и их типология.

Анализ изученной литературы показал, что среди множества лагерей в США можно выделить следующие виды профильных лагерей:

образовательные и профессионально ориентирующие лагеря; развивающие лагеря; спортивные лагеря; религиозные лагеря.

• *Образовательные и профессионально ориентирующие лагеря* направлены на развитие академических способностей школьников. Среди лагерей данного типа выделяются лагеря, предлагающие подготовительные курсы в колледж (College credit courses). Как показал анализ литературы, многие колледжи США организуют такие лагеря, поскольку подобные программы оставляют яркие воспоминания и мотивируют учеников старших классов стать студентами дневной формы обучения колледжа. Положительными чертами подобного типа лагерей, по мнению авторов, являются:

– возможность получить знания и умения, которые необходимы для поступления в колледж;

– получение зачетов при успешном выполнении академической программы лагеря. Эти зачеты принимаются большинством высших учебных заведений;

– проведение занятий профессорами, преподавателями и аспирантами колледжа, на базе которого проводится лагерь;

– возможность познакомиться со студенческой жизнью колледжа, поскольку участники лагеря живут на территории кампусов.

Еще одним видом лагерей образовательного профиля являются лагеря, которые проводят подготовку в сдаче экзамена на определение академических способностей (Scholastic Aptitude Test). Изучив программы подобных лагерей [4, 5], можно сделать вывод, что программы такого вида лагерей совмещают обучение и подготовку к сдаче экзамена и разнообразные виды летних развлечений. Обычно в таких лагерях в первой половине дня проводятся занятия, а день и вечер отведены на подготовку домашнего задания и развлекательную программу. Компании, предоставляющие услуги по подготовке к сдаче экзамена на определение академических способностей, такие как «Принстон Ревью» (*The Princeton Review*) или «Каплан» (*Kaplan*), обеспечивают эти лагеря преподавателями и учебными материалами.

Таким образом, лагеря данных видов способствуют профессиональному самоопределению школьников, помогают выбрать колледж или университет, в который они будут поступать, знакомят с форматами выпускных и вступительных экзаменов.

Однако авторы склонны согласиться с мнением доктора Рэндала Хансена [2], что лагеря подобного типа имеют ряд недостатков, среди которых высокая стоимость, доходящая до нескольких тысяч долларов за двух-четырёхнедельные курсы, излишняя интенсивность занятий и их однообразие.

• *Развивающие лагеря* предлагают широкий выбор занятий, направленных на расширение кругозора детей и развитие различных способностей. В отличие от образовательных лагерей участники этих программ не получают зачетов после прохождения программы лагеря, кроме того в программу включены разнообразные виды деятельности, не связанные с обучением. Чтобы попасть в подобный лагерь, желающие должны пройти определенные испытания, такие как решение различных задач или написание эссе. Кроме этого следует отметить, что образовательные лагеря проводятся прежде всего для учащихся старшей школы, в то время как развивающие лагеря открыты для школьников любого возраста.

Участники данного вида лагерей имеют возможность на практике изучать интересное их дело, участвовать в экспериментах, заниматься собственными исследованиями, участвовать в конференциях для талантливой молодежи и публиковать свои работы в различ-

ных научных изданиях. Таким образом, у участников подобных программ к окончанию школы накапливается определенный опыт в интересующей их области или даже в нескольких областях, что дает возможность более осознанно подойти к выбору профессии. Кроме этого, на взгляд авторов, это прекрасная возможность для самореализации, раскрытия талантов молодого поколения страны.

Лагеря, направленные на развитие творческих способностей детей в изобразительном искусстве, музыке, танцах, актерском мастерстве и т. д., очень популярны в США. Анализ литературы показал, что многие лагеря, не имеющие данного профиля, добавляют в свои программы разнообразные занятия для знакомства с этими видами творчества. Большинство лагерей данного типа имеют высокий уровень преподавания и рассчитаны на детей, уже имеющих некоторый запас знаний в определенной области. Однако некоторые лагеря предлагают программы для начинающих, где детям предоставляется возможность попробовать себя в новом для себя деле, получить новые умения, узнать азы какого-либо вида искусства.

Среди развивающих лагерей особое место, по мнению авторов, занимают лагеря, направленные на изучение живой природы (Science and Nature Camps). Появление этого вида лагерей связано, по мнению Ричарда Лоува [14], с интенсивной урбанизацией общества и недостатком общения детей с живой природой. Лагеря, посвященные изучению природы и естествознания, носят практический характер. Во многих лагерях подобного типа открыты живые уголки, дети самостоятельно заботятся об их обитателях, что не может не сказаться позитивно на развитии чувства ответственности. На взгляд авторов, такие лагеря помогают решить проблему дефицита общения с природой. Это место, где дети начинают ценить природу, а также место, которое способствует развитию самостоятельности и сотрудничества.

• Первыми профильными лагерями, появившимися в США, стали *спортивные лагеря*, некоторые из них существуют более ста лет. В США выделяют три вида спортивных лагерей.

К первому типу относятся лагеря, в которых дети занимаются различными видами спорта, имеют возможность укрепить свое здоровье, принять участие в различных соревнованиях. Подобные лагеря направлены на улучшение общего физического состояния детей и не пред-

назначены для школьников с выдающимися спортивными способностями. Кроме основной идеи популяризации здорового образа жизни программы этих лагерей направлены на развитие таких личностных качеств, как сила воли, терпимость, выносливость, а также они способствуют развитию лидерских качеств ребенка.

Спортивные лагеря второго типа ориентированы на какой-либо один вид спорта. Большинство педагогов в этих лагерях – тренеры местных команд, поэтому дети имеют возможность тренироваться со своим педагогом, и не потеряв за лето форму, готовиться к соревнованиям.

Набирают популярность спортивные лагеря третьего типа, которые появились недавно. Отличие этих лагерей от более традиционных заключается в том, что в этом случае не дети выезжают на определенную базу и занимаются там с тренерами и педагогами, а профессиональные тренеры выезжают на ту базу или школу, где обычно тренируется команда. Преимущество данных программ заключается в том, что команда получает консультации и некоторое время тренируется под руководством профессиональных тренеров в удобном ей режиме. Кроме этого существует экономия денежных средств, поскольку нет необходимости платить за проезд и проживание, что обычно составляет от 1/4 до 1/3 стоимости программы лагеря.

Феноменом американской культуры являются особые лагеря по снижению веса. В программу включены занятия по правильному питанию, ежедневные занятия физкультурой и спортом, еженедельные взвешивания. Особенностью данных лагерей является проведение занятий и игр, направленных на улучшение здоровья детей, приехавших в лагерь, создание адекватной самооценки и уверенности в себе. Как показывает анализ, новые программы, используемые в этих лагерях, нацелены не только на снижение веса, но и на изменение поведения детей посредством комплекса тренингов и занятий с использованием когнитивно-поведенческой терапии [1]. Такой подход позволяет добиться результатов не только в лагере, но и после возвращения ребенка домой.

• В США существуют *религиозные лагеря* для детей любого вероисповедания. Однако, как

показывает анализ изученного материала [15, 16], более всего представлены христианские и еврейские лагеря. Программы религиозных лагерей построены на основных принципах той или иной религии, помогают детям и подросткам лучше понять себя, способствуют развитию толерантности, сотрудничества, самоопределению ребенка. Кроме изучения Библии и знакомства с основами религии в таких лагерях представлены традиционные лагерные занятия: спортивные мероприятия, кружки и студии и т. д. Кроме того, подобные лагеря – это своеобразная школа посвящения ребенка или подростка в мир той или иной культуры.

История проведения профильных лагерей в США насчитывает не одно десятилетие. Богатый опыт американских педагогов, исследователей и организаторов достоин внимательного изучения с целью систематизации, выявления лучших педагогических решений и применения их в российской практике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Fat Camps. http://en.wikipedia.org/wiki/Fat_camp
2. Quintessential Careers: Are Summer College Prep or Academic Enrichment Camps Right for You? by *Randall S. Hansen, Ph.D.* http://www.quintcareers.com/college_prep_camps.html
3. Summer Camps http://en.wikipedia.org/wiki/Summer_camp
4. Официальный сайт Education Unlimited <http://www.educationunlimited.com/>
5. Официальный сайт *The Princeton Review* <http://www.princetonreview.com/>
6. Официальный сайт Американской Ассоциация Лагерей <http://www.acacamps.org/>
7. Официальный сайт лагеря “Ballibay: a Fine & Performing Arts Summer Camp” <http://www.ballibay.com>
8. Официальный сайт лагеря “CAEN” <http://www.engin.umich.edu/caen/campcaen/>
9. Официальный сайт лагеря “CTY” <http://cty.jhu.edu/summer/summer-programs.html>
10. Официальный сайт лагеря “Live2compete” <http://www.live2compete.com/>
11. Официальный сайт лагеря “New Image Camp” <http://www.newimagecamp.com/>
12. Официальный сайт лагеря “Tip DUKE” <http://www.tip.duke.edu/summer.html>
13. Официальный сайт лагеря “Wellspring” <http://www.wellspringcamps.com/>
14. Электронный ресурс <http://richardlouv.com/>
15. Электронный ресурс <http://www.campresource.com/>
16. Электронный ресурс <http://www.kidscamps.com/religious-camps.camp>

УДК 378
ББК 74.202.4

Л. М. Тухбатуллина

**СОСТАВ И СТРУКТУРА ТВОРЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ДИЗАЙНЕРА**

Казанский государственный технологический университет

E-mail: tuleissan@mail.ru

В статье дано определение профессиональной компетенции дизайнера, выделен творческий компонент как ключевой для выполнения профессиональной деятельности; раскрыты состав и структура творческого компонента профессиональной компетенции дизайнера; определен системообразующий элемент творческого компонента – творческое мышление.

Ключевые слова: компетенция, дизайнер, профессиональная деятельность, творческий компонент, творческое мышление.

L. M. Tukhbatullina

**THE COMPOSITION AND THE STRUCTURE OF CREATIVE PART
OF DESIGNER'S PROFESSIONAL COMPETENCE**

Kazan State Technological University

The article presents the definition of the professional competence of designer; determinates the creative part as principal for executing of professional activity; uncovers the composition and the structure of creative part of designer's professional competence; the creative mining determinates as the main share of creative part.

Keywords: competence, designer, professional activity, creative part, creative mining.

Дизайн имеет дело с объектами, еще не существующими в природе, не имеющими аналогов. Современный дизайн – это мощное оружие в жесткой конкурентной борьбе фирм-производителей, так как потребителей сегодня можно привлечь не стандартным функциональным набором изделия, а зачастую лишь оригинальным эргономичным дизайном. Сегодня дизайн проникает во все области человеческой жизни, а дизайнер становится настоящим двигателем прогресса. Что же именно делает дизайнера дизайнером? В чем секрет профессионализма специалистов этой области? Многие авторы пытаются дать ответ на тот вопрос: теоретическим и методическим основам дизайнерской деятельности посвящены труды В. Р. Аронова, Дж. К. Джонса, М. С. Каган, Л. А. Соловьева, Ю. Б. Соловьева, С. О. Хан-Магомедова, Е. Щедрина, В. Л. Глазычева, В. Ф. Сидоренко, В. Т. Шимко, И. А. Розенсона, Г. И. Петушковой, Р. А. Степучева, Н. Н. Нечаева, О. И. Генисаретского и ряда других авторов. Точка зрения автора опирается на имеющиеся исследования в этой области и на собственные наблюдения и изыскания.

Дизайнер – специалист по художественному проектированию изделий, предметов с целью формирования их эстетических и функциональных качеств для серийного производства и эксклюзивного исполнения. Дизайн (от

англ. design – замысел, проект, рисунок, чертеж) – термин, обозначающий различные виды проектировочной деятельности. В узком смысле дизайн – художественное конструирование, проектирование эстетического облика промышленных изделий.

Цель деятельности дизайнера – проектирование и создание предметной среды человека (одежды, интерьера и т. д.), отвечающей требованиям к конкурентоспособности, включая потребительские, эстетические и технологические. *Предмет труда* дизайнера – процесс производства предметов, согласно его закономерности, принципов и содержания производства, формы организации, методов и средств проектирования, технологии изготовления. *Инструменты труда* – различные специфические для дизайнерской деятельности изобразительные средства: краски, кисти, карандаши, бумага, ножницы, линейки, лекала, автоматизированные средства (персональный компьютер, дигитайзер, плоттер, принтер, специальное программное обеспечение), текстильные материалы, швейное и другое производственное оборудование. Перечисленные орудия и средства труда используются для создания эскизов, чертежей и макетов (прототипов). *Объект дизайна* может быть любым – от города до интерьера, от самолета до иглы. Все это является частью окружающей людей предметной среды,

которая требует постоянных видоизменений и реконструкции функционально полезных элементов. *Задачи*, которые решает дизайнер в ходе своей профессиональной деятельности, имеют проектный и эстетический характер.

Дизайнер – это изобретатель новых зрительно воспринимаемых форм, а значит, он выполняет роль художника, придавая изделию эстетически привлекательную форму и двигаясь в своих разработках не только от функции к форме, но и от формы к функции, черпая импульсы для своей творческой работы из области формальных качеств предметов. Но художники свободны в выборе темы и средств воплощения, а дизайнеры ограничены рамками конкретно решаемой задачи и соответствующими требованиями (функциональными, технологическими, материальными, рыночными, моды, социального заказа и т. д.) заказчика. С другой стороны, дизайнер – это инженер, так как в процессе проектирования стремится к созданию материальной структуры – работающей конструкции, обеспечивающей реализацию той или иной функции.

Деятельность дизайнера характеризуется особой спецификой, так как находит свое воплощение в конечном продукте его работы. Специалист-дизайнер должен уметь решать специальные вопросы, связанные с разработкой проекта, он должен иметь свое собственное мнение и уметь отстаивать его в случае необходимости, а также должен иметь смелость плыть против течения, предлагая смелые решения.

Имея представление о современном уровне науки, тенденциях развития техники и технологии, модных веяниях, дизайнер должен предвидеть в своих проектах развитие как технологических возможностей производства, так и потребностей общества. В этом состоит одна из сложностей профессии дизайнера – это его футурологическая роль, предопределяющая необходимость владения методами научного анализа, методами исследования потребностей, выявления перспективных тенденций, методами проектного прогнозирования.

Анализ профессиональной деятельности дизайнера позволил установить, что:

- профессия дизайнера связана с постоянным созданием чего-то нового, ранее не существовавшего в природе;
- профессия дизайнера является синтетическим видом деятельности, предусматривающим интеграцию различных видов подготовки;

- профессиональная деятельность требует от дизайнера определенных качеств личности, таких как: оригинальность мыслей, образное мышление, нестандартный подход в постановке и решении проблем; смелость в принятии решений;

- направленность в будущее требует от дизайнеров силы предвидения (интуиции) и прогнозирования.

На основании дефиниции профессиональной компетенции (В. И. Байденко) автором сформулировано определение *профессиональной компетенции дизайнера*, которая представляет собой готовность и способность выполнять художественное проектирование изделий в соответствии с функциональными нормами и эстетическими правилами, методически организовано и самостоятельно решать задачи и проблемы в этой области, а также самооценивать результаты своей деятельности.

Исходя из существующих мнений о составе профессиональной компетенции, характеристики профессиональной деятельности дизайнера, а также данных исследования, можно сделать вывод, что профессиональная компетенция дизайнера, с одной стороны, состоит из компонентов, основанных на видах деятельности (проектная, художественно-графическая, организационно-управленческая, производственно-технологическая, научно-исследовательская), с другой стороны, выявлены сквозные компоненты, имеющие место во всех видах деятельности (рефлексивный, мотивационно-волевой, творческий, деятельностный). Обобщенная структура профессиональной компетенции дизайнера представлена на рис. 1.

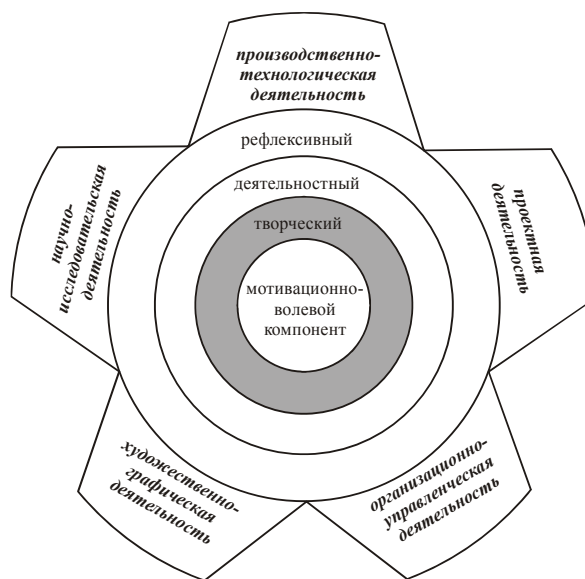

Рис. 1. Структура профессиональной компетенции дизайнера

Творческий компонент несет в себе содержание, касающееся креативной деятельности, которое не имеет определенной профессиональной наклонности, то есть носит универсальный характер. Именно поэтому творческий компонент выделен как сквозной, присущий всем видам деятельности дизайнера.

Как было сказано ранее, современное развитие промышленности создает такие условия, что зачастую только оригинальное дизайнерское решение может выделить товар среди множества подобных. Дизайнер становится личностью, которая не играет по чужим правилам, а создает свои. В этой связи роль творческого компонента становится ключевой для успешного выполнения дизайнером своей профессиональной деятельности.

Анализ обширного ряда исследований показал, что на сегодняшний день не существует определения и четкой структуры творческого компонента профессиональной компетенции дизайнера, а дизайнерская деятельность предполагает обязательное его наличие.

Необходимо выделить мотивационную составляющую в творческом компоненте профессиональной компетенции дизайнера. В. А. Моляко определяет мотивационную сферу как центр структуры личности, особенно творческой [1]. Мотивация представляет собой систему разнородных факторов, детерминирующих поведение и деятельность человека, создающих устойчивость его интереса к определенной деятельности и превращающих внешние заданные цели во внутренние потребности личности. Теория А. Маслоу связывает мотивацию с системой человеческих потребностей как с главным источником активности личности. Самоактуализация – это изначальная мотивационная основа для становления индивидуальности в человеке, реализации творческих потребностей. А. Адлер видит в творческом процессе преодоление базового чувства собственной недостаточности, неполноценности.

К. Чуковский писал, что все были бы великими химиками, математиками, ботаниками, зоологами, если бы «жгучее любопытство ко всему окружающему» не ослабевало по мере накопления первоначальных знаний.

Б. И. Додонов [2] выделил два структурных компонента мотивации – внутренний (удовольствие от самой деятельности и значимость для личности непосредственного его результата) и внешний (мотивирующая сила

вознаграждения за деятельность и принуждающее давление на личность). Внутренняя мотивация – стремление совершать деятельность ради нее самой, ради награды, которая содержится в самой деятельности. На взгляд автора, наиболее сильное влияние на творческий компонент профессиональной компетенции дизайнера имеет внутренний мотивационный фактор, так как можно заставить заниматься рутинной работой, имеющей репродуктивный характер, а для творческой деятельности необходим внутренний побудительный мотив, желание творить.

В качестве особенностей, характеризующих специфику мотивационной среды творческих личностей, И. В. Борзенкова [3] отмечает высокую познавательную активность, стремление к достижению успеха, высокий уровень мотивации к определенной деятельности. Стремление к успеху и избегание неудач изучались Ж. Аткинсоном, который связывал мотив избегания неудач со стремлением человека ставить перед собой или слишком легкие задачи, выполнение которых не вызывает сомнения, или слишком трудные, невыполнение которых не принесет огорчения, поскольку это не рассматривается как неудача. Вместе с тем успех сам по себе обладает побудительным свойством. Поэтому если у человека появляется вероятность достижения успеха, он, как правило, избирает стратегию достижения успеха [4].

Для реализации имеющегося потенциала, для демонстрации творческого компонента необходимо введение в структуру этого ключевого компонента деятельности составляющей. С одной стороны, обязательным является наличие умений и навыков творческой деятельности: умение предлагать большое количество разнообразных идей на заданную тему, умение выходить на уровень абстрагирования, умение преодолевать стереотипность, умение прогнозировать развитие модных тенденций. Умения опираются на активную интеллектуальную деятельность и обязательно включают в себя процессы мышления. Безусловно, важный компонент, без которого невозможна реализация творческой деятельности – знания в области активизации творческой деятельности, эвристических методов, теории решения изобретательских задач, мирового опыта в области создания и разработки дизайнерских идей.

С другой стороны, предполагается наличие определенных качеств личности, позволяющих успешно реализовывать творческий компонент деятельности. А. Н. Лук сформулировал главные черты творческой личности: смелость ума, сила духа, смелость работать ради создания лучшего; смелость думать так, как не думает никто; смелость целиком отдаваться внешней и внутренней жизни; смелость следовать своей интуиции вопреки логическим рассуждениям; смелость воображения, позволяющая представить недостижимое, а потом достичь его; смелость противопоставить себя большинству и, если нужно, вступить в конфликт с ним; смелость быть самим собой [5]. Теория развития творческой личности (ТРТЛ), являющаяся подсистемой теории решения изобретательских задач Г. С. Альтшуллера, выявила такие качества творческой личности, как высокая работоспособность в выполнении намеченных планов; умение держать удар; результативность, владение методологией творчества; любознательность; настойчивость и целеустремленность; критичность и самокритичность; скромность в самооценке; готовность к риску и способность идти на обоснованный риск; чувство юмора; развитое внимание и воображение; умение «думать руками»; умение работать в коллективе; забота о здоровье и физической выносливости; гармония с внешним и внутренним миром [6]. Г. Линдсей и его коллеги выделяют склонность к конформизму, боязнь оказаться белой вороной, завышенную оценку значимости собственных идей и высокоразвитую тревожность в качестве факторов, мешающих человеку быть творческой личностью.

В. И. Андреев выделяет такие группы элементов творческих способностей, как: мотивационно-творческая активность и направленность личности; интеллектуально-логические способности личности; мировоззренческие качества, способствующие успешности учебно-творческой деятельности; способности к самоуправлению; коммуникативно-творческие способности; индивидуальные способности личности, способствующие успешности учебно-творческой деятельности; нравственные качества; эстетические качества.

На основании анализа качеств творческой личности можно выделить два структурных элемента, характеризующих личностные качества дизайнера:

а) творческие способности (под ними подразумевается синтез свойств и особенностей

личности, характеризующих степень их соответствия требованиям определенного вида творческой деятельности и обуславливающих степень их результативности) – способность обобщать опыт творческой деятельности других; способность увидеть новое в привычной профессиональной деятельности; способность построения ассоциативных связей, аналогий; интуиция, способность видеть несколько способов решения одной и той же проблемы, способность прогнозирования предстоящего развития модных тенденций;

б) эмоционально-волевые качества личности: результативность, высокая работоспособность, любознательность, целеустремленность, решительность, антиконформизм, готовность к риску, самостоятельность.

Кроме того, для дизайнера особенно важное значение имеет воображение, позволяющее создавать образы. Воображение, по Л. С. Выготскому – импульс к творчеству. Воображение есть действие или усилие, направленное на создание мыслительных образов чего-то нового, ранее не встречавшегося, или направленное на создание новых образов, идеи с использованием накопленного опыта [7].

Воображение является основой наглядно-образного мышления, позволяющего человеку ориентироваться в ситуации и решать задачи без непосредственного вмешательства практических действий. Воображение – это психический процесс оперирования созданными образами, данными в представлении. В деятельности дизайнера имеют место активное и продуктивное воображение. Активное воображение характеризуется тем, что, пользуясь им, специалист усилием воли вызывает у себя соответствующие образы. Продуктивное воображение предполагает сознательное конструирование действительности, манипулирование образами, а не просто копирование или воссоздание. «Высший уровень воображения, – пишет С. Л. Рубинштейн, – сознательное формирование образов и их преобразование в соответствии с целями сознательной творческой деятельности человека». Благодаря сложившемуся и развивающемуся в деятельности воображению осуществляется связь вызревающих в ходе деятельности абстракций с реальной практикой. Воображение тесно связано с мышлением и вплетено в него. Действительно, П. Торренс выделяет такие качества творческого мышления, как творческое воображение и фантазиро-

вание, а также логичность, системность, диалектичность, нестандартность, творческая интуиция. С. Литвиным выделено в качестве основной цели для курса развития творческого воображения развитие творческого стиля мышления (системности, диалектичности, внешаблонности).

Анализ профессиональной деятельности дизайнера показал, что профессионально необходимым качеством является наглядно-образное мышление, позволяющее представлять образы в уме, видоизменять их согласно поставленному заданию. Наглядно-образное мышление – способ решения задач, включающий наблюдение за ситуацией и оперирование образами составляющих ее предметов без практических действий с ними.

На основе проведенного анализа установлено, что творческий компонент профессиональ-

ной компетенции дизайнера представляет собой совокупность качеств личности (мотивация, знания, умения, навыки, способности), обеспечивающих выполнение креативной деятельности в процессе дизайн-проектирования, направленного на создание новых изделий.

Таким образом, основная часть творческого компонента профессиональной компетенции дизайнера определяется как креативно-деятельностная, состоящая из таких составляющих, как знания, умения и навыки творческой деятельности; творческое воображение; наглядно-образное мышление; творческие способности и творческие качества личности, творческое мышление. На основе вышеизложенного на рис. 2 представлена структура творческого компонента профессиональной компетенции дизайнера.

Рис. 2. Структура творческого компонента профессиональной компетенции дизайнера

Дизайнер – проектировщик новых вещей. Созданные дизайнером вещи, чтобы оправдать свое существование, то есть быть конкурентоспособными, должны одновременно и удивлять и удовлетворять, соответствовать ожиданиям и быть неожиданными. Многие зарубежные вузы проводят тестирование поступающих на дизайнерские или архитектурные факультеты, предусматривающее выявление уровня развития творческих качеств личности. В зарубежных

источниках в перечне наиболее общих характеристик личности, претендующей на обучение в области дизайна, фигурируют такие качества, как способность к визуальному мышлению и креативность (созидательность, творчество), а также некоторые черты характера. Анализ существующих точек зрения говорит о том, что многие авторы (М. М. Зиновкина, Л. А. Сафина, В. А. Слостенин и др.) выделяют уровень творческого развития как необходимую состав-

ляющую профессиональной компетенции дизайнера. Именно творческая составляющая делает дизайнера дизайнером, позволяет ему предлагать нестандартные решения, генерировать большое количество разнообразных идей, быть смелым в своих поступках. Отсюда вывод, что ключевым элементом творческого компонента профессиональной деятельности дизайнера является креативно-деятельностная составляющая, так как именно она соединяет в себе все важные для творчества компоненты.

Многие психологи связывают способности к творческой деятельности прежде всего с особенностями мышления. В частности, известный американский психолог Дж. Гилфорд, занимавшийся проблемами человеческого интеллекта, установил, что творческим личностям свойственно дивергентное мышление. Люди, обладающие таким типом мышления, при решении какой-либо проблемы не концентрируют все свои усилия на нахождение единственно правильного решения, а начинают искать решения по всем возможным направлениям с тем, чтобы рассмотреть как можно больше вариантов. Такие люди склонны образовывать новые комбинации из элементов, которые большинство людей знают и используют только определенным образом, или формировать связи между двумя элементами, не имеющими на первый взгляд ничего общего. Дивергентный способ мышления лежит в основе творческого мышления, которое характеризуется следующими основными особенностями: беглость – способность высказывать максимальное количество идей; гибкость – способность высказывать широкое многообразие идей; оригинальность – способность порождать новые нестандартные идеи (это может проявляться в ответах, решениях, несовпадающих с общепринятыми).

Э. де Боно [8] рассматривает творческое мышление как особый способ обработки информации.

За творческим мышлением стоит умение думать, осмысливать, понимать, чувствовать, переживать, видеть суть и глубину происходящего, организовывать и образовывать свое сознание, умение не только решать, но и поставить

задачу, охватить взором проблему в целом и предвидеть последствия совершаемых действий (Л. И. Гурье, Л. В. Редин).

Л. В. Редин отмечает, что сформированное творческое мышление у современного специалиста является важным системообразующим фактором, позволяющим выполнять непосредственно творческую деятельность, проявлять самостоятельность в принятии решений, генерировать парадоксальные, оригинальные идеи, владеть соответствующими научно-практическими навыками при постановке и решении задач. Творческое мышление – это один из видов мышления, характеризующийся созданием субъективно или объективно нового продукта и новообразованиями в самой познавательной деятельности по его созданию.

Анализ точек зрения известных деятелей психологии и педагогики в области творческого мышления позволяет сделать вывод о том, что именно оно является системообразующим элементом творческого компонента профессиональной компетенции дизайнера; от уровня его развития зависит качество предлагаемых специалистом решений, а соответственно, и профессиональная компетенция дизайнера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Моляко, В. А. Психология творческой деятельности / В. А. Моляко. – Киев: Знание, 1978. – 98 с.
2. Додонов, Б. И. Эмоции как ценность / Б. И. Додонов. – М.: Наука, 1978. – 214 с.
3. Борзенкова, И. В. Психология творчества: учеб. пособие для студентов / И. В. Борзенкова. – Курск: Издательство Регионального открытого социального института, 2002. – 68 с.
4. Atkinson, J. The Achievement Motive and Recall of Interrupted and Completed Tasks / J. Atkinson // J. Exp. Psych. – 1958. – P. 177.
5. Лук, А. И. Юмор. Остроумие. Творчество / А. И. Лук. – М.: Искусство, 1977. – 117 с.
6. Альтшуллер, Г. С. Жизненная стратегия творческой личности / Г. С. Альтшуллер, И. М. Верткин // Грани творчества. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1989. – 129 с.
7. Выготский, Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте / Л. С. Выготский / Собр. соч. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 2.
8. Боно, Э. Серьезное творческое мышление / Э. Боно; пер. с англ. Д. Я. Онацкой. – Мн.: ООО «Попурри», 2005. – 416 с.

УДК 372.124:372

*О. В. Ситникова***ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ ПЕДАГОГА К РАЗВИТИЮ ТВОРЧЕСКИХ УМЕНИЙ И НАВЫКОВ У ДОШКОЛЬНИКОВ СРЕДСТВАМИ МУЗЫКИ В СИСТЕМЕ ПОСТДИПЛОМНОГО ОБРАЗОВАНИЯ****Северо-Кавказский государственный технический университет**

E-mail: sitnikova.oksana@mail.ru

В статье рассматривается постдипломное образование как условие формирования готовности педагога к развитию творческих умений и навыков у дошкольников средствами музыки. Актуализируются цели и задачи программ повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров в рамках дошкольного образования. В статье частично отражены формы и методы обучения педагогов в рамках реализации кредитно-модульной системы повышения квалификации.

Ключевые слова: постдипломное образование, готовность, формы и методы обучения взрослых, кредитно-модульная система обучения.

*O. V. Sitnikova***FORMATION OF PREPARATION OF THE TEACHER TO DEVELOPMENT OF CREATIVE SKILLS IN PRESCHOOL CHILDREN MUSIC MEANS IN SYSTEM OF THE POSTDEGREE EDUCATION****North Caucasus State Technical University**

In this article postdegree education is considered as a condition of formation of teacher's preparation to development of creative skills in preschool children by music means. The purposes and programs problems of improvement of professional skill and retraining of pedagogical shots are staticized within the limits of a preschool education. In this article maintenance forms and methods of training are partially reflected within the limits of realisation of credit-modular system of improvement of professional skill.

Keywords: postdegree education, preparation, forms and methods of training adults, credit-modular system of training.

В настоящее время актуальным для самореализации каждого человека является непрерывное образование. Под непрерывным образованием в научной литературе понимается комплекс процессов формального и неформального обучения, с помощью которых индивиды развивают свои способности, обогащают знания, умения, навыки и личностные качества, совершенствуют или приобретают новые профессиональные квалификации или же применяют их в новом направлении для удовлетворения своих потребностей и потребностей всего общества, в чем и обнаруживают свою творческую направленность [4].

В докладах Международных конференций ЮНЕСКО была предложена следующая дефиниция непрерывного образования: непрерывное образование означает всякого рода отдельные действия, которые взаимно дополняют друг друга и протекают как в рамках системы образования, так и за ее пределами в разные периоды жизни. Эта деятельность ориентирована на приобретение знаний, развитие всех сторон и способностей личности, включая умение учиться и подготовку к исполнению разнообразных социальных и профессиональных обязанностей [3].

Составляющим компонентом непрерывного образования рассматривается постдипломное образование. Отечественные исследователи наряду с термином «постдипломное образование» приводят близкие по значению термины «педагогика взрослых», «теория образования взрослых», «теория обучения взрослых», «андрагогика» и т. д. Рассматривая образование взрослых, ученые подчеркивают значимость непрерывного педагогического образования как интегративного элемента всей жизни человека, обогащающего его творческий потенциал и способствующего профессиональной самореализации педагога в различных сферах профессиональной деятельности, в развитии профессиональной культуры [1; 3].

Постдипломное образование как составляющая непрерывного образования педагога рассматривается автором как система профессионального обучения. Результатом данного обучения педагога является формирование его готовности к профессионально-педагогической деятельности. Категория «готовность» широко представлена в работах многих ученых и представляется итогом профессионального обучения и самообучения, воспитания и самовоспитания. В широком смысле готовность к опреде-

ленному виду деятельности – это мотивированный данным видом деятельности комплекс качеств знаний, практических умений и навыков, состояний и отношений, необходимых для достижения социально значимых целей, результатов [4].

Система непрерывного образования педагогов в Ставропольском крае реализуется на базе ГОУ ДПО «Ставропольский краевой институт повышения квалификации работников образования» (СКИПКРО).

Анализ современной ситуации показывает, что проблема дефицита квалифицированных педагогов для работы с детьми стоит особенно остро в системе дошкольного образования. Суть процесса повышения квалификации в СКИПКРО определяется опережающей подготовкой педагогических кадров, выполняющей не только специализированную функцию – предоставление слушателям определенного количества информации, а также поиском путей решения проблемы использования активных форм и методов обучения.

Автором был осуществлен анализ существующих образовательных программ курсов повышения квалификации педагогов-воспитателей, методистов и заведующих дошкольных учреждений, рассчитанных на 108 теоретических и практических часов, подчиненных определенной тематике (например, «Актуальные проблемы развития дошкольного образования», «Развитие детей дошкольного возраста в контексте культуры», «Управление ДОУ в условиях модернизации образования» и т. д.). Программы повышения квалификации педагогов отражают единые требования к содержанию дошкольного образования, специфику дошкольного возраста, а также современные развивающие технологии обучения и воспитания детей.

В основных целях и задачах программ повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров в рамках дошкольного образования не фигурируют задачи по формированию готовности педагогов к развитию творческих умений и навыков у дошкольников средствами музыки. Хотя в квалификационных требованиях государственного образовательного стандарта среднего и высшего профессионального образования указывается на необходимость профессиональной подготовки педагога дошкольного образовательного учреждения к реализации данных направлений деятельности, для чего педагог-воспитатель «...должен

знать содержание и... владеть умениями организации музыкальной и художественно-эстетической деятельности» [2].

В исследованиях Е. И. Банниковой, А. В. Доросинской, Е. Н. Котышевой и других подчеркивается, что педагоги-воспитатели дошкольных образовательных учреждений, как правило, не имеют предпрофессионального музыкального образования, вследствие чего они владеют ограниченным объемом музыкальных умений и навыков, знакомы с ограниченным объемом музыкальных произведений различных жанров, стилей и направлений, не могут качественно исполнять вокальные и инструментальные музыкальные произведения. Все это затрудняет организацию педагогами-воспитателями различных видов музыкальной деятельности и реализацию творческих умений и навыков дошкольников средствами музыки.

В процессе обучения дошкольников существует два эффективных пути применения искусства: ознакомление с искусством в процессе специальных видов деятельности (музыкальное воспитание, театральная деятельность, изобразительное искусство) и включение различных видов искусства, в том числе и музыкального, в свободную и другие виды деятельности (физкультура, развитие речи, ознакомление с окружающим и т. д.). В связи с этим рядом авторов (Л. А. Безбородова, Л. В. Горюнова, М. С. Осеннева, В. Н. Шацкая и др.) выделяются такие направления работы педагогов дошкольного образовательного учреждения по организации музыкальной деятельности дошкольников, как музыкально-просветительское и художественно-образовательное. Первое направление предполагает включение музыкального искусства в свободную деятельность дошкольников, второе – в содержание воспитательно-образовательного процесса: изобразительное искусство и художественный труд, развитие речи, знакомство с окружающим миром. Каждое из данных направлений предполагает свои методы и приемы организации творческой деятельности дошкольников посредством музыки, для реализации которых необходима определенная подготовка педагога-воспитателя.

Анализ профессиональной деятельности педагогов-воспитателей дошкольных образовательных учреждений относительно применения музыкального искусства в учебно-воспитательном процессе, проведенный на констатирующем этапе экспериментальной работы, свиде-

тельствует о наличии у них трудностей в организации указанных направлений профессиональной деятельности. Результаты анкетирования воспитателей дошкольных учреждений Ставропольского края показали, что целенаправленной подготовке педагогов к развитию творческих умений и навыков у дошкольников средствами музыки не уделяется должного внимания: 76 % воспитателей оценили свой теоретико-методический уровень осуществления данного вида педагогической деятельности как низкий. Обусловлено это в первую очередь недостаточной разработанностью теоретических и методических аспектов подготовки педагогов дошкольных учреждений к развитию творческих умений и навыков у дошкольников средствами музыки. Исследования, проведенные автором через анкетирование и тестирование основных компонентов готовности педагогов к развитию творческих умений и навыков у дошкольников средствами музыки, показали низкий уровень сформированности и определили актуальность изучения данного направления.

Таким образом, обнаружено противоречие между квалификационными требованиями государственного образовательного стандарта и основными целями и задачами программ повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров дошкольного образования.

Для устранения данного противоречия в рамках экспериментальной работы на формирующем этапе автором была разработана и внедрена модульная программа проблемных курсов (48 часов), что соответствовало двум кредитно-зачетным единицам по теме «Формирование готовности педагогов к развитию творческих умений и навыков у дошкольников средствами музыки». Доля практических и теоретических занятий соответствует план-программе разработанного организационно-методического обеспечения проблемного курса. Теоретическая составляющая проблемного курса позволяла, с одной стороны, углубить знания в области педагогических теорий и систем музыкальной педагогики, с другой – создать предпосылки для полноценного освоения педагогами конкретных методик развития творческих умений и навыков у дошкольников.

Целью модульной программы проблемного курса «Формирование готовности педагогов к развитию творческих умений и навыков у дошкольников средствами музыки» являлось формирование системы специальных, теоретиче-

ских и методических знаний педагога дошкольного учреждения по развитию творческих умений и навыков у дошкольников средствами музыки.

Основные задачи проблемного курса «Формирование готовности педагогов к развитию творческих умений и навыков у дошкольников средствами музыки»:

- формирование музыкальной и общей духовной культуры педагогов;

- получение знаний о содержании, методах и приемах работы по развитию творческих умений и навыков у дошкольников средствами музыки;

- овладение практическими и исполнительскими музыкально-творческими умениями и навыками, расширение индивидуального творческого опыта педагогов посредством использованием специальных музыкальных приемов творческой деятельности;

- закрепление и расширение представлений о развитии личности ребенка дошкольного возраста, его музыкально-творческих проявлениях, особенностях развития творческих умений и навыков средствами музыки;

- овладение умениями организовать эффективное обучение в различных формах музыкально-творческой деятельности детей.

С целью эффективного формирования готовности педагога к развитию творческих умений и навыков у педагогов в структуре модульной программы было выделено семь образовательных модулей (информационный модуль, развивающий модуль, мобилизационный модуль, конструктивный модуль, организаторский модуль, коммуникативный модуль, исследовательский модуль).

Образовательная цель информационного модуля заключается в формировании совокупности профессиональных знаний, умений и навыков: использовать в работе разнообразный музыкальный репертуар (классическая и народная музыка, музыкальные сказки); владеть исполнительскими навыками и умениями (играть на музыкальных детских инструментах, петь, выразительно двигаться под музыку) и т. д. В содержание информационного модуля входили следующие темы: «Музыка как вид искусства, ее влияние на гармоничное развитие ребенка. Формирование основ музыкальной культуры у дошкольников»; «Формы организации музыкальной деятельности детей»; «Творчество в различных видах музыкальной деятельности детей» и др.

В рамках изучения темы «Творчество в различных видах музыкальной деятельности детей» практические занятия предполагали освоение слушателями приемов игры на детских музыкальных инструментах, а также освоение определенного арсенала музыкально-ритмических движений, необходимых вокально-хоровых певческих установок, которые могут обеспечить творческое выражение музыкального образа.

Каждый образовательный модуль являлся самостоятельным и обязательным компонентом программы. Необходимость каждого раздела определяется целью и задачами подготовки педагогов в системе последиplomного образования к развитию творческих умений и навыков у дошкольников средствами музыки.

После реализации программы модульного курса была проведена контрольная диагностика готовности педагогов к развитию творческих умений и навыков у дошкольников средствами музыки, которая показала следующую динамику. Так, например, диагностировались исполнительские умения и навыки у педагогов, вследствие чего 51 % респондентов отметил, что они овладели умением играть на детских музыкальных инструментах, 49 % педагогов имеют певческие и хоровые навыки, 54 % владеют умением выразительного пения, 47 % владеют умениями и навыками выразительной ритмопластики и музыкально-ритмических движений.

Таким образом, программа проблемного курса «Формирование готовности педагогов к развитию творческих умений и навыков у дошкольников средствами музыки» способствовала формированию готовности педагогов к развитию творческих умений и навыков у дошкольников средствами музыки.

Кроме того, комплексная диагностика и пролонгированная работа автора с педагогами-воспитателями показала, что непрерывное образование является условием профессионального совершенствования педагога.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бим-Бад, Б. Открытые проблемы открытого обучения / Б. Бим-Бад, С. Змеев // Вестник высшей школы. – 1991. – № 10.
2. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Требования к обязательному минимуму содержания основной образовательной программы организатора-методиста дошкольного образования по специальности 031100 «Педагогика и методика дошкольного образования». – М.: ИПР ВПО, 2003. – 56 с.
3. Коптаж, Г. Непрерывное образование: Основные принципы / Г. Коптаж // Вестник высшей школы. – 1991. – № 6.
4. Кязимов, К. Г. Профессиональная подготовка и переподготовка безработных: монография / К. Г. Кязимов. – М.: Издательский центр АПО, 1999. – 243 с.
5. Никитин, Э. М. Повышение квалификации работников образования: состояние проблемы, перспективы / Э. М. Никитин, М. П. Пальянов, В. Я. Синенко. – Томск, 1999. – 236 с.

А. Н. Леонтьев

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ПЕРШИН

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: leont@vstu.ru

15 января 2010 года не стало доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшего образования Николая Ивановича Першина, вся профессиональная жизнь которого была связана с Волгоградским государственным техническим институтом. Более пятидесяти лет он проработал в нашем вузе. На его глазах и с его участием прошли все этапы становления, развитие гуманитарного знания и образования в рамках технического высшего учебного заведения.

Н. И. Першин родился в Курской области, в небольшой деревне Жилино, что севернее города Рыльского, но вся сознательная жизнь связана с Волгоградом. Приехал сюда, будучи еще совсем ребенком, вместе с матерью, которая после гибели на войне мужа, командира Красной Армии, работала санитаркой в эвакогоспитале. Детство было тяжелое, военное и голодное. После возвращения из эвакуации в 1943 году Н. И. Першин, как сын погибшего на войне, был зачислен в Астраханское суворовское училище, которое реально дислоцировалось в городе Чкаловск Оренбургской области. После окончания училища Николай был направлен для продолжения военного образования в Ленинградское Краснознаменное военно-пехотное училище им. С. М. Кирова (быв. им. Склянского).

Но военная служба не заладилась. Практически сразу же после приезда в Ленинград в 1948 году он заболел, был комиссован по состоянию здоровья и вернулся в Сталинград. Проработав полгода корректором редакции газеты «За Победу» Сталинградского завода № 264 (завод «Судоверфь») уже в 1949 году поступил на исторический факультет Сталинградского педагогического института им. А. С. Серфимовича.

Учеба в педагогическом институте раскрыла способности Николая Першина как ученого и общественного деятеля. Он проявил себя не только в учебной, но и в общественной работе как по профсоюзной, так и по комсомольской линии. Принимал активное участие в работе студенческого научного общества. За отличную учебу, добросовестное выполнение общественных поручений, успехи в научных исследованиях с 1950 по 1953 г. решением ученого совета Н. И. Першину присуждалась сталинская (государственная) стипендия. Последний год учебы в вузе Николай одновременно был секретарем комитета ВЛКСМ пединститута.

Учеба в пединституте в те времена продолжалась четыре года с 1949 по 1953 год. После окончания вуза Н. Першин в 1953 году по рекомендации ученого совета СПИ поступил в аспирантуру кафедры истории КПСС Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

После аспирантуры в октябре 1956 года он вернулся в Сталинград и поступил на должность ассистента кафедры марксизма-ленинизма тогда еще Сталинградского механического института. С этого времени вся его жизнь была связана с нашим вузом, где он продолжал работать вплоть до своей смерти.

За это время он последовательно занимал должности ассистента (1956), старшего преподавателя (1959) кафедры марксизма-ленинизма, доцента (1961) преобразованной кафедры в кафедру марксистско-ленинской философии и научного коммунизма, профессора (1975) кафедры философии и научного коммунизма, заведующего кафедрой философии и теории социализма ВПИ (1987), заведующего кафедрой политологии (1992), а с 2003 г. профессора кафедры политологии ВолГТУ. Некоторое вре-

мя, в течение четырех лет, с 1962 по 1966 г. по совместительству работал деканом заочного факультета ВПИ.

Диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Газета «Правда» в борьбе за укрепление союза рабочего класса и крестьянства в годы первой пятилетки» Николай Иванович защитил в 1958 году в Москве, в МГУ, а докторскую диссертацию на тему «Создание тракторной промышленности в СССР» защитил в ученом совете Пермского государственного университета в 1975 г. В ее основе лежали многолетнее изучение истории создания отечественного тракторостроения. Материалы о зарождении и развитии производства тракторов и другой техники в России собирались в архивных хранилищах Москвы, Ленинграда (ныне Санкт-Петербург), Свердловска (Екатеринбурга), Харькова, Саратова, Ростова, Волгограда, Челябинска.

Им были опубликованы получившие широкую известность статьи, рассказывающие о трудностях, с которыми столкнулись проектировщики, строители и участники освоения, о трудовом героизме рабочих коллективов, о превращении первенцев отечественного тракторостроения в «танкограды» после вероломного нападения фашистской Германии. И главным объектом его исследований оставался Сталинградский тракторный завод, с которым его связывали не только научные, но личные отношения.

В зрелом возрасте, который совпал с перестроечным периодом, изменилась и направленность научных интересов. Николай Иванович все больше внимание уделял макрополитическим процессам, происходящим в Советском союзе, а потом и в России. Он выступал с критикой тогдашнего руководства страны, доказывал необходимость сохранения всего лучшего, что было достигнуто в годы советской власти. Это нашло отражение в тематике диссертационных исследованиях его учеников.

Прежде всего это проблемы патриотического и идейно-нравственного воспитания, проблемы межнациональных отношений. Затем в центр внимания вошли процессы формирования и становления политической культуры, социальные противоречия в условиях становления частной собственности, что выразилось в собственной концепции стабилизации, которой он продолжал придерживаться в последующий период своей научной деятельности. Но особое внимание уделял вопросам идейно-нравст-

венного и патриотического воспитания подрастающего поколения, прежде всего студентов. Это находило отражение не только в научных публикациях, но в процессе ежедневной учебной деятельности, на лекциях и семинарских занятиях, зачетах и экзаменах. Он требовал от студентов формирования собственной политической позиции и обоснования этой позиции в полемике. Нет студентов, которые не запомнили бы убежденность и требовательность своего преподавателя.

Я пришел работать на кафедру в переломный период окончания перестройки и начала реформ. Как молодому специалисту, выпускнику Ростовского университета, с дипломом преподавателя научного коммунизма, было все вновь и интересно. Только потом я понял, процессы были весьма неоднозначные, шел процесс реорганизации вуза, но Н. И. Першин смог выстроить отношения на кафедре таким образом, что все закончилось благополучно. С тех пор задел, направленный на недопущение конфликтов, основанный на авторитете заведующего, остается стилем кафедры «Политология» до настоящего времени.

Оставаясь верен себе, Николай Иванович оставался не только в общественной жизни, но и в научной. Странник традиций, он уверенно направлял научный поиск в нужное русло. Когда я принес первую заготовку своей диссертации с громоздким названием «Переходные и сверхпереходные процессы в сложноорганизованных системах закрытого типа на примере формирования государственной политики в сфере занятости» Николай Иванович в мягкой, но настойчивой форме дал понять, что новации – это хорошо, но лучше оставаться в рамках сложившейся научной тематики фразеологии. В результате получилась работа «Безработица: социально-философский аспект исследований», которую я успешно защитил в 1996 году.

Им были написаны и опубликованы десятки статей и брошюр. Под его редакцией стали ежегодно выходить сборники научных исследований под общим названием «Мир политики», в котором публиковались результаты научных исследований сотрудников кафедры, аспирантов и признаваемых специалистов других вузов. Н. И. Першин был председателем редакционной комиссии и постоянным автором журнала «Известия ВолгГТУ. Серия "Проблемы социально-гуманитарного знания"», где было опубликовано большинство его статей. Всего же в

центральной и местной печати им опубликовано около 200 научных трудов.

Николай Иванович проявил себя прежде всего как преподаватель, пропагандист и научный наставник. Как лектора его отличала широкая эрудиция, высокая культура, прекрасное знание истории, экономической теории, политических движений прошлого и настоящего, умение в простой и доходчивой форме передать свои знания слушателям. В течение почти тридцати лет он возглавлял совет Волгоградской областной организации общества «Знание». Ему много раз присваивалось звание «Лучший лектор Волгоградской области».

В 1998 г. Н. И. Першин был избран действительным членом Академии гуманитарных наук РФ, а в 1999 г. ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации». Также он был награжден правительственными наградами: в 1970 году медалью «За доблестный труд в ознамено-

вание 100-летия со дня рождения В.И.Ленина», а в 1980 году медалью «За трудовую доблесть».

Оставаясь социально активным, Николай Иванович продолжал по мере сил участвовать в общественной и научной жизни, прежде всего его заботило состояние дел в Волгоградской организации КПРФ, где он сформировал и упорно отстаивал свою позицию.

Последней книгой, вышедшей при жизни Николая Ивановича в 2009 г., была монография «Коррупция в России».

До последних дней жизни Н. И. Першин продолжал заниматься научной работой. Неоконченным научным трудом, так и оставшимся в рукописи, осталась книга под названием «О положении в России», где давался анализ исторического пути развития нашего государства. Текст обрывается на приходе к власти Н. С. Хрущева...

Вечная память уважаемому Николаю Ивановичу Першину, ученому и патриоту!

А. С. Сухова, И. Г. Селезнева

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И СТАБИЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: E-mail: irinaselezneva@bk.ru

«Круглый стол» на тему «Влияние дестабилизирующих факторов на девиантное поведение» прошел в ноябре 2008 года по инициативе кафедры политологии ВолгГТУ в рамках одноименного гранта РГНФ и представлял собой форум, в котором на партнерских принципах приняли участие преподаватели кафедр «Политология» и «История, культурология и социология» ВолгГТУ, а также приглашенные из ВолГУ и МОУ ШОС № 32.

В начале работы «круглого стола» была поставлена цель: определить меры минимизации и предупреждения девиантного поведения в регионе, а также выявить дестабилизирующие факторы, оказывающие влияние на девиантное поведение. Поэтому в процессе проведения мероприятия были выявлены специфики девиантного поведения, определены объективные и субъективные причины. Была проанализирована природа социальной стабильности в обществе, определена взаимосвязь девиантного поведения и процессов дестабилизации в Волгоградской области и в России в целом. В рамках гендерного подхода выявлена специфика,

структура и стереотипы женской преступности (в Волгоградском регионе).

Для комплексного исследования современных девиаций необходимо понимать не только их характерные черты, но и сопоставить теоретические принципы с общественной практикой. Именно с этой целью было проведено авторское социологическое исследование на тему «Отношение населения к (отдельным) антисоциальным явлениям». Результаты проведенного исследования вызвали особый интерес у участников и стали отдельной темой для полемики.

По результатам исследования были выявлены главные причины девиантного поведения, факторы, способствующие развитию аномии в обществе. Анализ материалов социологического исследования, проведенного участниками гранта, стали основой для написания монографии «Влияние дестабилизирующих факторов». Отдельные положения данной работы могут представлять интерес в работе региональных органов власти при разработке целевых программ по формированию по формированию социальной политики в регионе.

В ходе данного мероприятия прошла презентация монографии И. Г. Селезневой, Н. А. Скобелиной, А. С. Суховой «Влияние дестабилизирующих факторов на девиантное поведение», в которой были опубликованы основные, особенно значимые результаты научной работы за два года в рамках гранта РГНФ, выступили все авторы данной работы. Научный руководитель гранта А. С. Сухова рассказала участникам «круглого стола» об одном из аспектов проекта – гендерном подходе к девиантному поведению и познакомила с результатами научного исследования «Женская преступность в Царицыне 1905 года – в Волгограде 2005 года: сравнительный анализ». В докладе прозвучали и общие тенденции, присущие данной форме девиантного поведения, и особенности, присущие только современному времени.

Выступившая на «круглом столе» доцент И. Г. Селезнева поделилась с участниками интереснейшими результатами исследования усугубления криминогенной ситуации и роста преступности в России ввиду последствий социально-экономических реформ и предложила методы активизации социальной политики государства, которые будут способствовать стабилизации общественных отношений.

Представители МОУ СОШ № 32 г. Волгограда завуч по воспитательной работе Н. А. Ланченкова и социальный педагог Т. Ю. Алимова подчеркнули высокую важность программ, помогающих снизить различные формы девиаций среди школьников. Поделились своим опытом работы с трудными подростками из неблагополучных семей и предложили свою технологию работы с молодыми девиантами.

Выступавший на «круглом столе» доцент А. Н. Леонтьев в основной части своего доклада рассказал собравшимся об основных особенностях современных девиаций, а также об основных моментах, связанных с оптимизацией ситуации во время экономического кризиса.

Профессор Н. В. Дулина выразила надежду, что благодаря этой уникальной акции будет установлен устойчивый контакт между участниками «круглого стола» по обмену опытом в рамках изучения влияния социальных и особенно

экономических факторов на девиантное поведение. Кроме этого, она отметила, что необходимо создавать социально-значимые проекты по профилактике девиантного поведения среди школьников и студентов, создаваемые в регионе.

В рамках темы участникам «круглого стола» было предложено обсудить возможную вероятность влияния экономического кризиса на девиантное поведение, реальное положение дел с преступностью в регионе и возможностью контроля за девиациями в условиях экономической нестабильности.

В ходе дискуссии были выявлены главные причины девиантного поведения, выявлены доминирующие гендерные стереотипы девиантного поведения, факторы, способствующие развитию аномии в обществе. При разработке данной темы был привлечен широкий круг источников, выявлена динамика преступности, социальный состав правонарушителей, исследованы особенности женской преступности, изучена видовая структура преступлений, показана степень распространенности различных видов правонарушений. Исследован мотивационный комплекс противоправного поведения, осуществлена реконструкция социального портрета правонарушителей.

Подводя итоги, доцент Н. А. Скобелина озвучила некоторые цифры о состоянии развития региональных программ по минимизации девиаций. Она отметила, что «круглый стол» выявил уникальные технологии по минимизации как численных характеристик девиантного поведения, так и его количественные показатели. Полученные в ходе дискуссий результаты и выводы по тематике могут быть использованы в лекционных материалах, а также при проведении практических занятиях со студентами. Материалы «круглого стола» могут быть использованы в ходе практической деятельности органов государственной власти и управления на федеральном, региональном и местном уровнях при разработке мер государственной социальной политики, а также в деятельности общественных организаций при решении различных социальных проблем в целях достижения социальной стабильности.

Н. В. Дулина, Н. А. Овчар

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ
ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В XXI ВЕКЕ**

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: dulina@vstu.ru; onadine@mail.ru

Название данного материала полностью совпадает с названием одной из секций, заявленных в рамках проведения Всероссийской научной конференции, прошедшей в Волгоградском государственном техническом университете (ВолгГТУ) 20–22 октября 2009 года под общим названием «Условия, ресурсы и факторы развития России в XXI веке».

Следует обратить внимание, что междисциплинарный характер учебных дисциплин социально-гуманитарного блока, а как следствие, и научных изысканий преподавателей, работающих в ВолгГТУ на кафедрах этого блока, послужили основой того, что доклады, выступления преподавателей кафедр были заявлены и заслушивались и на двух других секциях данной конференции, названия которых были обозначены следующим образом: «Условия современного социально-экономического развития России» (на этой секции выступила Н. В. Дулина с темой «Социокультурное поле региона как условие и ресурс его развития») и «Ресурсы современного социально-экономического развития России» (С. Г. Стафеев, тема выступления «Интеллектуальный ресурс как условие развития России в XXI веке»).

Разброс тем выступлений, заявленных в рамках базовой секции, оказался достаточно широким: от «Инновационных технологий в управлении коммуникационными процессами на фармацевтическом рынке» (Т. Б. Борискина) и «Финансовых аспектов восстановления и развития мясного животноводства в современной России» (А. И. Гончаров, М. В. Гончарова) до «Синергетических феноменов в трансформационном процессе современной России» (Е. Ю. Лентьева, Т. И. Игнатенко) и «Европохолодания» (В. В. Великанов, М. В. Бессарабов). Однако наибольший интерес, как представляется, и широкую дискуссию вызвали выступления, в основу которых был положен анализ явлений и процессов, развивающихся на территории региона. Неоднократно данная проблематика становилась предметом публично научного обсуждения, например, в рамках ежегодной научной конференции профессорско-преподавательского состава ВолгГТУ. Вместе с тем, пожалуй,

впервые акцент в обсуждениях был смещен на факторы инновационного развития региона, поскольку работа секции была позиционирована как преимущественно методологическая – предполагалось обсуждение практических вопросов инновационного развития России в XXI веке. Именно с акцентом на практические вопросы были построены многие выступления. Следует обратить внимание на наиболее заметные выступления, прозвучавшие в рамках секции.

Так, например Е. Г. Ефимов (тема выступления «Социокультурный подход как методологическое основание исследования современного социально-экономического развития России»), выделив ряд принципов социокультурного подхода, обратил внимание на особенности социокультурного подхода как методологического основания исследования современного состояния общества. Таких особенностей он назвал четыре: 1) экономическое развитие может рассматриваться как детерминирующее социокультурное, однако каждое из них обладает собственной динамикой развития; 2) дальнейшее развитие может означать как продолжение построения новой модели общества, так и возвращение к традиционным институтам (прежде всего экономическим). В любом случае, социокультурное развитие общества будет отличаться новыми качественными характеристиками; 3) глобальный характер развития означает, что и внутренняя динамика страны и динамика развития мир – системы, будут одинаково влиять на характер процессов, происходящих в российском обществе; 4) результатом развития, с точки зрения межкультурного взаимодействия, может явиться и усиление мультикультурализма как тенденции развития российского общества, и стремление к культурной автономности, причем оба варианта могут рассматриваться с точки зрения экономической выгоды.

О. В. Естрина (тема выступления «Факторы развития российского социокультурного пространства»), говоря о безусловной заданности российской социокультурной динамики «натуралистическими параметрами», что в свое время отмечалось еще Н. М. Карамзиным, прихо-

дит к выводу, что натуралистические факторы по-прежнему продолжают оказывать устойчивую детерминацию российского социокультурного пространства, провоцируя специфику его социальной структуры, особенность организации власти, ментальные установки и направление экономического развития.

Ю. П. Дубровченко (тема выступления «Инновационный потенциал городов как фактор регионального развития»), анализируя инновационные возможности средних по размерам и уровню промышленного развития городов, исследовал наиболее важные социально-экономические показатели г. Волжского Волгоградской области и пришел к заключению, что есть определенные преимущества, которые позволяют г. Волжскому быть привлекательным для инвестиций, которые осуществляются как в сферах бизнеса, так и в муниципальном хозяйстве.

Н. В. Дулина и В. В. Токарев (тема выступления «Социальное самочувствие жителей региона в условиях экономического кризиса») на основе богатейшего эмпирического материала, полученного в ходе прикладного социологического мониторингового исследования «Волгоградский Омнибус» показали уровень социального самочувствия жителей Волгограда в условиях экономического кризиса, обратив внимание, что самые низкие показатели социального самочувствия жителей Волгограда наблюдались в марте 2009 года. Авторы сделали вывод о том, что, по мнению респондентов, дно кризиса, разразившегося в стране, пройдено.

С. Е. Прошечкин и А. В. Киселева (тема выступления «Основные психолого-педагогические условия развития исторического сознания студентов технических вузов в процессе их профессиональной подготовки»), обращая внимание на тот факт, что организация деятельности студентов в процессе их профессиональной

подготовки должна способствовать овладению ими глубокими и прочными историческими знаниями и формированию на этой основе гражданской позиции, предлагают наряду с традиционными формами обучения (лекции, семинары и т. д.) практиковать и иные формы (деловые игры, дискуссионные занятия и т. д.).

О. И. Ситникова (тема выступления «Патриотизм как фактор консолидации российского общества») на обширном историческом материале сумела показать, что именно объединяющая патриотическая идеология, как это было не раз в самые тяжелые и смутные времена в истории России, и сегодня реально востребована народами, различными социальными слоями; она объективно необходима, ибо только идеология консолидации общества позволяет успешно решать общенациональные модернизационные задачи. Автор приходит к выводу, что благодаря сохранению и упрочению исторической памяти, повышению культуры патриотизма возможно достижение единой цели – выход из кризиса и возрождение Отечества.

По результатам конференции был издан сборник научных статей «Условия, ресурсы и факторы развития России в XXI веке», отражающих теоретико-методологические, методические и прикладные проблемы развития России в XXI веке.

В целом участники конференции констатировали, что состоялся профессиональный и заинтересованный разговор о судьбах России в XXI веке в целом и Волгоградского региона в частности. Подводя итоги дискуссии, участники выразили надежду, что состоявшееся обсуждение даст толчок новым исследованиям, в первую очередь региональных проблем, а результаты этих изысканий послужат основой для принятия грамотных управленческих решений администрацией города и области.

Н. А. Овчар

ЧЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ КАК ОБЩАЯ ПРОБЛЕМА
(по результатам пребывания в Центрально-Европейском университете, г. Будапешт, Венгрия)

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: onadine@mail.ru

Летом 2009 года в Центрально-Европейском университете в г. Будапеште (Венгрия) были проведены занятия в рамках летней школы по курсу «Managing for Integrity: strategies and approaches» («Честное управление: страте-

гии и подходы»). Проводимый в 2009 году в пятый раз, этот курс был ориентирован на изучение возможностей для реформирования систем управления и разработки стратегий коррупционного контроля. Используя междисципли-

линарные научные перспективы и уроки, полученные из практического опыта, преподаватели из разных стран ставили задачу обогащения студентов как прикладными, так и концептуально обоснованными знаниями, которые применяются в настоящее время для анализа коррупции и антикоррупционных мероприятий. Обучение предполагало знакомство не только с теоретическими подходами и определениями, а также с исследовательскими методологиями, результатами исследований, расследований, проведенных специалистами в конкретных направлениях, таких как поиск информации, налоговая прозрачность, оценка рисков, работа представительных органов власти, избирательные технологии, управление. В рамках курса были прослушаны лекции ведущих специалистов, активно участвующих в практической и исследовательской деятельности, велась работа в рабочих группах над важными общественными проблемами, связанными с мотивацией персонала, злоупотреблением служебным положением, взяточничеством, коррупцией и т. д.

Организаторами обучения выступили Центрально-Европейский университет и «Тири» (Tiri). «Тири» – это независимая неправительственная организация, которая сотрудничает с правительствами, предпринимательскими структурами и институтами гражданского общества в поисках практического решения проблем, связанных с обеспечением добросовестного управления и честности.

Центрально-Европейский университет был основан в 1991 году в целях помощи странам Центральной и Восточной Европы и Центральной Азии в переходе от диктатуры к демократии. В университете обучаются студенты из тридцати стран Центральной и Восточной Европы и Центральной Азии, а также из стран западной демократии. Обучение в университете основано на принципах уважения представителей различных культур и мнений, прав человека, законных властей и норм права.

Руководителем курса выступил Фредрик Галтунг (Fredrik Galtung), генеральный директор «Тири» (Лондон), последние пятнадцать лет консультирующий правительства и различные международные и неправительственные организации по проблемам добросовестного управления на четырех континентах. Его отец Йохан Галтунг является одним из выдающихся ученых-обществоведов, специализирующимся на разрешении политических конфликтов между странами.

В качестве лектора выступила директор программы в Университете Хайфа (Израиль) Орнит Шани (Ornit Shani). Она проводит исследования этнической политики и проблем гражданского общества в Южной Азии, с результатами которых она и познакомила слушателей в ходе занятий.

Удалось послушать лекции Стива Беркмана (Steve Berkman), который долгое время работал во Всемирном Банке и проводил расследования по расходованию средств Всемирного Банка. Он рассказал о тех способах и приемах нецелевого использования финансов, которые были выявлены их комиссией. О результатах своей работы он подготовил книгу «The World Bank and the Gods of Lending» («Всемирный Банк и боги займов»).

Перед участниками летней школы также выступила Элизабет Филкин (Elizabeth Filkin), которая работала в комиссии Парламента Великобритании по соблюдению общественных стандартов. Они ведут кропотливую работу по выявлению случаев злоупотребления служебным положением, пользования привилегиями депутатов в личных целях или членами их семей.

Тай Кеонг Тан (Tau Keong Tan) предложил к обсуждению проблемы формирования этических ценностей добросовестного управления. Он работал в службе внутреннего контроля в ООН, консультирует по этим проблемам Всемирный Банк.

Таким образом, очевидно, что проблема добросовестного управления, честной работы представляет интерес не только в масштабах нашей страны. Эта проблема актуальна для всех стран мира, независимо от уровня экономического и политического развития, географического расположения и т. д. Однако масштабы этой проблемы оцениваются по-разному.

Повышение стандартов честности и неподкупности все больше и больше признается в качестве эффективного инструмента, который способствует развитию и усилению легитимного демократического управления. Во всем мире признается потребность в критических и стратегических подходах к успешному реформированию социальных институтов для повышения качества управления и честности власти.

Этот подход, предлагаемый западными исследователями, сформирован как междисциплинарный, который заимствует подходы из та-

моженного права, экономики, предпринимательства, государственного управления, этики общественного сектора так же, как из политики, статистики и этнографии. В ходе курса приводились данные исследований, полученных разными методами в разных методологических парадигмах, но обогащающие проблематику новым содержанием. Данный курс познакомил участников с ключевыми составляющими стратегического и критического подходов для эффективной и устойчивой честности в различных государственных, общественных и коммерческих структурах.

Кроме вышеозначенного курса, в Центрально-Европейском университете существует целая система различных курсов, которые позволяют

проходить обучение по широкому спектру научных и профессиональных интересов в социально-политической, социально-экономической и правовой сферах. Для работы в университете приглашаются ведущие ученые и специалисты, что обеспечивает высокий уровень преподавания, привлечение результатов исследований, проводимых в различных странах по всему миру.

Волгоградский государственный технический университет подписал Меморандум о понимании с «Тири», который предполагает включение в ряд учебных дисциплин в нашем университете модулей, посвященных изучению студентами проблематики честного управления, актуальной не только для России, но и для многих других стран.

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию *Н. И. Першина*
«КОРРУПЦИЯ В РОССИИ»

В 2009 году увидела свет работа Н. И. Першина «Коррупция в России». Как оказалось, эта монография стала его последней публикацией.

Проблема коррупции в последнее время весьма актуальна, этот термин с завидной регулярностью звучит с политических трибун, экранов телевизоров. Все чаще предаются гласности факты злоупотребления служебным положением со стороны чиновников, работников силовых ведомств, депутатов всех уровней. Таким образом, очевидно, что проблема осознана, зафиксирована как проблема и, следовательно, требует решения.

Н. И. Першин еще в начале работы задается вопросом о том, почему, несмотря на то, что работа по противодействию коррупции в России ведется, ее эффективность вызывает серьезные сомнения, в чем здесь причина.

Свой поиск автор начинает с «Истоков», так называется первая глава монографии, где мы узнаем, что первое упоминание о коррупции было найдено среди развалов Древнего Вавилона и датируется двадцать четвертым веком до нашей эры [1, с. 6].

В России понятие «коррупция» не упоминается даже в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля, тогда как «взятничество» является вполне распространенным явлением и устоявшимся термином [1, с. 8]. Последовательно, неспешно Н. И. Першин разворачивает перед читателем страницы отечественной истории, вспоминая события времен Ивана III, Петра I, Александра II, Николая II. Поворотным в масштабах коррупции автор считал 1917 год, аргументируя это тем, что «характеризующие коррупцию формы и методы решения жизненных вопросов в условиях гражданских войн, как правило, не становятся достоянием гласности» [1, с. 15].

Особое значение в формировании коррупции в нашей стране Н. И. Першин придавал деятельности политиков последних десятилетий, начиная от М. С. Горбачева. Именно принятием ряда судьбоносных решений, законов, меняющих политические и экономические устои страны, руководители пошатнули систему «скромных взяток и благодарностей», которые существовали во времена товарного дефицита, и позволили ей перерасти в полномасштабное, всепроникающее явление – коррупцию.

К числу таких весомых событий автор отнес – принятие Закона «О кооперативах», который был использован чиновниками, партийными лидерами, директорами предприятий и профсоюзными активистами в целях личного обогащения;

– рост государственного аппарата из-за развала СССР и приход к власти людей без опыта управления рыночными отношениями;

– рост организованной преступности;

– приватизацию, позволившую нажиться комсомольским активистам, руководителям партийного аппарата, депутатам, хозяйственникам и т. д., а экономике страны потерять сотни миллиардов долларов, о чем свидетельствуют количественные данные, приводимые автором [1, с. 34]. Кроме того, новые собственники оказались заинтересованы в развитии сырьевых отраслей экономики, что тоже не свидетельствует об учете интересов страны, а скорее об обратном;

– Закон «Об упрощенном порядке декларирования доходов физическими лицами», принятый в 2006 году, позволяющий легализовать капиталы без вопросов об их происхождении.

Безусловно, Н. И. Першин задавался вопросами о том, что делает нынешняя власть в лице В. В. Путина и Д. А. Медведева для борьбы с

коррупцией. Являются ли слова о необходимости решать эту проблему только лозунгами или прямым руководством к действию? Ответам на эти вопросы посвящены заключительные страницы монографии.

Так, автор приводит факты игнорирования президентских поручений, несмотря на то, что В. Путин, в бытность свою президентом, обращал внимание на необходимость контроля за доходами работников правоохранительных органов, судейских чиновников, создал Совет при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции.

Масштабы бедствия во времена президентства В. Путина иллюстрируются данными статистики, выдержками из интервью Пола Хлебникова с политиками [2], выступлениями одиозных политических фигур, исследованиями западных специалистов.

Однако попытки нынешнего президента Н. И. Першин поддерживал, несмотря на критику, которая заключается в очень общем характере государственных мер, отсутствии конкретных механизмов, сроков, ответственных лиц. Именно небезразличное отношение к происходящему, ответственная гражданская позиция автора монографии побуждает его сформулировать те задачи, решение которых, по его мнению, позволит противодействовать коррупции в достаточной мере. Среди них научные исследования сущности и форм проявления коррупции, разработка нравственного кодекса гражданина Российской Федерации, принятие системы карательных мер в отношении чиновников и их родственников, виновных в коррупции, контроль за соблюдением законодательства, анализ опыта борьбы с коррупцией в других странах и использование его в России.

Заканчивая чтение монографии, поневоле задаешься вопросом о том, каковы возможности общества по преодолению коррупции, есть ли те ресурсы, которые можно использовать, не оглядываясь на государственные структуры и чиновничество, те меры противодействия, которые сработают и при сопротивлении им со стороны отдельных чиновников.

И тут следует обратить особое внимание на два момента, обозначенных Н. И. Першиным в качестве идей по борьбе с коррупцией.

В первую очередь исследовательская работа по изучению коррупции как социального яв-

ления, как дисфункции социального института государства, выявлении его механизмов, причин, последствий. Это чрезвычайно важная и кропотливая работа осложняется тем, что коррупция является теневой социальной практикой и сбор фактов, данных требует большой по масштабу и продолжительной по времени подготовительной работы. Исследования коррупции помогут понять природу и сущность явления с тем, чтобы потом предложить действенные меры по борьбе с ней. Поскольку проблема коррупции существует не только в России, то в этой работе можно и нужно объединяться и со странами-соседями по бывшему социалистическому лагерю, и со странами, которые принято называть развитыми, находящимися по индексу коррупционности в гораздо более благополучном положении. Такая совместная работа может быть начата в рамках крупных международных организаций, под эгидой которых объединяются образовательные, исследовательские, правительственные, общественные организации, изучающие коррупцию в своих странах.

Второй момент связан с идеей нравственно-го кодекса гражданина Российской Федерации. В нашем понимании, речь может идти скорее о формировании системы ценностей демократического, гражданского общества, общечеловеческих идеалов гуманизма. Причем этот воспитательный процесс должен касаться как подрастающего поколения, так и тех людей, которые уже находятся у власти, участвуют в управлении обществом. Необходим этический кодекс чиновника и меры, стимулирующие соблюдение этого кодекса и жестоко карающие его несоблюдение. Таким образом, эта задача распадается на две – воспитание общества и воспитание чиновников с тем, чтобы проявления коррупции были скорее исключением, чем правилом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Першин, Н. И. Коррупция в России: монография / Н. И. Першин / ВолгГТУ. – Волгоград, 2009. – 56 с.
2. Хлебников, П. Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России / П. Хлебников. – М.: Детектив-Пресс, 2001. – 384 с.

Д-р социол. наук профессор *Н. В. Дулина*,
канд. социол. наук доцент *Н. А. Овчар*

Научное издание

ИЗВЕСТИЯ
Волгоградского государственного технического университета
№ 7(67), 2010 г.

Серия "ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ"
(Выпуск 7)

Межвузовский сборник научных статей

Редактор *Е. В. Кравцова*
Компьютерная верстка *Е. В. Макаровой*

Темплан 2010 г. (научные издания). Поз. № 1н.
Подписано в печать 29.07.2010. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,13. Уч.-изд. л. 18,87.
Тираж 150 экз. Заказ

Волгоградский государственный технический университет.
400131, Волгоград, пр. В. И. Ленина, 28, корп. 1.

Отпечатано в типографии
ИУНЛ ВолгГТУ
400131, Волгоград, пр. В. И. Ленина, 28, корп. 7.

Научное периодическое издание «Известия Волгоградского государственного технического университета» (серия «Проблемы социально-гуманитарного знания») извещает, что статьи в ежегодный сборник принимаются до 30 апреля каждого года.

Материалы представляются на бумажном и электронном носителях по рубрикам: «Философия», «Социология», «Культурология», «Педагогика и психология», «Научная жизнь: хроника, события, комментарии», «Книжная полка». Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не соответствующие профилю издания или оформленные с нарушением требований.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Материалы статьи должны предоставляться в двух видах: печатном (А4, 1 экземпляр) и электронном. На электронном носителе название файла должно содержать первые буквы (латинские) фамилии первого автора и цифру, если автор подает более одной статьи.

1. Текст статьи набирается в редакторе Word for Windows: шрифт Times New Roman, размер – 14, интервал – 1. Распечатывается статья на белой бумаге (1 экз.). Поля: верхнее – 20 мм, нижнее – 30 мм, левое – 25 мм, правое – 25 мм.

2. Объем обзора – 25–35 страниц; объем статьи – 5–7 страниц, включая таблицы и библиографический список.

3. Схема построения статьи: индекс УДК; название статьи (прописными буквами); инициалы и фамилии авторов; наименование организации (или организаций), e-mail, текст статьи; библиографический список. При наличии авторов из нескольких организаций необходимо звездочками указать принадлежность каждого автора.

Желательно придерживаться следующего порядка изложения текста статьи: краткое введение, экспериментальная часть, результаты и их обсуждение, выводы, библиографический список.

Текст статьи набирается с применением автоматического переноса слов.

4. Таблицы представляются на отдельных листах и должны иметь порядковый номер (если их больше одной) и название. Сокращение слов в таблицах не допускается.

5. Рисунки выполняются на отдельных листах в графических редакторах Excel, Corel Draw и др. Размер рисунка не должен быть более стандартного листа формата А4. На обороте каждого рисунка пишется карандашом фамилия первого автора, название статьи и номер рисунка. Подписи к рисункам оформляются на отдельном листе.

6. Краткая аннотация и ключевые слова – на русском языке (печатаются на отдельном листе).

7. Краткая аннотация (включая название статьи, фамилии авторов и название организации) и ключевые слова – на английском языке (печатаются на отдельном листе).

8. Библиографический список представляется на отдельном листе и оформляется в соответствии со следующими правилами.

Оформление библиографических ссылок и примечаний

- Библиографические ссылки на пристатейный список литературы должны быть оформлены с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера.

- Пристатейный список литературы, озаглавленный как **БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**, составляется либо в алфавитном порядке, либо в порядке цитирования. Он должен быть оформлен согласно ГОСТу 7.1–2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания.

- Образец оформления списка литературы:

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бурдые, П.* Социология политики: пер. с фр. / П. Бурдые. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
2. *Витгенштейн, Л.* Logisch-philosophische Abhandlung = Логико-философский трактат // Философские работы / Л. Витгенштейн; пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева; сост., вступ. ст., примеч. М. С. Козловой. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. 1. – 520 с.
3. *Гидденс, Э.* Социология / Э. Гидденс; науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой и Л. Н. Иосилевича. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
4. *Качанов, Ю. Л.* Социальная реальность и пространство – время социального мира / Ю. Л. Качанов // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2003 / под ред. Л. М. Дробижевой. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – С. 57–74.
5. *Малинецкий, Г.* Выбор стратегии / Г. Малинецкий // Компьютерра. – 2003. – № 38 (513). – С. 25–31.

- Имеющиеся примечания и комментарии помещаются перед списком литературы.

Фамилии авторов, полное название книг и журналов приводятся на языке оригинала. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

9. Статья должна быть подписана всеми авторами.

10. К статье должны быть приложены:
- сведения об авторах (имя, отчество, фамилия, ученая степень, звание, домашний адрес, номер телефона домашний и служебный, e-mail);
  - экспертное заключение о возможности опубликования в открытой печати; для аспирантов, соискателей – отзыв доктора наук по профилю представляемого материала (научного руководителя);
  - для всех – рецензия на статью (внешняя – от рецензента из другой организации).

Статьи принимаются ответственным секретарем сборника

Надеждой Андреевной Овчар

г. Волгоград, пр. Ленина, 28, ВолГГУ, кафедра истории, культуры и социологии, ауд. 310, тел. (8442) 24 81 41, e-mail Izvest.VSTU@gmail.com

Лично материалы можно доставить по адресу: г. Волгоград, пр. Ленина, 28, к. 244 Раисе Маратовне Петрунёвой (raissa@vstu.ru), тел. (8442) 24–80–15; к. 308 Надежде Васильевне Дулиной (dulina@vstu.ru), тел. (8442) 24–81–41; к. 241 Елене Юрьевне Леонтьевой (philos@vstu.ru), тел. (8442) 24–80–97.

Редакция дорожит своей репутацией и обращает внимание авторов, что плата за публикацию статей не взимается!